

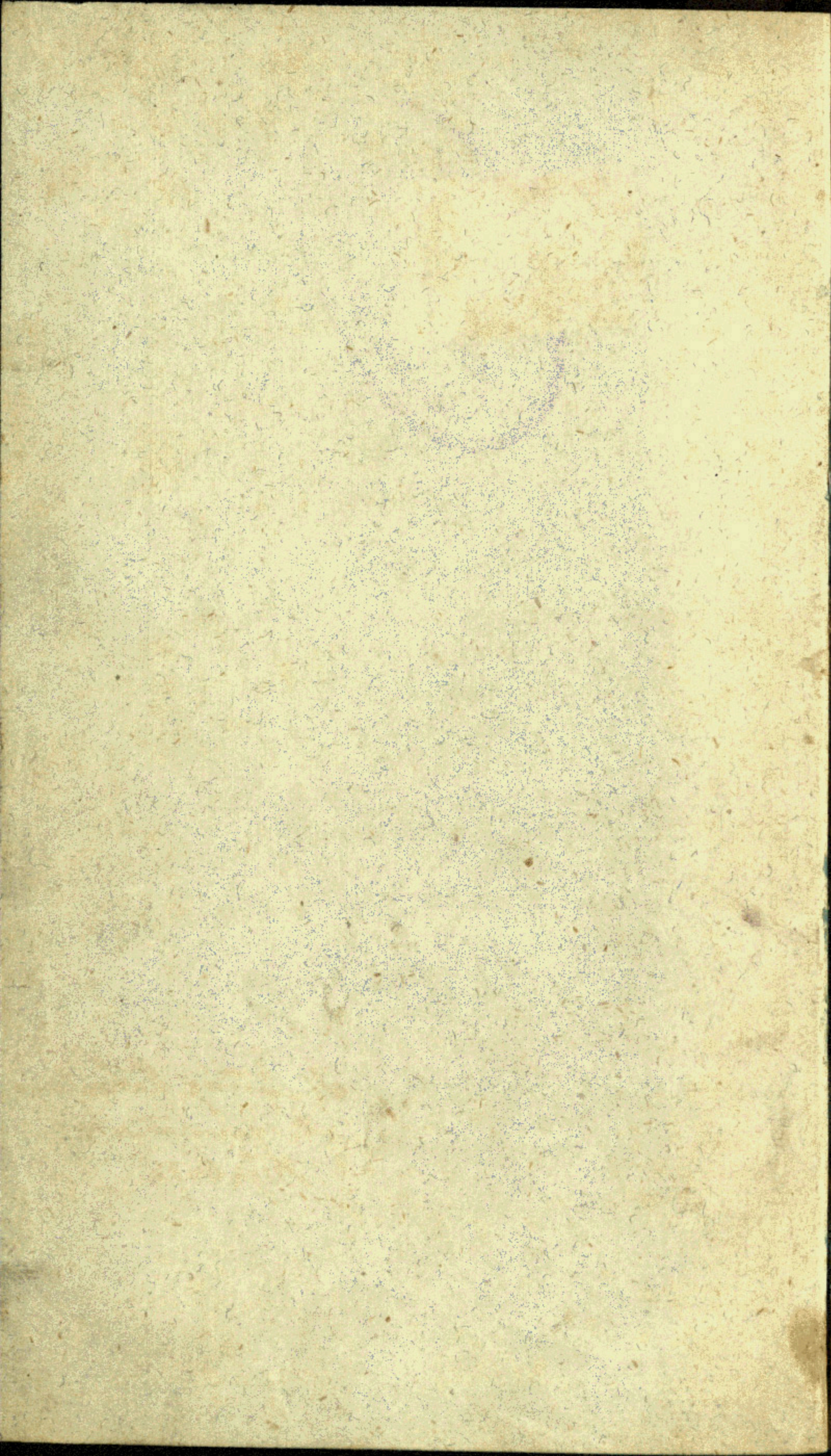
P19 Cp II 155.1

РІ 101

21

НАЧНО УДРУЖЕНЕ
ЗМА ЛЮБАНОВИЋИ
ДРУШТВО ПРН. ГИМАЗИЈЕ

Р19Ср II 159.1

300

~~101~~
Р II 101
H +

3916.

СЛОАНЪ И МИЛЕНА

СРЪКИНЯ У ЕНГЛЕЗКОЈ.

одъ

Мирована Видаковића.

ПРЕПЕЧАТАЛА и ИЗДАЛА

Књигопечатња Др. Дан. Медаковића.

Књига II.

Др. Дан. Медаковић
БРАТСТВО КНИЖА
У НОВОМЪ СЛАДУ
ПРЕПЕЧАТА

У НОВОМЪ СЛАДУ,

1853.

384.

1871

№ 179484

Министерство Юстиции

ИМПЕРАТОРА И ЦАРИЦЫ

Великого князя Александра Александровича

Handwritten signature and illegible text in cursive script.

У НОВОГО САЗА

1871

Да е щастіе наше а и самъ животъ нашъ неизвѣстнымъ намъ судьбамъ подчинѣнъ, и да се мы твердо увѣкъ на нѣга ослонити неможемо, то скоро свакогъ и посведневно искусство учи. Оно на нѣке текъ што се осмѣне, и одма имъ се измѣни, подобно пролѣтному сунцу, кое намъ у ютру свѣтло огране, и тихо узвишаваюћи се, на чистый неба сводъ, себе стави; даиъ прекрасанъ намъ обећа, и текъ што насъ на дѣло опомене, измѣни се, свѣтлость изгуби, воспослѣдую облацы, бурни вѣтри, или грмлявина и киша: тако исто и срећу нашу видимо, да намъ се често изненада измѣни. Ако ли мы ово на внѣшнима, изванъ насъ, и погибели подложнима стварма оснивамо; то га неможемо управо щастіемъ ни именовати. Гордый Крезусъ, у оно време најбогатіи царъ Лидійскій, съ великимъ негодованіемъ одъ премудрогъ Солона прійми, што га ніе пре смрти нѣгове за најсретніегъ човека признао; а потомъ одъ Кира побѣженъ, трона и цѣлогъ богатства и славе лишенъ, призна и самъ, да човекъ на о-

вомъ свѣту неможе себе совершенно за сретна и благополучна почигати. У чему се пакъ рећи ће намъ тко састои право наше благополучіе, ако не у богатству, слави, и достоинству; ако не у здравлю, младый година, и овымъ подобнымъ, у којима мы задовољство наше налазимо; а ово су ствари изванъ насъ и погибели подлеже? Истина да и ова блага, докле ѿ притяжавамо, и уживати ѿ можемо, чине насъ довольно срећнима; но кадъ ѿ случайно изгубимо, шта онда бива одъ насъ? жалость и туга; очаяніе, и бѣдный животъ, кому се паче смръть предпочитовати може, и какови бедни случаева не догоди се намъ у животу! Слѣдуе пакъ да мы сва внѣшня блага тако уживамо, и тако ѿ сматрамо, као времена блага, кой се лако лишити можемо: и настоймо само при тѣме она намъ снискати, коя су намъ кадра и у лишению овы отраду ко утѣшенію дати, то естъ *Добродѣшель* — добра сирѣчь дѣла, — на коя и свако помишленіе наше насъ ублажава; коя до гроба насъ неоставляю и преко гроба сладкомъ надеждомъ насъ питаю, да ће мо вѣчно за наша добра дѣла блаженство получитьи. Ово су она блага, за коя и Спаситель нашъ говори, да ихъ сокровиштествуемо на небеси, а не на земли.

О овомъ пакъ што рекосмо, да е срећа наша непостояна, и да наша судба неизвѣстнымъ намъ случаемъ подлежи: дивный примѣръ представимемо садъ у овой кнѣжицы о младомъ Ирою *Силоану Едварду*; о прекрасной *Милени*, и о добродѣтельномъ *Іларіону*, бывшу помазанику божію. Ове су три благодатне и Богоугодне душе быле. Пакъ ће мо

видити любезни читателъи мои, како е худа среѣа и съ њима поступила, и какове су жалостне судбе и они претрпѣти морали.

Сілоанъ младый, Енглець и Лордъ, было е одъ найбогатіи родителя, после коіи смрти, єдинаць, и у првомъ цвѣту свомъ, силна добра наслѣди. Младъ и здравъ младићъ, богатъ и свудъ збогъ заслуга предкова своіи у великой є чести было. Онъ е имао по фамиліи своіи неко у єднои провинціи и на тронъ *право*, на кои су га многи одъ Велможа и желили, али онъ о томъ ни мислити ніе хтео; еръ залюблѣнъ у тихъ свой животъ, и цело свое увеселеніе наодеѣи у читаню кнѣига, и у путованю по страннымъ земляма и по мору, ни за какво друго у публикуму достоинство онъ ніе маріо, а особито за княжеску титулу.

Кадъ настане оваи честный младићъ на 24. годину свою, навале на њѣга добри пріятельи да га ожене, но онъ подуго се на то приволети немогаше. Найпосле старый њѣговъ уякъ, кои му е сва добра њѣгова подъ своіомъ управомъ имао, и рачуне му одъ годишньи прихода давао, салети га и силомъ, да гледи за себе прилику, да є њѣму и нужно женити се, да добіе себи раніе сынове, надъ толикимъ добрама наслѣднике своих: да му се племе како не угаси, и да му толика добра съ временомъ сродницы њѣгови себи не приграбе. Склони се дакле Сілоанъ на њѣгове речи, и завешта се старому, да ѣе се за цело женити, само да іошъ оде у Венецію, и како се одъ тудъ врати, безъ свакогъ отлаганя иѣи ѣе съ њимъ у Лондонъ и тамо прили-

ку за себе гледати. Мени богата, придода, нетреба, а толико неидемъ ни на фамилію, одъ княза, или лорда, но само да нађемъ девойку по моіой вољи: лепу и воспитану, научену и честну, ма была она и одъ низкогъ рода, и газете едне немала! Ако ме судба моя и томъ срећомъ подари, да добиѣмъ благу душу, коя бы ми животъ мой усладила; како што самъ у свемъ другомъ до данасъ срећанъ: то љу се моћи савершено за благополучна признати. Али — (настави рѣчь) я самъ незнамъ, како ће мени то дѣло изићи; я самъ врло срдца нѣжна и чувства къ женскомъ полу деликатна! Ако дакле не добиѣмъ друга себи, кои ће одъ свое стране у пуной мѣри мени, любви моіой одговарати; я такву трпѣти не љу моћи. Пакъ нешто мыслимъ, што бы я у такомъ случаю чинію. Я честь мою више одъ живота любимъ, и као правый Енглезъ увредити ю не дамъ, о господине, и сыне мой любезный! прихвати старый, наслонивши му руку на раме. Коя не бы таквогъ младића као што сте вы, любила, и коя не бы съ вама задовольна была: Ваша блага наравъ, ваше лѣпо, и човеколюбиво ердце, такође паметну девойку обчарати, и такоћете іой ердце себи присвоити, да ће она у любви къ вамъ найвећу свою срећу налазити. Само да сретни будете, да се на добру намѣрите,

На неколико дана после овогъ разговора, спреми се Сілоанъ за Венецію. Уплыва и у адриатическо море. Изъ любопытства садъ сврати се найпре у Дубровникъ, гди такоћеръ іоштъ нигда ніе быю. Допадне му се и ово многолюдно поредъ мора место,

да му се прохте неко време и у нѣму задржати се и сва ту, примѣчанія достойна, провидити. Овде му се нешто случи, чему се нѣе надао. Онъ еданъ данъ предъ ноѣъ, веѣъ кадъ се мало залади, изиѣе съ два своя друга у тихомъ разговорѣ на промонадъ, по комъ се много народа, у данъ будуѣи празничный, прохоѣаваше. *Сілоанъ* сѣдне овде са своимъ дружствомъ на клупу исподъ едне зелене липе и гледи ту люде и женскій полъ, примѣчаваше обичае нѣюве, и различне моде у ношиву. Кадъ алъ падне му у очи една прекрасна дѣвойка, лепа, струка по-высока, и витка, но у лицу небесномъ се ангелу уподобляваше! саме граціе на нѣой се виѣаху. Она иѣаше съ едномъ доста временомъ госпоѣомъ, и іоштъ съ две дѣвойчице. *Сілоанъ* се загледи у ню, и дирне рукомъ друга до себе: о да лѣне дѣвойке! рекне другима поредъ себе; друже, придода, ово е прва дѣвойка у момъ животу, коя се мени тако ердца косну. Со тымъ ове проѣу поредъ нѣи, но *Сілоанъ* имъ говоръ не разуме. „Каквымъ то езыкомъ геворе? запита друга; на кое еданъ одъ овы: ербскимъ господине! мора быти. *Сілоанъ* дакле пропративши иѣи подалеко съ очима, устане, и потражи прилику онетъ иѣи видити, и ако уэможе съ истомъ дѣвойкомъ геворити, познати се и извѣстити се, гди ту обитава; чія е она кѣи? и т. д. Но ово му се тай данъ по жельи не ебуде: ерѣ она съ дружствомъ своимъ некудъ изчезне, и у народу се изгуби. *Сілоанъ* остане неспокоянъ; онъ едва наставшу ноѣъ, и то предъ зору веѣъ очи еведе: нѣгово ердце млаѣано любовію садъ тронуте, къ тврду

снѹ склонити га не може: ерѣ впечатлѣніе оно ан-
ѣлске красоте и у снѹ мысли нѣгове на сладку
страсть разрояваше, и оне на любезный нѣму пред-
метъ, као пчелице на мирисный цвѣтъ, устремлява-
юћи се, срдце му тако оживляваху, да е врло мало
сномъ се ползовао.

Сутраданъ по довольномъ ту у граду распыти-
ваню, предъ саму ноћ, кадъ народъ опетъ по ули-
цама, и земнымъ баштама помили, извести се да е
иста дѣвойка съ теткомъ своіомъ, и съ друге две
сроднице, села на єдну галицу и отишла у Венецію.
Сілоанъ дакле имаюћи и тако намеру у Венецію ићи,
не изгуби ту ни єдно ока магновенъ, седне на свою
галию и ноћу отисне се на путъ. Путуюћи на ме-
сечини, заведе се у мысли о дѣвойцы, хоће ли ю
онъ тамо наћи, и како ће се о нѣой известити; хо-
ће ли се на срдце свое моћи повѣрити, и себи по-
ласкати, да ю за супругу имати може: и єсу ли нѣ-
ни и душевни дарови тако угодни, кои би ю нѣго-
ве любви удостоили, као што му се нѣне споляш-
не прелести срдцу благопріятне быти видише: ово
разсуждаваюћи приспе и у Венецію. Пође садъ ту
и самъ, а даде ю чрезъ друге тражити. Венеція
пуста прострла се на мору, тко ће іой величину
прегледати, тко ли ю сву обићи; гди ю зна тражи-
ти, кога ли за ню пытати. Нема ту ништа, рекне
самъ у себи, болъ да се я одъ тогъ смиримъ; Богъ
зна коя е мени суђена: ово е прво могъ срдца на
любовь устремленъ, и прва страсть у момъ животу,
коя ме толико узнемири: морамъ ли дакле я то тр-
пити: нїе ли болъ да я страсть ову заранїе побѣ-

димъ, и сердцу момъ спокойство повратимъ? Та странъ е светъ, има дѣвојка и више, што самъ се я тако на неизвѣстну мою у томъ судбу оддао? — Али оцетъ — она е прва, која у мени управ' чувство къ женскомъ полу тако яко пробуди! колико самъ я красны дѣвојка видіо, но ни една ми ніе сердце у движеніе довела, као она: да ми е дакле даю видимъ, да съ нѣомъ баръ проговоримъ, она ако не буде знала енглески, знат, ће безъ сумнѣ талиански.

Текъ што онъ овако у себи говорећи забавляшесе, ал' ето му едногъ друга, смѣшећи се на нѣга, зовне га на страну: Любезный Сілоане! рекне му, я самъ већъ истой дѣвицы у трагъ ушао: она е са своимъ дружетвомъ на квартиру у црномъ орлу, на Севастіанской піяцы, но айде са мною: а лепа намъ се, вели, прилика на руку дае, да іѣ управо у квартиру нѣювомъ посѣтимо, будући рекоше ми, да исте проне сутра полазе за Енглезку, и како чуемъ у *Доверъ*. Подъ изговоромъ дакле тымъ, што и сами тамо полазимо, дошли смо іѣ посѣтити, и желимо имъ сопутницы быти. Сілоанъ на то воспряне и скочи: Та ел' могући молимъ те брате? и со тымъ похити съ другомъ тамо. На питанъ кажу имъ за исте странне госпође у којой су соби: Коимъ езыкомъ гворе; запита Сілоанъ служителя едногъ: Оне понайвише гворе, рекне овай Србски но знаду и талиански врло добро. „Мы ће мо дакле съ нѣима талиански“ одговори Сілоанъ. Садъ поите узъ степене на горный катъ куће. Приспевши они у ходникъ, изиђе изъ исте собе гди су

странне, еданъ младъ дечко, кой садъ се служни-
нбомъ у руку съ празднима шоляма укоби. Познав-
ши га ови, и по одѣлу, да е служче, запитаю за го-
спое, и заишту се унутра: Лето будући, врата от-
ворена, пре, неголи ће ий служче и пріявити помо-
ле имъ се на враты две дѣвойке, кое благоучтиво
осмѣнувши се на ньи: „Изволте унутра Господо!
рекнун имъ талиански. У истый ма стара Госноя,
тетка, съ Миленомъ, своіомъ одъ сестре кѣрию, на-
слонила се біяше на отворенъ прозоръ, и гледаше
на море: Младый Сілоанъ купнувши у врата ступи у
собу, на кое оне презну, и окрену се: изненадномъ
овомъ садъ благородногъ младића посѣтомъ, дѣвой-
ка тронута, закраси се у лицу. Любезный овай
стыдъ нѣнъ удвои іой у очима младића красоту, но
чиста нѣна природа, и сердце безиристравно, више
неголи и само искусство, даде іой начинъ, како ће
садъ пристойно она стравно лице предусрести. Ово
е за благородно, и деликатно едно Сілоана чувство
вроло пріятно было. По обичномъ дакле садъ ту
поздраву, понуде госте на едно свилено канапе да
седну. „Драго намъ е, рекне стара, да сте насъ,
као и непознате ваше посѣте удостоили, при томъ
желимъ и известити се, съ кимъ имамо честь позна-
ти се? честь и одъ стране наше, Ваша милость, од-
говори Сілоанъ, мы смо изъ Енглеке, и Енглези
правій: я се зовемъ Сілоанъ, одъ фамиліе *Едвардъ*,
Лордъ, а овай е господинъ, мой роѣакъ: мы смо
изъ Санти-Албана, више Лондона; и ималисмо среѣу
разумети, да сте и вы изъ Енглеке, и да сте у на-
мереню сутра у име Бога за Енглеку кренути се:

зато и доѹсмо васъ као соотечественне наше посѣ-
тити, кое знамъ да намъ неѣте за досаду приими-
ти. Милена се на то нѣжно осмѣне, и поклони, а
стара привати речъ. „Мы вамъ усрдно любезный
Господинъ Лорде! зато благодаримо, и пріймамо на-
ма за особиту честь: мы у име Божіе сутра после
подне полазимо, моя е воля была и іоштъ кои данъ
еъ дѣцомъ се овде задржавати, но дружество неѣ
да чека. Мы смо дакле како намъ кажете Господи-
не, придода стара, и сусѣди; еръ мы обитавамо у
Доверу, а одатле нѣ ни Сант-Албано, далеко. То
ми е особито драго, рекне младићу, иматъ ѣу баръ
ту срећу почесто васъ посѣтити, а іоштъ већу къ
томе посѣщтенъ и одъ васъ быти, еръ моя добра
простиру се и до ваши предѣла. Но молитъ ѣу,
настави, ели ова красна Господична кћи ваша? на
кое стара осмѣнувшисе, повуче очи за девојкомъ,
(коя по нешто изиѣе у другу собу) одговори: по-
любви Господинъ Лорде, кћи ми е, нити она зна за
другу матеръ, другіе она е одъ мое сестре дете,
коя е мала остала, да ю сирота и непамти. Пре
три године престави іој се оцацъ, и тако садъ не-
ма никогъ окромъ мене, и будући, да я деце нисамъ
нигда ни имала, тако самъ съ моимъ старымъ око-
ло нѣ руке скретила: срдце е наше и съ нѣомъ едномъ
шуне; тетакъ іој мѣста незна да наѣ: она намъ е
сва наша радость. А добра намъ е и паметна дѣ-
војка, Богу хвала, мы да смо ю родили, не бы ю
могли больма любити. — Молићу когъ е характера
Вашъ старый? запыта младићъ. „Онъ е Генераль
одговори стара, но квітирао е, мы живимо на на-

шемъ собственомъ добру; мы имамо седамъ села наши: мы обитавамо у Доверу, но имамо и у Рагузи велике куће с' више дућана, кое даємо подъ кирію; оне овомъ дѣтету принадлеже, то іой е одъ отца остало: отаць іой е славный еданъ мужъ, и толико година конзуломъ у Рагузи быо: онъ е быо Србинъ, и одъ велике фаміліе: но нѣговъ отаць, подъ Урошемъ квалѣмъ бывши дворянинъ, нешто се замѣри, а не да се и замѣрио, но збогъ дворски неки кабала мало и главу ніе изгубіо. Избегне дакле у Далмацію, и дође у Рагузу, гди поживи у потаи две године и по: међу тымъ Урошъ се краль Србскій престаи, и Драгутинъ сынъ нѣговъ ступи на Царство, кои разумевши за Драшковића (тако се овогъ детета дедъ звао) пише му, да га е избрао у Црногору за гувернера; али писмо то истый данъ стигне, кадъ су нѣга погребли. Краль потомъ пише Ивану нѣговомъ сыну, отцу рођеномъ ове дѣвойке, да онъ прійми Гуверніумъ: но будући онъ покойный, быо се већъ съ моіомъ сестромъ вѣнчао, и посредствомъ наше фаміліе конзуломъ у Рагузи постао, за то одпише Кралою, и захвали му на милости, не оде но заостане знаюћи, да га не бы Црногорцы съ добрымъ окомъ гледали, што е одъ другогъ закона супругу себи узео; будући да смо мы Талианке. Онъ дакле добіе одъ мое сестро два сынчића, но по несрећи оба му млада іоштъ умру. После кадъ му роди ову дѣвойчицу, навали, да му се и она у нѣговъ законъ крсти, у надежди одъ нѣ унуке дочекати, да му се не бы колено сасвимъ утаманило: добрии дакле пріятельи онаквому мужу, као што намъ

е онъ быо, нису могли ни одрећи: и тако ню у Грчкомъ Вѣроисповѣданію крсте. Она бы по правди имала и у Србиі прекрасна наслѣдія али и нашто іой већъ садъ, кадъ и мы нигди никога немамо, после наше смрти све е нѣно: а и у лупіли има, одъ отца прекрасну сумму у готовомъ новцу, окромъ онакови кућа, и дућана, као што реко, кои іой кирію лѣпу доносе. Само да намъ ю Богъ поживи, и да іой се добра іоштъ срећа, што се тиче удадбене, одкудъ яви, пакъ бы све добро было. Већъ су іой се некии и являли, али намъ е млада іоштъ, садъ е текъ у шестнайстой години, а мой стари говори, да ю до 20. године неда, отаць іой е подъ аманетомъ оставіо и заклео ю, да за другога не полази, него за Србина, а нама е и тако све едно, само нек' е поштень човевъ; іоштъ у єдну руку и сама бы волела, да у єдномъ закону съ мужемъ буде. „Истина любезна Госпоја и мамице драга! рекне младићъ о душевными нѣными качествама, али што се лепоте тиче! — ово се управ' може рећи совршена єдна красота, кою я іошт видѣо нисамъ! „О Господине, и мати іой е доста лепа была, али отаць покойный; то е таква лепота была, да му се нигди пара наћи нѣ могло: она е истый отаць.

На то уѣе имъ Милена, кою Лордъ кротко ухвативши за руку: „Красна моя Господична! рекне іой, хвалите намъ се што, како вамъ се допада овде по Венеціи? На кое она нѣжно осмѣнувши се: Господине! вели, мени се добро и ово место допада, я бы волела у Рагузи живити, лепши ми се тамо обичаи допадаю, и она ношня нѣова, него овде.

„У Лондону ете были? — О колико путій већъ: но кои бы се на свету градъ съ Лондономъ у сравненіе и узети могао. „Тамо бы дакле найволѣли живити? „Я не занета, живити не, но кадъ што само отиѣи, и нагледатисе, пакъ се опеть у Доверъ вратити, као што и радимо, еръ за мене и за мое чувство онакій одъ света великій и многолюдный градъ ніе. „У Сант-Албану нисте іоштъ были? Беамъ еданпуть само прошла онудъ, ленъ предѣлъ и место ми се пріятно види. „О то ми е драго, кадъ вамъ се допада Госнодична моя любезна; еръ вы мени ту честь одреѣи неѣете, за кою я васъ особито и молимъ, да ме съ Госноіомъ Мамицомъ кои путь на моимъ добримъ посѣтите: не кажемъ у граду, то е подалеко, но ено близу Довера, при наустію Темсе: докле се и моя добра простиру, я онде имамъ, види ѣете поредъ мора, ленъ дворъ прекрасне мое баште, мое шуме, млоге фабрике: Госноя Мамице! (окренувшице къ старой) я ѣу се потрудити да мени ваше пріятельство заслужимъ, и признаемъ за мою дужность, да васъ о моемъ пріятельству, о моеіой искрености я найпре уверимъ, и ваше къ мени поверенъ задобіемъ! — при овомъ изреченію облада га мало чувству, онъ бацы нѣжній погледъ на дѣвойку, и засветле му се очи у быстрой сузи. „Анѣлу любезный! стиснувши іой руку рекне, и окренесе старой: на кога ѣе мамице, среѣна коцка пасти! сотымъ дѣвойка поруменивши, извіе му руку изъ нѣгове, и учинивши му поклонъ, ваше рече Господин' Лорде, насъ достойнима среѣна учинити, а промысла е Божіегъ такво даровати: мы као слабый

поль, кога су качества свагда преимуществу и свойствама вашегъ пола подчинѣна, више одъ неизвѣстне нама судьбе зависимо, неголи вы мужкїи, коимъ е божество благоволило надъ нама првенство дати!

„Есть истана сердце мое! одговори младићъ, вы имате право у томъ, но знайте, да е Божество и вашей слабости тамо нешто присоединило, кое велику силу надъ нама имати може: *нѣжностъ нѣку, крошость, любезный сшудъ, почишаніе мужькому полу, умилно повиновеніе, соразмѣрно снисхожденіе, пристоина ушчивость ваша*, а къ тому съ допуштенѣмъ, да и ово сувишно не буде речено — и *ваша красота!* Ово су опеть они прекрасни дарови, кои наше заменяю, и съ коима е праведно Божество равновѣсіе неко межу мужкимъ поломъ учинило, да не бы и мы главу дїзали но признаюћи и ваше дарове, васъ чествовали и искренно, као половину свою любили: еръ мужъ и жена у призренію на целый светъ саставляю човека, а не самъ мужъ, или сама жена посебице каже се человекъ.“ Ами све (настави младићъ) завьси одъ добра воспитанія. „Истина сыне и Господине, привати стара, воспитаніе е человеку друго роженъ.“ Ахъ любезна Мамице! (кадъ ме овогъ светогъ имена удостойсте) како да намъ Естество само добра человека произведе, но толико се у воспитанію трудити морамо, докле га у право чувство не доведемо! на кое Милена „довольно намъ е Господине, што е естество намъ волю и способности у сердце и душу нашу улило, да се можемо воспитати; Божеству се видало, да ово више значи, кадъ человекъ собственнымъ трудомъ сво-

имъ испослусь да човекомъ постане, неголи да е одъ самогъ Бога такавъ произведенъ, какавъ треба да буде. Божество е дало намъ разумъ и слободну волю; разумомъ дакле мы постизавамо, што е за насъ добро, а слободна воля потеже насъ и на оно, што намъ е само угодно, ако и ние добро: одъ сбудъ дакле разумъ нашъ ратовати мора на страсти, на кое намъ се воля наша стреми, у овой дакле борби разума са страстима, душа намъ се изоштравя, спасеніе пакъ наше осныва се на побѣди нашегъ разума надъ страстима: а кадъ е тако, подчинимо свагда нашу волю разуму, као Царъ, кои насъ одъ погибельи храни, пакъ добро. „Право! — право, голубице любезна! повиче младићъ, за побѣду нашу надъ злымъ страстий употребленіяма, добивамо одъ Бога награде, како што намъ и самъ Богъ у Апокалипсису преко С. Іована говори: *Побѣждающему (вели) дамъ ясти одъ древа живошнаго, посредѣ Райя сущаго.*“ Али разумъ нашъ треба да буде ураженъ, изтанѣнъ, и просвећенъ; и съ колико намъ е више такавъ, съ толико е силни и ячій страсти наше подъ уздомъ држати: съ колико намъ е светліи, съ толико намъ е и ближій къ познаню Божественны тайни. За разумомъ дакле у свачемъ идимо, и не само ону, кою намъ онъ полаже границу, пакъ се можемо мы и земальскимъ благама, и колико іи кои притяжава, наслађавати, само да се таковима яко непльнимо, и да срдце наше къ овимъ неприлажемо, ако бы се нама савершено благополучіе наше на ньима оснывало, то не! зашто тко е годъ здравъ, некъ немисли, да неможе быти болестанъ;

младъ, да неће и не жели быти старъ; богатъ, у чести и у достоинству, нек' помисли, да може и осиромашити, чести се лишити, и изъ достоинсва испасти: има ли красну децу, и трудисе нѣма богатства набавити, у надежди усрећити њ: некъ се опомене да су му смртна, и тако нека њ люби и взира, као ствари себи на неизвѣстно време данне. Не прилажимо дакле срдце наше къ стварма, кой се лишити можемо, но свакой добродѣтели и къ благоугожденію Бога, пакъ ће све добро быти. Богати, вели Пророкъ, осиромашисе и огладнисе, а они, кои су Бога искали, то естъ, кои су Богу угађали, никаквогъ се блага не лишисе. „Бѣдна, сыне, стваръ за насъ смртне и естъ, настави стара, кадъ мы яко срдце наше приложимо, и прикуємо стварма, кой се лишити можемо, а оладнимо къ Богу, и къ небеснымъ благама, на којима намъ се право наше благополучіе и оснива; одъ овудъ дакле и слѣдуе, да се онай, кой случайно штетуе, више путій и убіе; да мати за дѣтетомъ, као изванъ ума у гробъ полети, или полуди и одъ жалости умре; а зашто? зашто е више возлюбила тлѣну тваръ, нежели творца старри; еръ страстѣу заслеплѣна, и умомъ помрачена, невиди кудъ њ се срдце стреми и камо е нагла. Но мы се, придода Госноя, пустисмо у рзговоръ, а не пытамъ съ чимъ бы васъ послужити могла. „О любезна Мамице! одговори Силоанъ, ни съ чимъ за садъ, осимъ чашомъ ладне водице; на кое служкиня донесе лимонаду, но Милена прійми њ служавникъ изъ руку и госте послужи. Ови садъ устану и на ногу продуживше

мало разговоръ, опростесе, и оду съ обеѣаніемъ, да ѣду ѿ и сутра, докле се юште не крену, посѣтити.

О брате! рекне Силоанъ другу, кадь веѣъ изиѣу, да лепе дѣвойке, паметне едне и благоучтиве прсоне! Има нешто особито на себи, кое ми яко срдце присвая, и кое я небы умео изказати. Я подобну нѣой заиста до данасъ видіо нисамъ: мени оста срдце на нѣой. Я ѣу едѣа дочекати, да ю и сутра видимъ. А шта намъ смета одговори другъ, да се и мы съ нѣима сутра после подне кренемо. „О томъ и самъ мыслимъ, рекне Силоанъ, и жао ми е што имъ не спомену, аа' ништа, преиравитѣмо се данасъ и сутра ѣе мо имъ казати, да ѣемо имъ быти сопутници. Сотымъ доѣу у свой квартиръ; до саме ноѣи, а готово и целу ноѣъ *Милена* младиѣу не изиѣе изъ памети. Онъ тврдо заключи ню себи за сугругу заискати; онъ спрямъ свога богатства, а такоѣе и свое лепоте, и несумняше да ю неѣе добити, но више путій гди намъ надежда найболъ ласка, среѣа насъ омане. Онъ сутра данъ рано поити са своимъ другомъ, да любезну свою *Милену* съ добро ютро поздрави. Онъ понесе нѣой и неке драгоцѣнне дарове, кое ту у Венеціи куши, да іой да, и сотимъ се болъ, како нѣой, тако и старой у пріятельство препоручи: но естъ! известе се садъ ту одъ гостителя, да су се оне предъ саму зору кренуле и отишле, да е дружество тако было навалило, но да имъ се опрости, што оне то ни знале нису.

Садъ ово младиѣа врло смути, врати се дакле у своей квартиръ и таки спреми се и самъ на путъ;

но у надежди, да ће се гди съ њима на мору су-
стићи, буде преваренъ, и пре онъ у Доверъ приспе,
него оне. Зачуди се дакле кадъ њ ту не застане,
и науми да њ ту у кући њіовой дочека. Онъ са
старымъ теткомъ њнымъ и іоште ту съ неколико
одъ господа на польскомъ добру њіовомъ, одма се
позна, и нестрпи се, да старомъ господину не од-
крые, како му Милена на срдцу лежи. Овай пакъ
любехи Милену као своју роѣну кћеръ, и познава-
юћи Лорда одъ какве е фамиліе, и како е богатъ,
а къ томе младъ, лецъ, еданъ благородно воспитаный
младићъ едва и дочека таку за њю прилику, и поса-
ветуе се съ њымъ старый да іой ништа о супруже-
ству іоште не споминъ, но само да сматра себе ту,
као домаћегъ пріятеља, да има съ њомъ честно са-
общтевіе, и искуси и онъ њю и она њѣга у нарави
найпре: и по истеченію, вели, баръ две године, ако
буде одъ Бога суѣено да ю заиште себи за супру-
гу. Ово се Силоану врло допало, одважи на то, али
тако да ни самой старой у уши о томъ што не пу-
сте, да онъ Милену себи за супругу жеми.

Садъ Силоанъ у великомъ нестрпленію ту ба-
већи се, на Милену изгледаше, и едва ю трећій данъ
дочека. Обрадую се сви еданъ другоме кадъ се ви-
де, о срећномъ ошетъ састанку, и како старой го-
спои тако и Милени мило садъ буде, што и Лорда
младогъ ту застану, а особито видећи, како га и ста-
рый господинъ возлюбіо біяше; будући да се и њѣ-
но срдце овомъ младићу врло склонно покаже. И
премда благоучтива њѣна наравъ, любовь њѣну при-
лѣжно подъ завѣсомъ стида сабрываше; но одетъ

испредъ быстра ока залюблѣногъ у ню младића у-
таити се немогаше. Тай данъ пре подне, време бу-
дући летнѣ и вруѣина велика, изиђу сви у зелену
поредъ мора бангу, у којой и прекрасный увесели-
тельный домъ бѣяше, окруженъ зелени и многообраз-
ны по виду Лавірінта шпаліры. На дому великій
алтанъ надъ само море изведенъ дивный изгледъ на
разсеяне по мору мале острове даваше. У веселомъ
садъ овде разговоры и шали, узме Силоанъ Милену
за руку, и даде знакъ и старой да за нѣма дође.
Оду на страну дакле, и Силоанъ извади кутію: Лю-
безна мамце, полюблѣши старой руку рекне, ви же
те мени вашу любовь, и прѣтельство, когъ ме у-
достоявате садъ, сотымъ двоити, ако ову одъ мене
маленкость и съ полакъ усрдія прѣимите, съ коимъ
га я красной пашой Милени сво даемъ: Сотимъ о-
твори кутію, изъ кое се заблиста прѣтенъ съ дра-
гимъ каменѣмъ, и едно коло, паръ златны нарукви-
ца и прекрасный одъ 12 струка бысеръ. „Яо го-
сподине и сыне мой любезный! повиче стара, то ли
вамъ е маленкость.“ Онъ кутію затвори, и Милени
у руку стигте: прѣимите вы то мица моя голубице,
рекне іой као еданъ малыі знакъ могъ къ вама по-
читанія, у комъ мое сердце найвеће задовольство се-
би налази; задржте за себе, красите се съ нѣмъ и
смратрайте све то за свое собственно, ни найманѣ
немислећи о томъ, да самъ вамъ я што учиню, ни-
ти коме што о томъ говорити. Девойка погледы на
матеръ, и смисленно повуче на младића очи, кое іой
садъ и наводне се. Она му хтеде нешто рећи, но
онъ предвари ю съ люблѣнѣмъ руке, итро се одъ

нѣи окрене и къ дружеству дође. „Мамице! та ово силне новце вреди, шта мысли тай младиць? То дѣте мое, не кваримо му волю, да нема небы ни да, и свакій одъ овогъ е добра властанъ. Нѣгово намеренъ рѣаво немже быти, само и ты испытай сердце твое.

Но некомъ дакле времену Силоанъ пошлъ овогъ слугу на свое добро, кое му е ту найближе было, и поручи управителю своему, да му преправи за едно 24 прсона ручакъ, на кои онъ узме Милену съ родигельи, и съ други ту прїателии и сродници нѣови и тамо оде. Седамъ дана онъ госте свое ту задржи, почасті ий любезно и провесели: проведе ий ий свудъ по свои добры и свако имъ задовољство учини. Старый нѣговъ (уажъ) известавши се да онъ Милену себи за супругу жели, мило му преко мере буде, да га е красна ова волшебница изъ неке меланхоліе, у којой е онъ пре было, као иза сна пробудила, и сердце му садъ чисто оживила. Онъ желаше, да се ово дѣло што скоріе и краю доведе, бо еѣи се да се каква иѣмена онегъ у нѣму не роди; ерѣ читаюѣи онъ много кнѣиге, прїусиѣваше више къ зрелости, неголи што бы нѣговъ младиъ вѣкъ собомъ доносио. Онъ на младица сила и навальиваше зато, говорѣи му и за себе, да е веѣъ человекъ у година, радъ бы то дочекати и видити и фамилію одъ нѣга. Найпосле Силоанъ му обеѣа, да ће ю за цело по свршетку едне године, испросити и венчати се съ нѣомъ; но естъ! онъ едно судба нѣгова друго.

Лобеѣи онъ смртно Милену, и обигвлюѣи на своемъ добру близу нѣ, мало е кадъ онъ недељу ед-

пу дана пропустио, да і-й не оде, или да му она св
теткомъ своіомъ и са теткомъ не добу. Редко е по
више младогъ Лорда у граду видіо, ма да е и градъ
ту близу быо, гди е и князь свою резиденцію имао,
и често ту пребывао. Нѣму е садъ пріятніе было
на польскомъ добру живити, неголи у комъ граду.
Онъ оде еданъ путъ некимъ посломъ у Лондонъ, гди
се две неделъ задржи. Ово е за нѣга врло тешко
было, да онъ за толико време свою Милену не ви-
ди. Но и она е равнымъ начиномъ што нѣга нема
потешко сносила и у великомъ нестриленю на нѣга
изгледала. Онъ дакле како дође изъ Лондона, пой-
ти у Доверъ, но не застане Милену кодъ куће, из-
вѣсти се, да е изишла на добро. Онъ одми узяши
коня и своимъ слугомъ поити тамо. И како му дворъ
изъ подъ зелене шуме у очи падне, смотри и де-
войку на страни мало одъ двора, гди се сама по
едной ливади съ ленезомъ у руцы шета. Дивный
стасъ нѣнъ и величественный ходъ, ни посумняти
младићу недаде, да то ніе Милена, коя како га смо-
три, устреми се радостна нѣму на суеретъ. Онъ
скочи на землю и предавши коня слуги, пріими ю у
любезна своя наручія; она му падне на прси и по-
ліе се радостнимъ сузама: „За волю Божію Силоане!
едва му проговори, гди си за толико време?“ Срдне
мое! одговори младићъ, ніе могло другчіе быти. По
любезномъ дакле садъ поздраву, снуете се ту на
мирисаву траву. Онъ нѣой извади онетъ прекрасны
стварій, што і-ой е у Лондону накуповао, она срд-
цемъ умилѣна, више што га е видила, него и за да-
рове, прегледаше ове и разговараюћи се ту препо-

веда онъ нѣой, како е у Лондону, шале се тако, и смею, а слуга му проваѣа коня. Кадъ ал' друмомъ, кои имъ ливаду пресецаше, смотри Милена, да еданъ конь стискао се и трчи, као стрела, надъ коимъ се пра, као облакъ узвио бѣаше, да се едва и виѣаше. Ови обадвоє устреме садъ погледъ свой тамо; кадъ ближе, имаю шта и видети! конь поплашенъ, и човекъ стрмоглавъ съ нѣга виси! „О Силоане! жалостна, повиче Милена, брзо помоѣъ бѣдноме! Младѣиъ скочи на своѣъ коня, и стисенесе за нѣимъ, колико игда може. Милена сострадательна о таквой несреѣи, трчи и сама да ѣой душа изиѣе. Силоанъ коня стигне и увати, и са слугомъ бѣдногъ скине, али оваѣ тако обамрѣо бѣаше, да су мысли сасвимъ е веѣъ мртавъ.“ Ахъ любезна моя Милена! повиче Силоанъ и девойцы приспевшой, касна му е помоѣъ наша! Ухъ яднѣи сыне, жалостна ти майка твоя, ако ю узимашъ, у сожаленю повиче девойка, видеѣи га онако кровава и праомъ попала; а младо неко момче, као капля, текъ му се малко наустнице натерале; по физиогномѣи гледеѣи га, и по одеѣу, виде да е одъ благородны родителя сынъ, и како е спао съ коня, нога му една по несреѣи заостане у узенги, и онъ стрмоглавъ висиѣи, све руке изгребао и изкрвавио, одупируѣи се на нѣима. Одма дакле садъ дигне га ту момакъ на леѣа своя, и донесе у дворъ. Свуку га и лепо умѣю и отару, пакъ га наместе у постелю. Докле су се они овако около нѣга съ найвеѣимъ усрдѣемъ бавили; съ фланеломъ га трли и коекакве запахе люте подъ носъ му подносили, по жила мазали и т. д. докле нису осетили, да имъ се

іюштъ, при животу наоди: дотле приспе изъ града и хирургъ, но когъ су одма послали были, те му отвори жилу, и крвь му пусти, и сотымъ у животъ га нешто поврати, у движеніе приведе, но нити очи стъара, ни гласа какова одъ себе дати могаше.

Кирургъ дакле препише што треба, да се изъ аптеке донесе, и наредивши обично како треба, да съ болнимъ поступи, оде у градъ. Милена съ Лордомъ трудише се око болногъ, као мати рођена око єдинца свогъ. Силоанъ мало кудъ и изиђе, но Милена одъ кревета му се не одмицаше, нити очію своій честито съ нѣга скидаше: Єднако надъ нѣмъ, као анђелъ Божій надъ чистомъ душомъ лебдаше, и іюштъ ни одъ когъ извѣстити се немогаху, чій є онъ сынъ? — Другій данъ рано дође имъ опетъ хирургъ, господине сладкій, рекне му Силоанъ, употребите силу вашегъ знаня и помозите му, не жалите ни труда ни аптеке, некъ ме стане колико му драго, имамъ одкудъ платити, само да га одъ смрти избавимо; зашт' немогу већъ ни ову господичну да гледимъ, колико се мучи, и съ каквимъ трудомъ и подвигомъ сирота настои, да му се помогне, чисто се его за ова два дана изгубила; ели баръ каква надежда? Кирургъ приступи болноме, увативши га за руку опица му пулзъ: Добро є вели, фала Богу! добро є! ништа се више небойте, до по саата онъ се повраћа, проговориће и захтеваће што ести, но направите му мало супе, а на подне опетъ супе, и дайте му скувати едно пиле, и подайте му чашу и другу одъ лена вина; нѣму нѣ више ништа, за два дана онъ ће моћи и на коня сести. Нѣму, вели, на

срећу нѣгову нїе ништ' покварено, само што му се крвь, кадъ е стрмоглав' висїо, слыла была яко у главу, и тако быо е забунѣнъ. А то, вели, што се изгресао мало, мазаће те га, рече, съ овомъ машу, и то ће се нѣму све до два три дана, тако залечити, да му се неће ни познавати. Сотымъ хирургъ оде и Милена съ Лордомъ неописано садъ буде утѣшена и едва чекаше оно по саата, да имъ проговори, и да се баръ извѣсте, чїй е сынъ, и одкудъ е!

Садъ Силоана изазове еданъ господинъ напо-лѣ, и Милена сама при кревету седећи, и тио вѣтриломъ болногъ разлаѣиваюћи, гледи на нѣга и мысли оће ли хирургъ погодити. Болный се у сладкїй санъ спустио бїаше: на нѣговы гладки образи се и руменило, и чело му се зноемъ ороси. Девойка му лагано марамомъ лице садъ убрише, кое пьой сотымъ іоштъ и болъ у очима засїя: о Боже! рекне у себи, гди овакавъ красный младићъ мал' не погину; блаженъ часъ, и магнєвенъ, оно, у комъ га смотрисмо!

На то младићъ промешколы се мало у кревету, презне иза сна и отворивши счи, погледи на девойку, коя му радостна пристуни, нѣжно се на нѣга осмѣне: „На здравлѣ любезный, рекне му, вы сте сладко поснавали. На кое онъ узверивши се съ очима: за волю Божїю, вели, а гди самъ я и кодъ кога овако? „На добромъ сте месту, превати девойка, и кодъ добрый людїй, кодъ свой прїятела.“ Ахъ! ели могућно? — коме я имамъ за мїй животъ благодарити? Богу любезный младићу! милуюћи га рукомъ по челу, рекне благодущна девойка, Богу еди-

номъ зато благодарити имамо и мы, кой намъ в прилику дао, да у несретнѣмъ случаю оваквомъ младићу на помоћи будемо.

На то садъ младићъ исправи се мало, стисне девоицы руку къ своима прсима и бризне плакати „Ахъ Господична мила моя! анђеле мой любезный! отъ кудъ да я овако непознатъ ту благодать имамъ кодъ васъ? тко ли ме съ коня скиде, и овамо донесе, и ел' што явљено у градъ за мене? любезный младићу! младъ еданъ Господинъ тако кю вы, стигне вамъ коня, съ когъ сте стрмоглавъ висили, еръ вамъ се запела нога за узенгию была; и тако спасе васъ и овамо донесе; ово е већъ два дана, мыслилисмо, да се нигда више у животъ не љете ни повратити: попанѣtimo се што брже, да учинимо нашу дужность, Кирурга одма дамо звати, кой се на нашу молбу съ najveћимъ усрдиемъ прими, могућна средства и свое искусство употреби, и ето хвала Богу! Гди е дакле тай младићъ Господинъ, любећи дѣвойци руку запити, да и нѣму за мой животъ благодаримъ? — На то Силоанъ уѣе и видећи га на кревету седећа, полети му радостанъ. Ахъ любезный мой, повиче му: Ово намъ е онай младићъ Господинъ, придода Милена, кой е имао срећу животъ вамъ спасти! младићъ на то падне Силоану на вратъ“ О любезный мой! имаите ме вели на веки вамъ обвезана, навеки благодарна! навеки — „Сладкий мой! — пресече му Силоанъ, я вамъ се радуемъ, и благодаримъ ево съ моимъ Миленомъ Богу, кой вамъ е животъ сахранио, а мы смо само нашу дужность учинили, коя васъ ни найманъ обвезати не

може.“ Ахъ две душе любезне! прострѣвши руке на Сілоана и дѣвойку, допустите ми да васъ загрлимъ, да васъ полюбимъ, други анѣли мои! да васъ съвомъ моіомъ оросимъ (наслонивши унило главу свою младићу на прси) о какавъ несретный случай бы за мене, и како ме анѣлъ мой попусти! — Знаду ли већъ и у граду, бришући сузе, запита, естел’ што являли за мене? „Ништа любезный младићу! нит’ смо мы могли то чинити почемъ нисмо имали честь васъ познавати: „И сотимъ самъ вамъ любезни мои више обвезанъ, што есте се за мене и непознатогъ толико пожертвовали: Я самъ вамъ Іларіонъ — Принцъ и будущій наслѣдникъ! на то ово двоє съ удивленіемъ сгледе се, вы Принцъ? повиче Сілоанъ, о любезный Принцъ! нигда се нисамъ надао, но кадъ самъ васъ видіо! былисте іоштъ мали. Но молићу придода Іларіонъ, за ваша честна имена? Я самъ Сілоанъ *Едвардъ* отъ Сант-Албано, а това е Господична изъ Довера, моя пріятельница. Вы *Едвардъ*? прехвати речъ Принцъ, ахъ! ел’ то можно! та отъ еднесмо крви; ваши су Родители изумрли? Изумрли, любезный мой, нити я више имамъ кога. Имате мене дражайшій мой *Едварде*! имате мене загрливши га повтори Принцъ, „будимо одъ данасъ браћа, вамъ е познато да смо мы родъ и одъ едне произлазимо лозе, ни я васъ заиста нигда познао небы.“ Сотымъ Іларіонъ обуче се, и у очекиваню ручка младићу шетати се.

Любезный мой Сілоане! рекне садъ Принцъ; я желимъ съ вама се добро познати, и васъ туверити, колико я васъ любимъ и почитуемъ: али обу ли

толико срећанъ быти, да и я мене ваше любви удостоимъ, не знамъ: вы се нама досадъ у двору нисте дали ни познати, ништа манъ, я чуюћи само о вама желіо самъ прилику васъ познати: мени е више пути отацъ то говорио (а већъ матере и непамятимъ) да се съ вама добро познамъ, да я могу мени сила на вашемъ пріятельству оснивати, и на нѣкій начинъ мени одъ вашего пріятельства срећа зависи; зашто — хоћаше и далъ, но Сілоанъ га увати кротко за руку — Не то, драгій мой Іларіоне! оставимо мы за садъ тай разговоръ, и учите се ви найпре мене познати: но и то молимъ, да одъ садъ еданъ другоме *Ты* кажемо, а не *Вы!* ово е правой и искреной любви нешто и свойственіе: твой се истый родитель князь, вара у своіой мысли; али я нѣму за то замерити и немогу, зашто ме не познае: Онъ теби велишъ, препоручуе мое пріятельство, и ти може быти, да іошть у право и не знашъ зашто! я то знамъ но нека се онъ ни мало зато не бои! мени не треба! мое е сердце, кое онъ іошть искусію ніе, друге пріятности за себе, и друга утѣшеня изабрало. Некъ се пенъ ко хоће на високе горе и угодоблява се Кедрима Ливанскимъ, я нигда за то и никоме завидити нећу, само некъ мене свакій у низкой моіой долини остави; я волемъ миръ, и предпочитуемъ тишину светскоме жубору, любимъ добродѣтель и пре у нѣой, неголи и у свакой човеческой слави, я блаженство мое налазимъ. Я самъ хтео нѣга уверити, али овако младъ ішть, были и могао то учинити: увери се дакле ти любезный! но найпре ме искуси добро. — На ове речи приближи

имъ се и Милена съ две свое другарице, съ коима е била изостала мало, и они окрену садъ другій разговоръ. Милени садъ буде мило кадъ чу, да іой се Сілоанъ нѣнъ любезный съ младымъ Принцемъ и на Ты разговора. Іларіону се са Сілоаномъ и Миленомъ у овомъ дивномъ предѣлу допадне да и више дана заостане; яви дакле у дворъ, и отцу (кои му е у удару крви лежао) гди се наоди, и тако проба-ви ту и две неделъ дана, за ково време искусивши онъ срдце и духъ Миленинъ; а овамо незнаюћи у каквой любви, и съ каквимъ намеренѣмъ Сілоанъ се къ нѣой онолико присвояваше, стави у мысао, да ю узме себи за супругу: еръ она и нѣму преко мере допадне се. Онъ ѣути нити што нѣой, нити Сілоану о томъ спомене, боѣћи се, да му отцу не дође у уши, коме бы яко противно было. Но науми чекати, докле му Огаць (болестанъ будући и тако) умре, а међу тымъ да девоицы почешѣ одлази, и учи се и болъ ю познати.

По некомъ дакле времену опрости се Принць одъ Милене, и Сілоана, и оде, съ обећанѣмъ да ће имъ опетъ доћи, а и нѣи къ себи више путій позвати. Оде потомъ и Сілоанъ, а Милена се врати са своима у градъ. И будући се догоди тако, да Сілоанъ подуго време Милену свою непосѣти: едно што му некій уякъ умре, позабависе у свомъ добру докле ніе рачуне све прегледао, и човека другога некогъ свогъ рођака надъ сви свои добры за врховногъ управителя поставіо; друго пакъ морао е и на некій Конгресъ у Лондонъ ићи. Іларіонъ међу тымъ временомъ већ е и неколико пу-

тій кодъ Милене было и съ нѣомъ се у велико познание пусто было. Чувъ то Сілоанъ, и nebude му мило: младъ е вели, и младиъ такође врло прикладанъ, а къ томе и принцъ, особито нешто му о нѣномъ къ Принцу наклоненю и у уши пугте, кое га яко оскорби: но онъ се о Милени превари; она е къ Принцу само изъ едне учтивости, и пріятельства благонаклономъ се показывала, а не што бы она Сілоана презрела и за титуломъ княжевскомъ се телико полакомила. Онъ ню посѣтивши о томъ и прокуша, и више путій у присутствію Маріона, метею на нѣке пробе, но никако на право известіе не може да дође: Часъ бы се уверію о любви нѣжной, и поутѣшио се; часъ пакъ опеть бы се изъ какове прилике о нѣойзи посумняо, кое девойка ни наумъ не узимаше: еръ чисто сердце и искрена любовь нѣвна, подозрениа Сілоанова и не примѣчаваше, нити се она у неказиваню свогъ наклоненя Маріону предъ Сілоаномъ претварати знаѣаше.

По некомъ дакле времену оде Сілоанъ у Доверъ, да по свомъ обичаю посѣти Милену, кою садъ нестане кодъ куће. Кажу му на вытанъ, да е изишла съ теткомъ своіомъ на польско добро. Сілоанъ дакле са своимъ слугомъ заузмесе на коню тамо. Кадъ дође у дворъ, не застане ю ни ту: мало пре, рекну му, изишла е съ дружествомъ нѣкимъ више двора у шуму, и да се ту веселе съ музикомъ. Сілоану ово мило буде, скочи съ коия, и преда коня слуги, да га донде за нѣимъ лагано поведе, а онъ пође пѣшке. Ступивши у шуму, чуе музику, и слыи нѣній. Онъ садъ изъ шале неке науми да имъ

се ту одма покаже, но да имъ се близу призраде, и найпре види, но е и какво е ту дружство, пакъ онда, да на еданъ путь искочи предъ нѣи, и Милену изненада обрадуе, а друге у удивленъ постави. Али у овой невиной шали нѣговой случи му се нешто врло противно, чему онъ нигда се надао нѣе. Смотривши онъ крозь зелене граде весело дружство, гди на едной поляни узъ музику игра, пунъ радости стане за еданъ великій растъ, близу нѣи неколико коракляи, и гледи ѿ извирующа иза дрвета, да га нико одъ нѣи не спази. И не' мало удивисе, кадъ види ту и Принца младогъ Іларіона, кой съ Миленомъ играше. Подозренъ садъ на Іларіона, да му е любве-соперникъ, тако се срдца Сілоановогъ косне, да е одма прву волю свою изгубіо, съ коіомъ е пошао-быо, да участникъ нѣиовогъ веселя буде. Онъ се садъ замысли, и гледи на нѣи; изишао бы имъ, и не бы. Стоещи тако примъчаваше, у колико се оваи паръ людій едно другому благосклоннымъ показываше; свакій е Принца на девойку погледъ произвео Сілоану изъ дубокихъ прсію уздисай, а любкій Милене на Принца осмей и нѣжнѣи онаи нѣнъ на нѣга погледъ, превоѣаше га у трепетъ. И сто путій е заръ кренуо ногу свою, да имъ истрчи, но учтивость га опетъ задржи, да имъ се ту одъ свега непристойнымъ непокаже, и у плаовитости онѣи характеръ свой не увреди. Една бы га мысао мало и поублажла, да е то една само прѣятельска, и невина меѣу нѣима любавъ; да се онъ о Милени ни сумняти неможе, а о Іларіону іоштъ манъ, да бы му се толико брзо небла-

годарнымъ показати могао: но опетъ друга мысао
таки бы му се на ову ополчила, и устремила бы му
духъ противъ нѣи, као противъ найглавнѣй свой
непріятеля. У овомъ дакле Сілоана са собомъ бо-
реню свршивши младый князь съ Миленомъ, стане
обычно съ нѣомъ да се одмори, и девойка убрисав-
ши марамомъ свое ознобно и румено лице, кое чи-
сто іой наново заблиста се. Іларіонъ любко на ню
садъ осмѣнувши, пригрли ю, и она као мазеѣи се
наслони му главу на прси. Сілоанъ то видеѣи, чи-
сто га ладанъ зной пробіе: ахъ! узданувши помы-
сли, то ли е моя верна Милена! и таква ли е мени
и одъ Іларіона благодарность! Я самъ дакле прева-
варенъ. Сотымъ онако, срдить место да на еданъ
путь предъ нѣи искочи и изліе имъ свое трептеѣе
прси, окренесе къ слуги, счепи му изъ руке
свогъ коня, на когъ скочи, и пѣхити на добро у
свой, зеленый дворъ; у кои ушавши, хити япунце
са себе и онако срдить поѣе по сали горе-доле
шетатисе и мыслити, шта ѣе садъ да чини, како ѣе
дѣло почети. Силна страсть нѣга веѣма и веѣма
распальиваше; найносле на едно смисли, па кудъ
пукло да пукло: сѣде поредъ стола, лати перо у
руку и напише Іларіону овако;

Любезный мой Іларіоне!

Я се више одъ тебе увреѣенъ налазимъ, него-
ли бы ти на палирь овай ставити могао! и да ми е
ко другій за тебе оно казао, што самъ я моима о-

чима видію, я му вовьки небы веровао! Ружна е стварь любезный! кадъ се ко за учиньно му добро одъ кога, и неблагодарнымъ покаже, кол'ко ружнія іюштъ, кадъ му таковый добро злымъ враѣа. Но може ли се коме веће добро учинити, него кадъ му случайно животъ спасемо? и може ли што быти гнусніе и ужасніе, суровіе и опорочителніе, неголи кадъ се на онога животъ ополчимо, кои намъ е животъ нашъ одъ смрти избавіо? А я самъ тай, кои самъ животъ твой не давно и управо одъ смрти избавіо, и ты си се садъ противъ мене и мога живота ополчио! Како си се могао еданъ неблагодарный сыне, и усудити, да мою Милену, коя мое срдце давно већъ пресвоила, на свою страну окренешъ и себи ю приволешъ? Ніе ли управ' то противъ могъ се живота ополчиги? Кадъ е дакле тако, на удвой самномъ, пакъ што Богъ да! Она мени више нетреба, коіой си ты срдце плънію, ниг' я маримъ за мой животъ, кадъ се нь лишавамъ. Зато обуцы се довече и наоружай себе, пакъ узми 12 добры момака, и у 11 саати (ноћу) да ми изиђешъ на ону исподъ шуме поляну, гди смо прво съ Миленомъ весели были, и гди ћешъ ме или застати или дочекати, кои ћу ти такоћеръ наоружанъ съ 12 момака доћи. Еданъ одъ насъ погинути мора, да другій безъ свогъ соперника девойку добіе. Есамъ увређеный

Твой

Силоанъ Едвардъ.

Написавши овако, запечати, и по слуги своемъ пошль Маріону!

Іларіонъ примивши оваково писмо, прочита и згрози се чисто у себи. „Шта е ово за волю Божию! рекне у себи. Ёл' овај младићъ при себи? Та я нисамъ знао, да онъ Милену тако любви, слѣдовательно нисамъ га съ намеренѣмъ я увредіо: Онъ се сырома вара у мени; я га морамъ изъ тогъ заблуженя извести, и мене извинити, морамъ га уверити, да я, ако самъ мое око на девојку и баціо, нисамъ толико заслепленъ, да му ю уступити немогу.“ Сотымъ место да му писмено одговори, седне на коня и оде му. Силоане! любезный мой Силоане! ступивши на собу певиче, шта е теби брате, шта ми ово пишешъ? Ты добро видишъ шта ти пишемъ, одговори му намргођеный Силоанъ, но попашти се придода на определено место! Силоане ты си о мени нреваренъ! Силоане любезный! мени е жао, Богъ ми е свидѣтель, да я нисамъ знао, да ти Милену тако силно любишъ; смири се дакле за волю те Божию молимъ, я ты се завештавамъ, да не само нећу іой више нигда отићи, но ни ока могъ на ню нигда бацѣти, ни помислити више о нѣой. и т. д. изговараше му се Принцъ, заклинаше му се и моляше га, но забадава: ожесточеный Силоанъ остане при свомъ, да на удвой изићи мора.

Принцъ дакле најпосле видећи, да никако съ нѣимъ на край изићи неможе; окрене му другу ноту: „Силоанъ, вели; вальда ты мыслишъ, да я тебе овде садъ зато молимъ, што се боимъ съ тобомъ на удвой изићи; ако е то, ты се у томъ варашъ, то бы за мене едногъ Принца врло худо было; я ћу съ тобомъ на удвой изићи, нека буде дакле што си на-

умію, я идемъ, и тамо бѣшъ ме застати, оправи се одма, похити на исто мѣсто! То изговоривши стрчи низъ степене, скочи на коня и оде.

Сілоанъ се садъ оправи и съ 12 момака онамо похити гди застане Іларіона съ 12 нѣговы! Тишина ноѣна, нигди се ништа не чуе, само по гди кои цврчакъ у трави цвркуташе. Мецець съ ведрогъ и звездема посутогъ неба прекрасно поляну сву светлю бѣаше. Сілоанъ стави свое момке лепо у редъ спрама Іларіоновы, и изиѣе Іларіону на среду. И Іларіонъ на то ободѣ коня свогъ нѣму на суереть: „Момды да нмъ се съ места не помакну! рекне Сілоанъ, и една и друга страна да стои и гледи шта ће быти, пакъ кои одъ насъ двоице падне, да га нѣгова страна узме и ту подъ онай сувый растъ погребѣ, али никакве освѣте за свогъ Господина да не чини. Мы што меѣь собомъ имамо, то ће мо и делити, а они нису дужни за насъ гинути.“ Іларіонъ и на то саизволи: како є годъ твоя воля рекне му, я пристаемъ на то.

Сілоанъ: Запни стрелу, пакъ удри найпре ти на мене, но добро гледай, да не промашишь, зашто я промашити неѣу.

Іларіонъ: Не тако Сілоане! ты си брате мене на удвой звао, а не я тебе, удри дакле ты найпре!

Сілоанъ: Я хоѣу да ты найпре пустишь стрелу твою на мене, зашто кадъ я мою на тебе пустымъ, тоѣе быти дѣло свршено.

Іларіонъ нато натегне стрелу, и испусти ю изъ лука, но надмаши Сілоана.

Сілоанъ: Удри по другій путь! повыче, и болъ нишани!

Іларіонъ: На тебе е садъ, редъ я небу.

Сілоанъ: Ако ниси вештъ у стрели, да се сразимо на мачеве!

Іларіонъ: Мени е све едно, но удри стреломъ кадъ смо почели!

Сілоанъ: Садъ испусти стрелу на Іларіона и окрзне га у десно раме, но врло му се мало тела додирне.

Сілоанъ: Запињи пакъ удри, но добро пази.

Іларіонъ: То е моя брига, рече, и стрелу пусти, коя Сілоана ошетъ промаши.

Сілоанъ: Шга е ошетъ то? Гди су ти очи, удри болъ, повтори!

Іларіонъ: Хоћу, кад ми допустишъ сотымъ пусти стрелу, о ошетъ Сілоана више главе надмаши.

Сілоанъ: Іларіоне! шта ти то чинишъ? та ніе могући да ты болъ не умешъ, но нећешъ.

Іларіонъ: То я знамъ.

Сілоанъ: Ал' кудъ нишанишъ, молимъ те, кадъ ме тако промашавашъ?

Іларіонъ: Я нишанимъ на тебе, но ошетъ не као ти на мене, али ништа зато, честна смртъ свагда е се предпочитовала жалостномъ животу. Ако е тебе страсть заслепила и избацила те изъ твоє сфере, мене моя ніе, удри!

Сілоанъ: Ахъ любезный мой Іларіоне! ты мене застыди, ты надъ моимъ срдцемъ триумфіра, но ни я небу подъ томъ срамотомъ остати (бацы стрелу и скочи съ коня; ово учини и Іларіонъ, коме Сі-

лоанъ садъ притрчи, и падне му око врата) опрости ми рече, опрости ми мой любезный Іларіоне, и извини мою напрасность, мою суровость; я садъ видимъ противъ кога самъ се ополчио было, садъ познаемъ благородно и царско сердце твое, кое се у нуной мери удостоява Милене! о среѣный младићу! (любѣѣи га) я ти дакле Милену мою устунамъ, ты ѣлшь быти среѣанъ съ ньомъ, и она в среѣна съ тобомъ; а я — ахъ я! — съ толко заръ среѣанъ. ако ме вы о две любезне душе! вашегъ пріятельства удостойте, и мене. —

Іларіонъ. Драгій мой Сілоане, шта ты говоришь? любезный мой, ты мене іошть непознавш! Я теби сердчно исповедамъ, да я Милену нашу любимъ и да в сердце мое ню мени за супругу изабрало, не таямъ: али я ньой о томъ до данасъ слова споменуо нисамъ, нитъ самъ я знао, да ты ню себе за супругу желишь; кадъ в дакле тако, буди воля твоя, буди съ ньомъ среѣанъ, као што ѣе безъ сумнь и она съ тобомъ среѣна быти, Богъ да васъ благослови, и мене съ другомъ, ньойзи подобномъ утѣши. Я ти се и опетъ ево завештавамъ, и заветъ мой заклетвомъ потврѣавамъ, да я нигда више ньой отиѣи нећу, нигда съ ньомъ проговорити, нигда на ню, ако и то желишь, погледати нећу, о нећу я тебе любезный Сілоане, друже сладкій и брата мой милый, нећу я тебе сотымъ вреѣати, буди ми само кои си ми и досадъ было. О кадъ бы ты само знао, у колико я више пріятельство твое предпочисувмъ одной дѣвойцы! и како мени тешко брата пада, што те може быти нећу моѣи уверити, да мое сердце ніе

только любовью нѣномъ ранѣно, као штоє, колико примѣчавамъ, твоє къ нѣойзи плѣнено. Но кажи ми Сілоане, али искренно, есил' ты кадъ годъ Милени, за мене што пребаціо?

Сілоанъ. Нигда до данасъ! я самъ очекивао да ми већій поводъ на то даде: боюо самъ се, да ю не увредимъ.

Гларіонъ. Добро дакле, сотымъ и болъ Сілоане, што іой досадъ никаквогъ подозренія о нѣой открьо ниси, но садъ валя да ю метешъ мало на пробу; валя да іой споменешъ што о мени; прокушашъ ю и видишъ, ели и наймаиъ што мое съ нѣомъ са-обращтенъ, любви къ теби у нѣномъ сердцу умалило? люби ли те у оной мери, у коіой те е любила пре моегъ съ нѣомъ познанства? Али случай овай, што смо мы збогъ нѣ и на удвой изићи морали, ты брате са свимъ прећути, о овомъ ништа неспомини! Но ты ћешъ безсумнѣ осведоченъ одъ нѣ быти, да она тебе безъ сваке промене любви, као што те е и любила. О любезный Сілоане! немой само одъ тудъ заключавати, да она у любви своіой къ теби ослаблява, што се кадъ у прилики и мени благосклонномъ быти покаже: дввойка е она политична, и лѣпомъ е сердцу свойственно то, да се благонаклонность благонаклоннимъ покаже. Она е истина и у мени неке за свое лепо сердце пріятности открила и я самъ желю, да іой се благоугоднимъ покажемъ, али одъ овудъ неслѣдує, да она мене већма любви неголи тебе, о то не! ты се у томъ мой Сілоане варашъ, учини само пробу, пакъ ћешъ видити. И тако далъ поублажи и утѣши Сілоана, излюбє се потомъ ср-

дечно, и разибу, завештавши еданъ другоме братску любовь, и случай тай не само Милени, него никому на свету не являти.

Принцъ оде у градъ, а Сілоанъ на свое добро, но у нестрпѣливости, да се съ Миленомъ састане, едва ту ноћъ проведе, и чимъ зору осети, оправи се лепо, седне на коня и оде Милени, кою у летнѣмъ двору кодъ тетке нѣне застане. Онъ іоштъ ни у преддворіе ступіо не біаше, ал' Милена спазивши га съ доксата, усхити се радосћу, истрчи да му коня прехвати. Сілоанъ іой се и противъ срдца свога мало ладнымъ садъ покаже. Ово девойка на нѣму примѣти, ерѣ быстро око любви далеко проницава; она се зачуди и ожалости, но ништа му за то не рекне, претан свое негодованіе, и умиляваюћи се около нѣга, испытываше потайно сама у себи ову на младићу промену. И премда онъ усиляваше се предъ нѣомъ да іой се нешто незадовольнымъ, и као срдитымъ покаже, но опетъ радость ону, кою онъ у присуствію нѣномъ осећаше, девойка му на лицу позна, и остави му за садъ све на волю.

Еданъ данъ после подне узме Сілоанъ Милену подъ руку и изиђе съ нѣомъ на зелену ливаду продати се. Спусте се дакле подъ едно дрво у ладъ и онъ іой почне овако говорити: Любезна и добра моя Милено! есамъ ли я тебе о любви моіой толико уверити могао, колико самъ я о твоіой къ мени увѣренъ, незнамъ, и налазиш ли ты у моіой къ теби любовь толико задовольства, изъ коѣ бы си ты и будућу твою срећу предчувствовать могла, то ты

знашъ. Испытай дакле твое сердце любезна дево-
ико, хоѣлъ оно мене те среѣе удостоити моѣи, да мы
и нашу судьбу съединимо, и да се и светымъ бра-
комъ саюзимо; или има гди среѣнни одъ мене, на
когъ ѣе промысао неба таку среѣну коцку бацѣти?
Ако бы гди такавъ, кои бы достойни одъ мене быо,
да таку блату душу, и тако честно едно сердце, се-
би присвои: то я заиста изъ презѣлне мое къ теби
любави, драговольно нѣму уступамъ. Но како бы
мени то пало, то я знамъ. Муже быти да ты ни
сама, голубице моя, тебе у оной мери не уважавашъ,
у коіой те другій, кои те само добро познаю, до-
стойно цене и уважаваю. Зашто то е нешто крас-
нымъ сердцама и свойствено, да они, кои су савр-
шено добри, паметни и благонаравни, свагда о се-
би манъ мысле и суде, него што су. Бстество е
тебе любезна Милено, толико редкимъ даровима сво-
имъ узвеличило да те е съ онимъ, кое и на трону
съде, равномъ учинило. Я кадъ не бы твой духъ
познавао, не бы ти ово ни рекао. Но почитуюѣи
те не за одну суетну, него целомудрену девојку, не
устручавамъ се истыну и у очи ти реѣи. Садъ да-
кле кадъ бы се ма одкудъ каква достойня за тебе
среѣа явила, бы ли я могао и захтевати, да ты при
мени останешъ, и такву себи отрекнешъ? Милено я
знамъ да ты мене веѣъ разумевашъ, и кудъ се мое
речи клоне, добро примѣчавашъ, но у кои смысао
ово мое предложеніе ты узимашъ, то я не знамъ.
Али искреность твоя неѣе одъ мене ни то затаити.

На ове речи девојка превали свое красне, и у
сузама веѣъ осветлѣне очи на младиѣа, и уздане;

поћути мало и ухвативши младића за руку, рекне: Сілоане мой любезный! Я већъ видимъ кудъ се речи твое клоне, жалостной мени ако ти будемъ тако поводъ къ подозренію дала, да те небу моћи више о моіой правой и постоянной къ теби любви увѣрити. — Съ тымъ бризне плакати и младићу наслони главу на прси, ово и нѣга садъ разжали тако да и нѣму сузе потеку. Шта е судба моя рекне девојка, о мени заключила; Богъ зна! но мимоиће ли мене срећа, за тебе поћи, и твоіомъ се супругомъ назвати, то мени другій нетреба, быо онъ Принцъ, быо кому драго, я ни за когъ се другогъ удати више небу, него ћу отићи и у какавъ дѣвчакій манастиръ, и посветити мене до края мога живота Богу на служби, то ћу учинити, као што е и преподобна Кассіа учинила, коя лишивши се цара, избере себи Христа за женика свогъ. Я одъ тебе любезный Сілоане мой! не таимъ, да се мени младый Принцъ врло благосклоннимъ показуе, и да и я нѣга радо имамъ; али ако е онъ у намереню мене за супругу имати, то никадъ быти не може! Онъ истина до данасъ мени о томе едне рече рекао ніе, но данасъ нек' бы ми споменуо, я бы му одма сердце мое открила, и дала бы му видити, ко ми на нѣму лежи. Я не знамъ были се усудила, и да ми е слободно сердце, за нѣга поћи; будући онъ е еданъ Принцъ, а я самъ само една благородна, и грађанска кћи, какво намъ е сходство то? Я бы слабогъ расуђеня девојка была, кадъ бы се я за еднимъ іоштъ незрелымъ младићемъ повела, и за высококомъ титуломъ Принцесомъ се назвати полакомила, а потомъ докъ самъ годъ

жива, да се на трону могъ племена стыдимъ, и да укоръ не само одъ царске фамиліе, но и одъ свію дворяна и я, и онъ трпимо. О любезный мой Сілоане! удаљи само ту мисао одъ себе, коя и твоє и моє сердце отегоћава; и увери се, да нигда то быти не може. — И овако дальъ благоразумна ова девойка Сілоану говоривши, увери га, утѣши, и ублажи, да му чисто одлакша на сердцу, и завѣставши іой онъ и одъ своє стране любовъ, и да ѣду што скоріе предъ олтарь извиѣи, врати се одъ нѣ кући весело, и пунъ задовольства. Оде Іларіону и исповеди му све што є одъ нѣ чуо, кому садъ допусти да и онъ може къ нѣойзи по кои пугъ отиѣи, и приступъ имати, али овай се тогъ чуваше; едно да га не бы и опеть съ тымъ увредіо, а друго и себе ради, да любовъ свою къ дѣвойцы не обнавля, кадъ ю и тако више за супругу имати не може.

Кадъ се приближило време, да се Сілоанъ съ дѣвойкомъ венча, оде Іларіону, да му яви, и замоли га, да му дође и онъ на весель. Случайно дакле ступивши у Іларіонову собу, снази га крозь отворени врата, чакъ у трећой соби, гди самъ седи поредъ едногъ округлогъ стола, гди нешто пише. И будуѣи окренуть къ прозору, Сілоанъ изъ шале приступи му лагано, све на прстима крозь себе съ леѣа до нѣга, да га Іларіонъ и не осети. Стане му дакле садъ за леѣа и гледи съ чимъ се ту забавля. Кадъ алъ има шта и видити! Іларіонъ прострео на столъ белу свилу, и на нѣой исписао Милену како годъ живу (ерь добаръ живописацъ біяше) и подписао одоздо „*Любезный сердцу моему ангелу, шша у-*

чини одъ мене! На што ми и сва слава безъ волѣ,
 кадъ ми сердце вене“ Силоанъ ово смотривши, савъ
 се згрозилъ, зашлагне му се образи, и засветле му се
 одъ лютине очи, пакъ онако у ярости, изненада сче-
 па испредъ нѣга онаи образъ, и повикне: Шта е то
 Іларіоне? о ты двоєдушный младићу, кои едно ми-
 слишъ, чинишъ, а друго говоришъ, и клетвомъ по-
 тврђавашъ! то рекавши смота свилу исписану у
 своя недра „Силоане! о сладкій мой Силоане! повиче
 Іларіонъ, поврати се мало молимъ те, умери се за
 волю Божию, и послушай ме брате! нѣ стваръ та,
 као што се теби чини!“ Не Іларіоне! я то кикако
 поднети не могу, да ты такавъ младићъ, Принцъ и
 наследникъ, збогъ мене постанешъ несрећанъ: кадъ
 он ты знао любезный, да себе побѣдити неможешъ,
 зашто ниси престао на оно, што самъ ти говорю?
 Хотео си мени любовь неку показати, а съ тымъ
 себе убити, то я нећу, то мое сердце никоимъ начи-
 номъ поднети неможе: кадъ ћешъ ты быти несре-
 ћанъ, кои си царству подпора, и то збогъ мене,
 знай да водемъ я быти несрећанъ. Одъ садъ на
 часть ти Милена, я ти се укланямъ съ пута, узми
 ю и буди съ нѣомъ срећанъ; мене се выше небои,
 я идемъ у светъ, Богъ зна хоћешъ ли ме игда ви-
 ше и видети, оставлямъ Милену мою, оставлямъ те-
 бе, оставлямъ и любезно отечество мое, у кое Богъ
 зна хоћу ли се, и кадъ ћу се више повратити, и ако
 се кадъ и повратимъ, нико ме знати неће, гди ћу се
 и у кои будакъ земль склонити. Кадъ ми судба нѣ
 оно допустила имати, кое самъ я за najveћу мою
 срећу почитовно, то на што се имамъ више и окре-

тати. Несрећанъ е за мене онай часъ быо, кадъ самъ я на ню првый путь погледао, но съ Богомъ! Поздрави ми Милену кою ти и препоручуемъ да ю узмешъ, да ю не оставишъ; она ће быти съ тобомъ срећнѣя, него што бы са мною быти могла, но и ты знай, да ћешъ у нѣой свако задовољство твоє наћи. Негледай, што е она понижа рода, Божество е ню само, јоштъ заръ и одъ зачетка нѣногъ, на високо нешто опредѣлило: ово се види изъ нѣны дарова Іларіоне мой! На кое Іларіонъ: За име Божіе Сілоане не чини тога! Любезный мой я тебе непуштамъ, ахъ! како бы я могао два любезна срдца раставити! О Боже мой! одъ кудъ да я теби садъ съ томъ маленкошю, изъ едне шале само, такавъ поводъ дамъ! међу Сілоане я више — Не не! Я оно уживати не могу, за коимъ бы ты уздисао, но съ Богомъ! не было ти просто, ако ю не узмешъ, и мене као брата баръ кадшто спомените. Огиђи Милене, и на еданъ лепъ начинъ откри јој ово, но најпре Іларіоне преправи јој нѣно нѣжно срце, да ю сироту изненада яко не опечалишъ и смутишъ, а међу тимъ она ће и одъ мене писмо пріймити; она ће се знамъ сила оскорбити, но тѣши ю любезный Іларіоне! и увери ю, да я и сотымъ више ню любимъ, него и себе самогъ, и да самъ изъ такове мое къ нѣойзи любви, пожелаю, да она на тронъ ступи, а мени како Богъ да. Вы мени обадвоє у најслабемъ спомену заостанете. — На ове речи младый Принцъ проліє сузе, обувати рукама Сілоана и наслонивши му главу на нѣгове млађане прси, ецаше само, и едва изрекне: о я несретный, я бѣдный

шта учини! Ништа, любезный мой Іларіоне! одговори Сілоанъ любези га, ништа то, буди само великодушанъ; мож' да е ово и судбомъ брата, а ко може судбу свою избећи: поступи само съ Миленомъ благородно, пакъ се не бой ништа, съ Богомъ! то рекне одтргне му се изъ руку, и као стрела слетивши низъ степене, хити се на коня и оде, а Іларіонъ остане плачући.

Сутра данъ оде Іларіонъ Милени и застане ю съ писмомъ у руцы, гди седи, и плаче; коя како види Іларіона скочи му на сусретъ, и на ново бризне плакати: Ахъ любезный Принце! повиче шта е ово за волю Божию? — Іларіонъ и самъ не може се задржати, да му сузе не ударе, ма да се усиљаваше, да іой се ведра чела покаже, и тугу іой мало раствори: „Ништа то, рекне іой, любезна Милено! сетивши се да е писмо одъ Сілоана добыла, ништа то немой зато плакати, све ће добро бити. Онъ као младъ човекъ пунъ ватре, а къ томе врло чувствителанъ, границу мало иступа; оставимо га дакле докъ у своіой устремителности мало не изладни. Со тымъ приими писмо одъ нѣ овако писано.“

Милено мила моя голубице,

Здравствуй ми!

Едној девојцы, као што си ты и съ мало се речій, доста може рећи. — Нашъ е целый животъ на неизвестію основанъ, мы смо се о овомъ и више путій разговарали. Шта е небо милостиво за мене заключило, кудъ ли ми срдце мое, коє се судби своіой данасъ отдає, вуче, не знамъ. О любви

моіой къ теби не треба да те више уверавамъ; мое те в сердце, кое е свагда теби отворено было, до-вольно мыслимъ о томъ уверило. И мы нашу лю-бавь коме у найвишемъ степену быти признаемо, кадъ кога више любимо, него и саме насъ. Іларі-онъ е нашъ младый Принцъ и трона наслѣдникъ. Онъ притяжава и сва душе и тѣла найблагороднїя качества, коя царско лице красе. Судба е дакле нѣ-му опредѣлила и супругу подобну: и онъ е такву чрезъ неку сімнатію у теби познао. За то любез-на дѣвойко, я се вашей судби противити несмемъ. Я не могу Милену мою любити, и грану іой на путь метути, да она неполучи оно, што іой Богиня сре-ће сама подноси, и што ты у мени имати неможешъ. Прости дакле мени любезна Милено! утѣши се и бу-ди среѣна са среѣнімъ одъ мене. Склони сердце твое Іларіону, и признай га тебе достойна, а на ме-не мало и заборава, или ме се у мысли као брата спомени. Мы се скоро мила моя! видити неѣемо! ка-ко мени ово пада, не бы ти съ речма я ни изра-зити умео, али што знамъ, кадъ се овако збы. Съ Богомъ голубице моя, писатъ ѣу вамъ нѣзъ Палести-не, но желимъ, да те писмо мое, као княгиню за-стане, кое ѣе особито мило быти

Твоему

Сілоану.

Іларіонъ прочитавши писмо, укочи очи на дѣ-войку, и съ удивленіемъ: Изъ Палестине? Изъ Азіе дакле! о чуда! то е онъ отиѣи морао за крстонос-номъ войскомъ. Жао ми е за нѣимъ, жао ми е любезна

моя Милено, да ме срце мое боле, но што му зна-
мо. „Ахъ онъ се нешто увреѣнъ отъ мене наша-
о, рекне дѣвойка, онъ е нешто безъ сумнѣ на мене
подозревао. Могућно Милено, могућно! И я самъ
то изъ нѣгови речій приметію, да се и одъ мене
увреѣнымъ нешто признае, аля — онъ се вара у
мысли своіой. Добра моя Милено! лано се срце,
кое люби увредити дае, мы смо му истина поводъ
тому и дали, но за то совѣстъ наша занета нема
шта намъ пребацити. И опетъ кадъ му нѣгова и
изъ овогъ писма израженія на рассуѣнъ узмемо,
видисе, да му разумъ нѣ тако у согласію са срд-
цемъ, види се да онъ оно жели, што му е срцу,
или управо страсти, у којой му се оно волнуе, не-
што противно. Сръ онъ за тобомъ умире, а овамо
жели ти, да она будешъ, којомъ те онъ учинити не
може, пакъ се я боимъ — любви достойна дeвойко,
— да се што друго изъ овогъ не роди, кое бы ме-
не и живота стало. Онъ е врло деликатногъ чув-
ства младићъ. Нѣгова се иронческа добродѣтель
са страху любви садъ рве; зато е заръ и нашао
за добро, да се мало кудъ за време удалъи; оста-
вимо га дакле нек' намъ се проѣе, онъ ће намъ и
опетъ доћи, нити онъ зато престае Милено! нашимъ
быти, што е се мало одъ насъ удалію. Благород-
но ће срце нѣгово заисто при-нама остати, и мы-
сао наша свагда ће намъ кодъ нѣга бити. Међу
тымъ види ћемо шта ће намъ писати. Ослободи ли
онъ срце свое одъ тебе, на кое како примѣчавамъ,
сама нѣгова къ теби любовь и срдачна желя, да те
на високогъ достоинству узведену увиди, нѣга скла-

ня и побуђава; и саизволишь ли ты съ твое стране съ нымъ се у томъ сагласити; то ће добро быти, особито за мене добро, коме бы вы съ тымъ ступъ среће сазидали и моима се Идолима учинили.

На то девойка убрисавши лице погледи на овога благодушногъ младића и рекне: ал' молимъ васъ Іларіоне и Принце мой любезный! шта ми рекосте, да се боите да се што друго отудъ не роди, кое бы васъ и живота стало; еда ли дѣла наша, жалостной мени, и таково што у себи садржаваю, о комъ се я ни сетити немогу? — Безумнь красна моя и такво што, но оно зависи одъ твое воля.“ Одъ мое воля? — Одъ твое воля о Богинь срдца мога. Я васъ добро не разумемъ Іларіоне! „Я признаемъ за дужность мою боль ти се изяснити, но боимъ се срдце мое! да те у томъ станю већма садъ не опечалимъ, а іоштъ већма да те и не увредимъ, зато одложимо на друго време. Ахъ! любезный мой Іларіоне! не мойте ме таквымъ неизвѣстіемъ мучити, боль ми кажите, я ћу имати вальда толико великодушія мене знати умѣрити, само да знамъ не бы ли се средства нашла противну судьбу мредупредити, и такво зло избећи моћи. „Добро Милено моя, съ повѣренѣмъ на твой разумъ и на твое великодушіе я ћу ти казати у каковомъ я са Сілоаномъ, чуднымъ онымъ младићомъ, отношенію стоимъ. Онъ одъ царске крви, као и я произлази, пакъ іоштъ по правой линіи. Има дакле и претензію на тронъ, а има и страшну партаю на то, само кадъ бы хтео, но онъ е мене, и могъ почившегъ родителя іоштъ (преставіо му се отаць већъ быо) о томъ яко уверію, да онъ то ни-

гда вовѣки тражити неће. Али садъ я по несрећи заръ незнаюћи, да онъ тебе тако силно любви, покажемъ ти се благонаклонимъ, онъ то примѣти и буде му жао, и позове мене на удвой (мы смо ово одъ тебе утаили). Я видећи у каквомъ се беснилу онъ наоди, и да се никако намолити неможе; изиђемъ съ нѣмъ на удвой! Милено самымъ Божиимъ мановеніемъ збило се, да еданъ одъ насъ погинуо нѣ. Брѣ нѣгова устремителна противъ мене ярость, место да и мене, као млада распали, тако ме нешто разжали, кадъ самъ првый на нѣговомъ захтеваню руку мою на нѣга дигао, тако ме велимъ разжали, помысливши, да я на онога лукъ мой запинѣмъ, кои е мене не давно одъ смрти избавіо, да су ми на еданпутъ сузе изъ очію грунуле и рука ми клоне, рѣшимъ пре самъ ту погинути, неголи оному животъ узети, кои е мени мой животъ одъ смрти спасао, удри! повыче онъ на мене. Я пустимъ стрелу, но навалице промашимъ га. Онъ на то одадне свою на мене, и мало ме окрзне. Опетъ редъ да я стрелямъ, но я и другій и трећій путъ нѣга промашимъ; садъ онъ ово примѣти, да я управо нећу да га погодимъ; косне му се мой постунакъ срдца, и посрами га моя добродѣтель; жао му буде и скочи съ коня пакъ ме загрли: опрости ми, вели, и я ти уступамъ Милену! Мени пакъ жао буде, да я два благородна срца разставимъ, нипошто на то не саизволимъ. Овам' онамъ мы се ту помиримо, и я му се завештамъ, да я више нигда теби отићи нећу, као што ти подуго време нисамъ ни долазіо. Но еданпутъ да учинимъ срцу моме неко задовольство, седнемъ и испишемъ те-

бе на свили белой, да те баръ исписану гледишь, кадъ ми одъ любви-соперника нѣе слободно онако видети те. И текъ што я оздолъ подъ образомъ твоимъ напишемъ версъ некій, како я тужимъ за тобомъ, ето ти ми нѣга, кои ми се састрагъ тако дагано у соби прикраде, и за леѣа ми стане, да я ни осетио нисамъ, докле на еданпутъ не счепа образъ испредаме! я скочимъ на ноге, и почнемъ му се извинявати, загрлимъ га и молимъ га, заклинѣмъ му се и уверамъ га да нигда више небу то чинити, и да е то само една шала; ая Богме! неѣе мой Сілоанъ да призна то за шалу, дирнуо самъ я нѣга у живацъ.“ Другчіе вели, я твою слабость извинюемъ, но кадъ си, рече, знао, да себе побѣдити неможешъ, зашто си ме варао. Я немогу, вели, оно уживати, за коимъ бы си ты навѣки уздисао: я немогу тебе као едногъ Принца сотымъ вреѣати, нит' поднети да ти я животъ огорчимъ, кои самъ ти га одъ смрти ослободио: но не было ти, придода, просто, ако ю за супругу не узмешъ, она е и роѣена да царица буде, ако и нѣе одъ царске крви; она и тебе люби то си могао искусити и т. д. изговори ми съ найтоплима израженіями, пакъ се одтргне одъ мене и оде, а я останемъ чисто ванъ себе.

Садъ дакле Милено моя любезна! да доѣемъ на речъ чега се садъ боимъ. Онъ будуѣи тебе више него и самогъ люби, а и мени е ахъ! срдцемъ и душою отдать. Мене дакле онъ увредити нѣе радъ, а желя коя му се изъ любви къ теби раѣа, да те на трону види, толико е у души нѣговой силна, да ако ты небы срдце твоё одъ нѣга одтргнути могла,

да се за мене склонишь, и владѣтельницамъ поставишь, онъ же као младъ и онако ватренъ еданъ младийъ, зажмурити, и тебе ради бацати око на тронъ. Дође ли онъ само на ту мысао, то я падамъ. А кадъ е тако, слѣдуе дакле да и срећа моя и избавленіе мое одъ паденія, зависи садъ о благоугодна дѣвойко! одъ тебе. Онъ е себе побѣдио и удалю се мало, да разтера само меланхолю свою; остае намъ дакле да и ты побѣдишь себе, но на ово ти се дае време, докле видимо шта же намъ и онъ јоштъ писати. „О любезный Принце! повиче дѣвойка, кадъ бы сте вы само знали, у каквомъ се смущенію душа моя садъ наоди, и шта мое срдце трпи!“ Веруемъ! веруемъ я то любезна дѣвице! рекне Іларіонъ и поведе ю исподъ руке къ друштву, кое имъ се садъ приближаваше, веруемъ душо! да ти е тешко, но опетъ колико те познаемъ Милено, положи же духъ твой срдцу и у томъ предѣль, само докъ видимо шта же намъ онъ писати. Мы жемо придода догађай овај нашъ у дубокомъ ђутаню задржати. Сотимъ разведе печална своя лица и друштву се ту съ тешкомъ и силомъ у лепомъ расположеню садъ покажу.

После 3 месеца стигне писмо одъ Силоана на Милену овогъ садржая:

Милено моя любезна!

Здравствуй ми съ Іларіономъ!

Я самъ тебе дѣвойко моя красна увредю, но съ тымъ већу самъ и своме срдцу рану задао. Али я самъ и морао съ некимъ страшночиганіемъ судби твоіой уступити, еръ самъ видю, на кога она бла-

годатну руку свою простире, да се твоимъ назове. Я тебе любимъ, любимъ и Іларіона, любимъ и отечество мое. И поштеноемъ е сердцу свойствено, да пре опоме, кога любимо, добро учинимо, неголи и себи самыма. Я ъу лакше мою штету поднети, него што бы претрпѣти могао, да я мое користи ради срећу другомъ нарушимъ. Ты Іларіона не познаешъ, колико га я познаемъ; нѣти су га у ранномъ нѣговомъ іоштѣ пролећу и другій досадъ познати могли, нѣ познаћеду га. На нѣга су Граціе све дарове свое, излиле. Онъ притяжава све оне добродѣтели, коима се царско едно лице на трону велича и краси. Могу ли дакле я любити отечество мое, а не любити, или и увредити онога, кои е животворно сердце отечеству нашемъ: Милено! Онъ е помазаникъ Божій, онъ е царъ, а царско е сердце у Божиој руцѣ. Божество само съ нѣимъ влада и управля; и оно е само и нашемъ Іларіону дало чувство и сладку симпатію, да позна, кою ће онъ себи за свою суиругу и свою у животу санутницу избрати и узети, а то си Ты любезна дѣвојк! Я самъ то добро искусію, и приликомъ познаю. Зато сладка моя, и добра моя Милено! ни мало не размашлявай, нѣти на мене чекай, но склони се за нѣга поѣи. Саедините любезна ваша сердца на найвећу ползу целогъ нашегъ отечества. Нису Милено, тѣи преизредни и редки дарови твои теби дани, да они не принесу пожеланогъ плода. Такови се дарови за оногъ изискую, коме божество жребіе одъ много мі іона душа у руку повѣри и даде. Зато велимъ и молимъ саедините вашу судбу и сотымъ утврдите благоденствіе народа

свогъ, а мене задржите за свогъ брата. Помысли само мудра една дъвойко. Колико бы се добра у роду човеческомъ умложило, и колико бы се зли изъ света прогнати могло, кадъ бы се строго и на то пазило, да се онакова лица и на друга и немана достоинства произведе, коя високе даро е притяжаваю. Побъди дакле себе великдушна дъвойко! и склони се Маріону а на мене одъ садъ съ оне стране заборави, съ кое си ме досадъ любила, и окрени твою любовъ на духовну само любовъ. Да ти ніе просто Милено, ако ми то не учинишь! —

За мене являмъ ти, да самъ се уписао међъ Крстоносце. Юче самъ на галии стигао у Архіепагъ, и сутра пріймамъ на захтеваеъ многій команду, и идемо преко црногъ мора у Палестину, гди насъ Турцы и Сарацени у преиравности чекаю, да ъу и погинути, о не! бега смръть Милено одъ онога кой се нъ не бои. Одговори ми любезна моя на ово, и адресирай ми писмо у Багдаты, — али тако, ако ме желишь утѣшити, да чуемъ изъ писма твогъ да си се съ младымъ княземъ венчала, и да сте на тронъ веђъ ступили. У прочемъ пріймите две душе любезне мое найсрдачнѣе цѣлованъ съ поздравомъ и прочымъ као одъ

Вашегъ

Милогъ брата

Силоана Едварда.

Милена прочитавши ово писмо скрушисе на срдцу и полие лице сузама. Ахъ я бѣдна! у каквой ми се тесноћи душа моя садъ наоди! о чуда одъ младића, каква су му израженія, какве великодушне речи нѣгове! — По довольной овако жалости другій данъ саобшти писмо и Іларіону, кое не утаи ни одъ тетка и тетке. Ови известившисе о дѣлу, салете Милену молити, да се склони Іларіону. Но она спочетка нишошто не могаше срдце свое принцу приволети; зашто се за цело уверити немогаше да Сілоанъ драгавольно ню Іларіону уступа. А кадъ наипосле види, да ће и Іларіонъ, ако му коначно одрекне, у светъ зажмурити и за Сілоаномъ отићи, уплаши се и себе склони; венча се съ Іларіономъ, и Сілоану пишу. После краткогъ времена Іларіонъ ступи съ нѣомъ и на престолъ, и искусивши ю іоштъ и болъ, услађаваше судбу свою и призна себе съ Миленомъ за найсрећніегъ Принца на свету. И не само онъ Милену збогъ нѣногъ разума, збогъ нѣне доброте, збогъ нѣногъ о благостаню народа свогъ матернѣгъ стараня; збогъ нѣногъ великодушія и правдолюбія чакъ и до обожаваня почитоваху и любяху. И пріимивши одъ Сілоана опетъ писмо, у комъ имъ се живо изражаваше, како му е мило, што су у светый бракъ ступили, нађесе Милена савршено утѣшена. Само имъ се іоштъ потешко у срећномъ овомъ стояню виђаше, што имъ е Сілоанъ одъ нѣй удалѣнъ, и што съ нѣимъ срећу свою не уживаю, а друго боѣћи се, да имъ у рату гди не погине, често бы се смутили, и едва бы писмо одъ нѣга дочекали, да се о нѣму известе. Прве дакле

године Сілоанъ нѣма почесто писаше, но кадъ настане друга престане имъ писати, кое Милену и Іларіона врло ожалости, уишаше се, да имъ нѣ погинуо или умрео, будући су чули, да е великій поморъ у Палестыни, а нарочито у войски хрiстiянској. Пишу му еданъ путь, пишу другій путь, но никаква одговора. Кадъ му напишу писмо и трећій путь, прійми Сілоанъ и то и ситъ се надъ нѣмъ наплаче; раскае се, што имъ на прва два ништа одговоріо нѣ, пакъ седне и одговори имъ на ово; у комъ и то имъ у найвећу нѣову радость явля, да ће имъ се до неколико месеци у Европу вратити, и моли ій да бы му на то одма одговорили. Но всть дође време, и онъ не прійми одговора! Чека далъ, нема ништа! скоро већ да се на путь за отечество крене, и іоштъ одговора одъ нѣи не пріима. Овога сила садъ смути, но опетъ тѣшашесе у мысли, да су се на нѣга разсердили, што имъ онъ нѣ предъ тѣмъ за дуго време писао. Пише имъ дакле и опетъ, на кое да дочека одговоръ, задржи се и месецъ дана преко уречена времена, да се на путь крене; но ни на ово словца одговора не прійми, Но! ово нѣ добро рекне у себи, ово нешто мора быти! Али што бы друго и быти могло, опетъ помысли, него или се на мене срде, или имъ се писма у овой одъ некогъ време размерицы губе, и до руке ми не дођу. Дай да се иде?

И тако предавши онъ свою команду другимъ, кои іоштъ ту заостану, седне на галю и кренесе за средиземно море. Већ и трећа година настала біяше одъ како се одъ свое Милене и Іларіона ра-

стас, за кое време тако е се быо раскрупняо и нарастае, да га нико садъ своій небы познао. У рітерскомъ будући следу, съ велики цїни брковы, и выескъ као боръ, да га е милина было видити. Онъ се завѣшта у себи, да се целымъ путемъ никомъ садъ не показуе, кое, и іошмъ кадъ и у самъ дворъ Іларісну и Милени оде, да имъ се одма не каже, но да имъ се за странногъ каквогъ изъ Оландіе Рітера изда, само да види како се они живе, и шта о нѣму мысле, шта и другій светъ говори и ели народъ съ нѣима задоволянъ, и т. д: и ако онъ о любви нѣиной къ себи нимало сумняо нїе, но само да неку шалу съ нѣима учини и потомъ да ій изненада одкривенѣмъ да е онъ, усхити и у радость бацы. У оваковой дакле ласкателной мысли, уображаваюћи онъ себи какоће му мило быти, кадъ ій види, како ли ће и нѣима быти, кадъ имъ се каже, целымъ путемъ себе забавляше, а судьбу свою коя ће га садъ срести предвидити не могаше. Данъ по данъ ступи онъ дође већъ и на границу любезногъ отечества свогъ. Заигра му се сердце одъ радости, кадъ изиђе на суву землю, и узяши на свогъ арапскогъ хата, кои рекао бы садъ ће га у облаке дїѣи. Нико се съ нѣимъ у путу мимоїѣи немогаше, да се не заустави и за овымъ младымъ Ироємъ не погледи, незнаюћи кое тай юнакъ на такомъ халовитомъ коню. По оделу признаваху за рітера, но одкудъ е и кое нико знати немогаше. Бръ онъ на лицу по обичаю рітерского, носаше ниспустенъ решетный шлемъ, да га никако не бы ко познао.

Путуюћи дакле онъ овако самъ самцытъ више

ноћу него даню (летнѣ бѣяше време и месечина) па-
шти се што брже да стигне, да само Іларіона и лю-
безну Милену види. Онѣ своя собствена добра, по-
редѣ кой садѣ удари, мимоиђе, и управо у летнѣ
дворове младега княза поити, у надежди да ће онѣ
ту свое любезне садѣ застати. Не буду ли они ту,
говораше у себи, я ѣу по нѣй у градѣ поручити,
да ми дођу, и да ѣй онде у летнѣы дворови нѣюви
дочекамѣ, а у градѣ да не идемѣ, нити коме дола-
закѣ мой за садѣ објавимѣ. Будући храбрость нѣ-
нога и славне у Азіи надѣ Сарацены побѣде, свудѣ
се веѣъ прогласиле бяху, и име: Сілоанѣ Едзидѣ
по целой Енглезкой промето и узвеличано, зато бои-
ше се, да се како народѣ у ономѣ ентузіазму не
обрати кѣ нѣму, и законогѣ своего Принца не презре;
зашто е за многе разумео бую, да то желе. Онѣ
веѣъ и на последній *уставѣ* при заоду сунца присне,
у одну малу подѣ планиномѣ варошицу. Сѣѣ се
предѣ гостилницу, и заиште обиталиште (квартірѣ)
и вечеру. Вечераюћи, бѣесе по глави, хоће ли ту
преноћити, или ће се мало усеити, да ѣоштѣ и ту
планину презди, и ма было у кое доба ноћу,
Іларіону и Милену стигне. У овой, вели, желѣи да
ѣй видимѣ, я и тако цѣлу ноћ заспати не бы мо-
гао, зато идемѣ.

Седне дакле на коня и крене се на путѣ. На
тиюй и месецомѣ светле ноћи, после вече е, уми-
льнѣ срдцемѣ сгледаше сколо себе разновидне бре-
жульке, кои степеню узвишаваюћи се у високу го-
ру сливаху се. Друмѣ се исмеђу овы, часѣ на ед-
ну часѣ на другу савѣяше страну, широкѣ чистѣ, и

лепо свудъ изравнѣнъ, шлюнцыма и пескомъ посуть, а съ обадве стране гдно великимъ растовы обколѣнъ, да в милина по нѣму иѣи. Сілоанъ повечерао, и свою мѣру лепа віна юнакъ испію, а и тако веѣтъ в покасно доба, замишлѣнъ на коню о Милени и Іларіону, сладко садъ задрема. И текъ шта му се сладкій санъ крозь целый животъ разливати почне, презне на некій тихій шумъ музике! Дигне главу и послуша, съ кое му се стране тай пріятный гласъ на ноѣной садъ тишини до ушеса разливаше, и спави да в предъ нѣимъ и истымъ путемъ. „Шта бы то было, помысли, да овако ноѣу, и у овой пустыни музика свира! ободе дакле коня мало брже, и музика све се больма и больма чуюше. Часъ бы мало и престаяла пакъ опетъ засвира, кою и бубнѣви праѣаху, а при томъ и певанъ неко. Садъ на еданпутъ силна нека светлость падне Сілоану у очи, одъ кое му се сва она зелена шума засвѣтли, и конь подъ нѣимъ одъ тога зазревши подскочи, да га у мало и не сбацы. Онъ тронуть повуче очи свое на ону страну, има шта и видити! мложина людій, съ великима у руку буктинями закрчили ширекій онай друмъ, и лагано илу. Приетупивши нашъ путникъ ближе, веѣма се іоштъ удиви, кадъ садъ види ту и силну войску, и господо неку; многе свештенике и сви у драгоцѣнымъ одеждама обучени, прате едногъ мртваца. Онъ радъ біяше помпу ту садъ обиѣи, но неможе. Идуѣи онъ донекле за овыма, на еданпутъ сви стану, и свештенство окруживши мртваца у сандуку, окади га лепо исмірномъ, и почне читати обичне молитве. Народъ унаоколо

поклечи, и съ дигнутима къ Богу рукама моляшесе. Сілоанъ садъ лагано запыта едногъ предъ собомъ на коню стоеѣгъ оффіціра, ко е то умрео? На ково пытанъ воспряне оффіціръ: „Аю господине! вели, какво е то пытанъ? заръ вы нисте одавде? Я самъ странный и путникъ, одговори овай, и случай ме овудъ нанесе. „Та добро! придода оффіціръ, опетъ сте могли чути да намъ е ово дана Княгина наша умрла! — Княгиня! у восторгу повиче Сілоанъ, ваша Княгиня? Наша по несреѣи господине, да нѣ наша, не бы овако ни плакали! „Милена дакле што е за Іларіономъ была? „Она, она! одговори оффіціръ, садъ судити можесте ю иоле познавали, шта мы у нъой губимо! — О Небо повиче у трепету младиѣ, ел' то могуѣ! и видивши, да ѣе да се крену, скочи съ коня и на удивленъ свима ту као изванъ себе проби крозь народъ, приступи къ сандуку, и скине съ лица мртвой црну танчицу, плѣсне се рукама и погледавши на Небо“ о свесиный Боже! шта я видимъ! Милену мртву! Милено Анѣеле мой земный! — Милено царице моя любезна, заръ намъ умре! и тако рано умре и насъ остави! — О судьбино! какавъ е то грозный твой съ нъомъ поступакъ! какакавъ ли ужасный за срдце мое овай ударъ! — Зато ю дакле узвеличи, да ю овако изнегада низвргнешъ! и зашто мене бѣдна одъ толико стрела и толико погибелій до данасъ сахрани, да я ово съ очима садъ гледимъ? ахъ я несреѣнй! на што ме е мое срдце онако силно овамо повукло! на што ли самъ бѣданъ я за толико време тежію, да се нигди честито ни одморити нисамъ могао! —

Яо Милено единице моя на свету! Яо дико и похва-
 ло женска! мысао моя на тебе мене е оживлявала,
 и я тебе садъ мртву да видимъ! — На што садъ
 приступиму учтиво еданъ одъ свештеника“ доста
 вели любезный, доста! нѣ вайде више тужити:
 Богъ ню по своимъ судбама у прву нѣву стіхію по-
 врати. Мало намъ поживи, но испуни лѣта многа;
 еръ богоугодну душу анѣо коме е она поверена,
 често краѣимъ путемъ крозь печальный овай Лаві-
 ринтъ проводи, и у вѣчность ю преселити обичествуе.
 „За нѣомъ е мой Господине! дода старацъ истый,
 толико сладки суза изливлено, да смо ю лако у иѣи-
 ма и окупати могли, но бадава исплакати ю одъ
 Бога немогосмо. „Кадъ бы мой Господине! на нашу
 было, рекне другій то іой не бы дали никадъ умре-
 ти, но забадава, подчинимо срѣца наша Б.жіой во-
 лѣи, и учинимо дужность нашу; предаймо землю
 земли. Великодушный младѣнь укочень, постои
 мало, гледи на ню, пакъ узбивъ шлемъ свой съ
 лица себи, падне на ню. Милено анѣеле, мой, лю-
 беѣи ю, опрости ми! Милено сунце мое зашто помрче!
 Ахъ! живой примеръ опоравивши се ецаюѣи рекне,
 живи примѣръ ево и предъ очима имамо, да су намъ
 сва на овомъ свету еднѣ само суета одъ суета! Как-
 ва слава, какво богатство, и каква радость може насъ
 ублажити, ево у што намъ се сле у еданпуть обратити
 може. Со тымъ врегнесе и онетъ полюби ю и убрисав-
 ши сузе свое спусти племъ свой на образъ, и скочи на
 коня. Учтиво се поклони свимъ ту присуствующымъ,
 кои и не скидаху очію своей съ нѣга, и онако у смуѣ-
 ню ободѣ коня на страну, у мысли управъ у градъ иѣи,
 да види у каквомъ ѣе жалостномъ станю и свога

любезногъ Іларіона садъ наѣи. Кадъ подобро одмакне, жао му буде што нити у ономъ смуѣенію онъ запыта одашта умре, ели дуго боловала; нити кудъ ю садъ носе, или што за Іларіона, гди е, и како се онъ садъ наоди? Окренесе натрагъ и види, да му веѣъ жалостна парада она за еданъ брежулякъ заиѣе, и зора се мало одъ истока забѣли.

И будуѣи му конь целу ноѣъ одеѣи, посустао бѣше, а и самогъ санъ веѣъ превлада, сврати се мало съ друма, сиѣе съ коня, и пусти га на росну едну поляну, да му се мало одмори и попасе, докле и онъ ту, ма и найманъ проспава. Хитисе дакле подъ едну липу на мекану траву, и пребацивши преко себе широко свое яунце, заеши као и окупанъ.

Проспававши онъ ту по добро, тргне се на врисакъ свога коня, протре очи, види да в веѣъ и данъ у велике: забели му се градъ съ высокими зда-ніяма на сирамъ нѣга, юштъ на едно по другогъ саата далеко, и заблистаю му се изъ града великимъ друмомъ, една колеса са в коня, на кое му нѣговъ конь нарогушіо бѣше уши и поврискуе. Сілоанъ устане, скочи на коня и истрчи предъ колеса иста, у кой види едногъ Господина подъ бели власы, као ярина. Сілоанъ мане рукомъ на кочіа-ше да стану, ови то учине. Онъ пристуни на коню колесницамъ, и позна у ономъ старомъ Господину *Ернеста дворянина*, кои нѣга познати и да-не подъ шлемомъ бѣю, не бы могао. Любезный Господине! рекне Сілоанъ поклонившиму се, извини-те ме што васъ овако изъ едногъ найважнѣегъ уз-рока заустави. Вы идете изъ града и безъ сумнѣ

изъ двора? На служби Господине Рітере изъ двора! одговори старый.

Сілоанъ о сладкій Господине! ако сте игда коме у животу учинили любавь, не одрецыте ни мени такву садъ учинити, кою ѣу вамъ за найвећу признати, да ме известите о дѣлу, о комъ се известити, горемъ чисто у любопитству: и будући радъ бы сердце мое предъ четири само ока вама излити, за то молимъ васъ Господине, не пожалите нешто труда вашегъ сиѣи се мало на землю, а конѣи некъ намъ дотле постое.

Старый: о зашто не Господине! на такве лепе и любезне речи, и коме другоме, а камоли едноме Рігеру, таквомъ юнаку (со тымъ притрчи му служитель, кои га изъ каруца превати) но можете ли ме удостоити те чести, да ми се кажете косте вы Господине и одъ кудъ такъ?

Сілоанъ: (скочи съ коня, узе старогъ исподъ руке, и удалъивши се мало съ нѣимъ поляномъ) любезный отаць! рекне му, я се вама изъ едногъ, ако и найневиннѣгъ, но опетъ за мене сила важногъ узрока, засадъ изявити, ко самъ, не могу; али ви ѣете изъ мой речій духъ и характеръ мой, лако познати; и мое чисто но врло ожалошѣено сердце моѣи искусити: зато ништа се небойте, ништ' несумняйте. Я васъ Господине јоштъ изъ могъ дѣтиньства познаемъ: Вы сте Ернестъ Јеронімъ. Я се съ вама у дѣла политична и дворска далъ упуштати неѣу, осимъ то, да ми кажете, како вамъ Княгиня ваша умре; одашта, и кудъ ю ноѣасъ однесе? Я одъ мое туге и не запыта о томъ.

Старый. Драго ми е сыне, да ме познаете; (са спуштеномъ главомъ замышлявнѣ мало) Вы дакле нисте скоро у граду были?

Силоанъ. Я идемъ садъ издалека, и у путу случайно ноѣсѣ сустигнемъ се са жалостномъ помпомъ ономъ, о Боже! юштѣ не могу себи да доѣемъ чисто се окамени, кадъ ми рекоше, да е Княгиня умрла. —

Старый. Она е умрла. О сладкій Господине! кадъ отидете у градъ чуѣете и видити неописану туру нашу. Свиште намъ сирота одъ тешке жалости. Промучи намъ се годину и два месеца, и прво умре. Ноѣсѣ ю однесу изъ града у еданъ не далеко ту у планина монастыръ, гди су юй и славный Евѣтафіумъ подигли.

Силоанъ. (съ удивленіемъ) шта рекосте! одъ жалости свиште! како то Господине? одъ какве жалости? Ніе ли се нѣой помоѣи могло?

Старый. Любезный мой! телесной се болести и наѣ лека, ал' душевной тешко. Изсуши се одъ туге, као былъчица, сва средства, коя су на свету быти могла, есу юй употребили, да би ю сироту избавили, и душу юй задржали, но бадава, найславній лекари одъ кудъ были нису и сами найискусній протомедіцы бдили су данъ — ноѣ надъ нѣомъ и око нѣ, као нѣжна мати око єдинца свогъ лебдили, али! — смрть, ахъ грозна смрть, све имъ трудове нѣове осуети, и упразни, и последный пламичакъ добродѣтелногъ нѣногъ живота, кои юй е на сами медіцина юштѣ тиняо, на еданъ ма угаси, и целый намъ градъ и народъ у сузе бацы и погрузи.

Сілоанъ: Господине сладкій! Ваше речи мене у трепетъ приводе, каква е то жалость была да іой и смръть проузрокуе? Ахъ я несрећный, ако буде што я мыслимъ! о я преобаяный подъ небомъ младићъ! (у себи) ако ю буде сироту любовь нѣва къ мени, до таквогъ очаянія довела! Но старый казуйте! —

Старый: Вальда вамъ е познато, да е она съ Іларіономъ онако живила, да заръ на свету таковыи паръ модій ніе нигда ни было: любили су се као голубъ и голубица: нит' е заръ на свету судба такве две красне и добродѣтелне душе, и таква два любезна сладка и за свеобщту ползу горећа срдца сѣдинила гди, као што намъ е — ахъ на найвећу жалость нашу — нѣи сѣдинила была.

Сілоанъ: (у смућенію) Но? но старый! пакъ шта ће быти? ваша беседа истанчава мени већъ мрачный облакъ, изъ когъ ми громовна стрела срдцу угрожава, шта е дакле за име Божіе васъ молимъ Гди намъ е Іларіонъ?

Старый: (убрисавши очи и увативши кротко трепетногъ младића за руку) Драгій мой! я већъ видимъ да вамъ е цела новесть ова, непозната: а ово е таква една повесть, да я вама у кратко изъ нѣ вашему любопытству задовольити немогу; за то седимо мало на ову травицу нек' намъ и коньи дотле дану: Рѣаво е врло и жалостно мой Господине Рітере! судба съ нама поступила, но шта знамо, вальда смо тако заслужили! —

Сілоанъ: (чисто поскочи) Шта жалостанъ а да ніе и Іларіонъ умро? —

Старый: (на ново заплакавши се и метнувши мараму на очи свое, едва ецаюћи изрекне) Онъ намъ е наопако по насъ юштъ найире умро! и смрът њъгова узрокъ буде, да намъ и Милена, онако млада, и здрава, као еленъ, ожалости се и умре.

Силоанъ: (на ову речъ: умро) яо! шта чуемъ! о небо! (повиче, староме на раме клонувши, за неколико мінута обамре)

Старый: Но! но! сыне любезный! умерисе мало! помысли да смо люди, позовисе на наше естество, и да е оно, сладкій сыне! судбама Божиимъ подчинѣно! било иъ е, кой су за њимъ и у гробъ скочити хтели, пакъ шта су се со тымъ помогли; ено Милену е живота стало. (*Силоанъ* дође мало къ себи) ахъ я бѣдный на ово ли у Европу поити! о сладкій Господине! каква ми стрела крозь сердце мое садъ пролеги! Яо мени до Бога, шта да я чуемъ: *Иларіонъ* мой умро! — Милена умрла! — пакъ да я живимъ? — о Боже какве су то судбе твое! (со тымъ прекрстивши руке, спуети главу свою къ земли и проліе се у сузе).

Старый: Ніе вайде Господине, и сыне мой добрый! ніе вайде више плакати, повратити иъ више неможемо, да бы се сви у саме сузе разлили; но послушайте, да васъ баръ о смрти *Иларіона* известымъ.

Силоанъ: (стигнувши староме руку, окренесе одъ њъга мало, и узбивши шлемъ съ лица; убрише сузе свое) говорте Господние! извести те ме о свему, не бы ли изъ вашего откровенія поне и неку

срдцу моме утѣшителну отраду получію, ако се само уверимъ, да е наравномъ смрћу умро, и да ніе.—

Старый: (превативши му речъ) О сыне! и съ тымъ е на већу жалость нашу, што е на врло ружанъ начинъ, но случайно скончао животъ свой, и како смо се по томъ известили, у самомъ предувећу да учини едноме простоме човеку добро. Кое е было овако.

После године дана одъ како се венчао Іларіонъ съ Миленомъ, добіе одъ њъ прву радость, роди му здраво и прекрасно женско дѣтенце! Исто вече осветле целый градъ, музика е заръ и на сто места по граду ону ноћъ свирала; торжествене песме свудъ се певале, и грађанскій великолѣпни балови држали. Дете дакле крсте, и на захтеванъ младогъ отца, даду іой любезно материно име *Милена*. Іларіонъ садъ изъ превелике оне къ чеду своме любви заповеди у ономъ, ако вамъ е познато, спрамъ двора островцу да се сазида лепа една и велика кућа, и една поредъ исте куће капелица, и то посвети своме првенчету, завештавши се съ Миленомъ, даћеду ту сваке године на данъ рођеня свое кѣри, сазвати све грађане, и торжественно угостити ій. Кућу назову за вечитый споменъ *Дворъ Миленинъ*.

Приспе дакле време, да се истый дворъ на данъ детета првомъ славомъ освети. Разпошло се білете свудъ по граду, и позову се грађани оно вече на вечеру и на великолѣпный кралѣвскій балъ. Двора-управитель, по налогу, раздели цело грађанство на особите по чину редове: на дворяне и благородне, на грађане, трговце и майсторе, просте земле-

дѣлце и саме сиромаке. Да свако има задовольно ести и напитки се, и ко е за игру и музику, да игра, и да се весели; и то све о кралѣвскомъ трошку, да никога одъ нѣи новчиѣа не стане.

По таквой наредби стече намъ се, наравно, ту сильный народъ, осветли се целый островъ, затрубе музике, и радостна на све стране одъ народа усклицаня. Заръ и на две стотине места по красномъ ономъ и зеленомъ острову столови су поставлѣни были. Ту се вло, ту се пило, играло и пѣвало, целу готово (у Маю месецу) ноѣ. Дворъ се высокій, у ксмъ су найвеѣа господа играла, тако светлю да се мыслило, са стране гледаюѣи га, одъ самога в брилѣанта изсеченъ. Музыка е по острову на 20 мѣста свирала.

Младый князь пробавивши съ господомъ у великой сали горе, до едно 11. саатій време, захте му се мало сѣйѣи се и едно да се по ладовини проѣе, а друго да се ту и цѣломе публикуму покаже. Зовне дакле свогъ любимца, старогъ Паулина, првогъ министра, ако сте га одъ кудъ познавали, и можете га се опоменути, и тако съ нѣимъ сѣйѣе се. Одаюѣи крозь едно алее умилѣни срдцемъ гледаю и на одну и на другу страну веселу младежъ обадрвога пола, како узъ музику ту играю. Меѣу тымъ смотре гди съ градске стране поредъ воде на спрамъ нѣи бацаю некѣи у высину ватрене жижке. Ове су тако художественно направлѣне были, да су различна и дивна изображенія у воздуху представляле. Найпосле угледаю и еданъ великій воздушній шаръ, гди се лагано одъ землѣ на воздухъ узвишуе, на комъ ви-

де са златны слови написано: „За честь Іларіоновомъ чеду и мылимъ родишельма“ Право! смешеѣи се рекне младый родитель, и сотымъ приближе се на брегъ къ води. Шаръ више и више на воздухъ дижуѣи се дотле, док' наипосле престаѣи имъ се као една мала ябука, и тако имъ изчезне и са свимъ га веѣъ нестане. „Но! и то видисмо, рекне Паулинъ, садъ айдемо дружству, да овде поредъ воде не оладнимо.“ Кадъ ал' на то угледаю низъ воду одъ моста спуштену неку светлостъ „шта ће садъ опетъ ово быти, рекне Князь; пречекаймо, вели, мало іоштъ, да и ово видимо“ Кадъ е тако, рекне старый, а мы да седнемо мало, мене заболеше, вели, ноге. И тако седну ту на брегъ и гледе оно видѣніе, кое имъ се тіо низъ воде приближаваше. Кадъ присневше ово на спрамъ нѣи, виде разна коекаква изображенія. Нептуна, Тритоне, Просерпину, и друга овака изъ Митологіе обоженія, врло искусно направљена, и изъ нутра осветљена, пакъ тако низъ воду пуштена.

Они тако іоштъ мало и за овимъ низъ воду гледе, ал' имъ неко са стране уздане на кое оба двоица презну и погледе на ону страну, виде да се нешто у трави мешкола, и хоѣе да устане но неможе: ко е то? рекне Іларіонъ, и скочи на ноге, и онамо се приближивши види едногъ сиромаха; ко си ты? упыта га младиѣъ.

Просшакъ: О господине! (заплеѣуѣи єзыкомъ) не пытай ме, вели, ко самъ, но гледай, ако можешъ; да ме на ону страну пребацышъ! Націо самъ се мало и задоцнію, пакъ поѣемъ куѣи, но немогуѣи во-

ду прећи спустимъ се овде мало и заспимъ, пакъ самъ ево озебао. (На то приступи Паулинъ.)

Паулинъ. А зашто піешъ преко мере, да се тако опіешъ?

Просшакъ. О мой господине! колико самъ се пунтій я опіаю, кадъ самъ и съ меромъ пію.

Паулинъ. Не! не! съ меромъ пити, не може се човекъ опити, но вы простиі люди не знате шта е мера.

Просшакъ. Та мани се господине тогъ разговора, гди си ты видію, да крчмаръ коме безъ мере дае пити, іоштъ кадъ бы намъ и меру праву дао.

Гларіонъ. (смешећи се) эл' не тако драгій! Овай господинъ теби каже, зашто ниси умерено, пію, да будешъ само весело, а не да се тако опіешъ, да неможешъ кући отићи.

Просшакъ. Е мой господине! ово намъ се данасъ случило пакъ Богъ зна кадъ више, да намъ Богъ поживи Княза нашегъ и добру нашу госпођу Княгиню.

Паулинъ. Тако ты си мыслію напити се и за другій путь, не неиде то тако мой драгій.

Просшакъ. Лако е теби говорити, кои нигда безъ віна нити ручашъ ни вечерашъ: а мы сиромаси прости люди едва га и у месецъ дана видимо, пакъ га се зажелимо.

Гларіонъ. (лагано) Онъ има право!

Паулинъ. У пуной мери! — Старче я мыслимъ да е дужность Княза была за свое госте наредити, како ће ю и кући отићи: а онъ васъ е частію са-

мо, и оною, пакъ што вамъ драго: заиста то нѣ
лепо одъ младогъ Княза.

Просшакъ: Хм! Господинъ си, а лудо гово-
ришь! гди бы Князь за толикій светъ и могао на-
редбе чинити, како ће ю пїани люди кући ићи! заръ
нѣ доста што е онъ насъ любезно почастію, све
насъ наранію и напоію, но да насъ іошть и кући
прати!

Гларіонъ: (лагано) право! овай се стараць
мени допада. — Старый! а за какво ты доброчин-
ство примашъ то што васъ е Князь початію, та то
нѣ ништа! Онъ као младъ човекъ не чини то по
благодарушію, но изъ лакомыслія свогъ, радъ е само
дружество имати да се и самъ провесели.

Просшакъ: На ту бы ти речъ я лако одгово-
рити могао, ал' неznamъ съ кимъ говоримъ.

Паулінъ: Слободно старче, слободно шта знашь
одговори, мы смо люди трговцы и истину рећи не
треба се бояти.

Просшакъ: Не чини вели по благодарушію, но
изъ лакомыслія! Яко се ты Господине у томъ ва-
рашь. Онъ е истина младъ, и дѣте іошть, но како
я чуемъ, онъ има зрео разумъ и пунъ е доброте,
пунъ е къ поданыма своима любви: еданъ благо-
душный младићъ, еданъ благочестивый владѣтель,
коме е Богъ и супругу даровао, едну заиста благо-
датну и обоженія достойну Госпођу, ахъ — Све-
вышній да низпошлъ на нѣи небесный свой благо-
словъ; да имъ многочислена приложи лѣта.

Гларіонъ: (на то умилънъ) Како бы то ста-

рый мило нѣма было, кадъ бы те чули, да ий тако благосиляшъ.

Просшакъ: О мой Господине! Та нѣи благосиля целый народъ, и свака душа, а не само я, шта самъ я? —

Паулинъ! Но одкудъ старче ты заключавшъ те похвале одъ народа нѣма?

Просшакъ. Заиста не одъ оне синоѣнъ вечере ако може быти и мислишъ то, но одъ нѣюве свету веѣь познате добродѣтели заключавамъ, и уверенъ буди, да я, као еданъ старъ человекъ истину говоримъ. Мени е чисто жао (устаюѣи) што ми се скрачаваю године, те неѣу моѣи дуже подъ нѣювимъ скиптромъ оногъ се благополучія наслаѣавати, кое ѣе ю млаѣи одъ мене уживати.

Гларіонъ. А кудъ садъ науми старый?

Просшакъ: Уа сынко ишао бы куѣи, чекаѣею ме дѣца, а незнамъ како бы прешао; на мостъ да идемъ далеко ми е заилазити, и закаснѣу одъ посла: покошене су ми ливаде, мора се сено купити и грабити докъ е време овако лепо.

Гларіонъ: (къ Паулину) ала айд'те да га на ономъ чамцу еданъ часъ пребацымо! ето како намъ е вода узана, за тилый часъ тамо смо.

Паулинъ: Ал' смо невешти любезный оба двоица, а вода е брза, боимсе да се неизврнемо.

Гларіонъ: Е да: я знамъ помало корманити старый! оди овамо у чамаць, садъ ѣемо мы тебе пребацыти.

„О грозна часа Господине! о несреѣна случая овогъ! Узданувши рекне министрѣ Сілоану! — Од-

решо чамацъ у кои уведу старца, пакъ узму весла у руке, и отисну се одъ края. Донекле пођу лепо, но кадъ наиђу на матицу, коя се къ брегу на друго страну мало савіаше, увати іѣ брзина, и они онако невѣшти збуне се мало, вода узме ма, и нанесе іѣ на некій у води врбовъ панъ, у кой како чамацъ лупи изврне се, и они сви троица падну у воду! и будући су већъ близу брега были, нагну сиромаси къ овоме. Но по несрећи и ту буде велики одсекъ, нигди ништа зашто би се уватити могли, а вода ту найдубля, и найбржа, успротиви се своей снаги и хитрости нѣовой; грцали су и отимали се докъ су могли, найпосле изнемогну, и предадусе судбини своіой. Младый Князь и онай простый удаве се, а Паулинъ више заръ и на свою несрећу, неголи срећу докле се іоштъ помало мицати могао, пустисе кукавацъ низъ воду. И тако вода га нанесе подъ неку врбу, коіой су гране у воду спуштене были, за коѣ се увати и изиђе. Но кадъ се разабере и одъ страа оногъ мало къ себи дође, раскаесе шта е учиніо, и на шта е бѣдный свой животъ тако избавіо, како ће садъ предъ светъ узићи, како ли жалость поднети, а къ томе подъ каквый и одговоръ за Княза доћи може! Науми дакле да на ново скочи у воду или да се убіе! —

Осване намъ несретный данъ! пукне гласъ да намъ Княза нема, и будући се знало, да е съ Паулинѡмъ ону ноћъ изишао некудъ, оду дакле у нѣговъ дворъ, но застану овай пустъ, собе празне и поотворане, нигди никога нема! Кадъ ал' на едномъ столу нађу написану жалостну ову повесть целу.

И тако известивши се о несрећномъ случаю Княза, полете на воду тражити га. Нађу га дакле у край воде у едномъ шиблю избачена и мртва! — О Господине! каква е то жалостъ была, особито Княгини кадъ су јој казали, то се може само помислити, а не описати. Она е сирота на прву речъ: *нашли су га мртва!* као мачемъ ударена о землю лупила, и едва јоу трећий данъ къ себи мало приведу, но на већу муку нѣну; одъ туге почуна косе себи съ главе, изгрува се једна у прси желећи управо и себи смртъ. Најпосле жалостју онако трзајући скочи съ кревета и као изванъ себе полети за ножъ да се съ њимъ прободе, но итро јоу у томъ предва-ре и ножъ јој отму; одлежа ће по томъ три неде-лъ, и мало се попридигне. Слабачка онако на ногу венула е као красний цвѣтъ, коме бы првѣ коренъ подгризавао, докле се најпосле не сконча.

Докъ е старому министеръ сказивао, Силоанъ е слушајући непрестано сузе лио. „Ко е дакле садъ на место нѣгово постављенъ?“ убрывавши сузе за-пыта младићъ.

Старый: Поставе Лудовика нѣговогъ стрица, и како то буде, я резигирамъ, и садъ выше на мо-имъ добрама, неголи у граду живимъ.

Силоанъ. А княжево дѣте? ел' оно живо и гди-имъ е?

Старый? Живо е! и наредили су истина, да оно, достигши возрастъ свой, наслѣди престолъ, али! — Богъ зна како ће и то быти: зашто и онъ има сына, дѣте одъ едно 4 годинеѣ, гледа ће онъ безъ сумнѣ, да му сынъ наслѣди.

Сілоанъ. Ал' ако народъ неусхте, да Іларіонову кровь узиште?

Старый: Мой Господине! предстатели народа, као господа велика, и дворяни, на кое се народъ и осланя, князу е свомъ на руку; могли они нѣму, као владѣтелю своме, волю у чемъ и покварити? А друго дѣтенце е оно текъ одъ едне годинице, младо као роса, нек' му мало што буде, пакъ нека га пренебрегну, оно е прошло и коме бы се зато рачунъ давао? къ томе додаймо іоштъ и то, што е дѣте женско, кое мужкому свагда уступити мора. Бданъ бы може быти у томъ помоћи могао, да одъ Іларіонове крови на престолъ ступи, но по несрећи, како чуемъ, и онъ намъ е погинуо, за коимъ многи жале.

Сілоанъ: За когъ то велите господине?

Старый: За младогъ *Едварда Сілоана*, кои управо и има на тронъ претензію, ал' оде у Палестину, и погину у рату, ако е истина, осташе му толика силна добра. Та вальда сте и ви слушали за нѣга, какова е чудеса онъ у Азіи чиніо, нѣгове су славне побѣде и у песмама почели были пѣвати већъ, те мы міністри, потайно одъ княза запрети-мо, да се не бы народъ нѣму приклоніо, и за княза га найпосле избрао: на кое се онъ, како чуемъ не бы было ни склоніо, зашто е Іларіона онъ одвећъ любіо. Но садъ да е одкудъ живъ, безъ сумнѣ бы онъ на престолъ дошао. И истый *Лудвикъ* іоштъ е подъ сумнѣомъ, да е онъ у Палестыни погинуо, іоштъ се бои, да му одкудъ недође (сотымъ устану).

Сілоанъ: (пратећи старогъ къ колма) ао мой Господине! да жалостне повѣсти, што ми казасте, но опростите ми да самъ васъ толико задржао!

Старый: О любезный мой! я самъ вамъ истина ва ваше любнпытство цело приключеніе одкріо, но видећи, колико е се и вашегъ честногъ срдца ова обшта свію насъ туга коснула, жао ми е да самъ васъ и ожалостіо. — (И тако опросте се). Старый седне на кола и оде, а Сілоанъ ожалосченъ постои мало, и мысли се кудъ ће садъ. Онъ у градъ више одъ жалости ићи немогаше. Заклучи дакле, да се гди одъ целогъ света притаи и у самоћи на каквомъ мѣсту живи, гди нико за нѣга знати неће. Но при томъ онъ науми, каковимъ годъ начиномъ Іларіоново дѣте себи прибавити, воспытати га и на тронъ отчинъ узвести га. Ово ће ми (рекне у себи) сила моћи срдцу одлакшати. У овой дакле мысли седне садъ на коня и предузме путъ къ некой справъ града планини. Пође донекле полѣмъ и измеђъ гаева некій безъ пута у очаянію онако и немарећи гди ће изићи, гди се зауставити. Нитъ га гладъ опоминяше, нитъ онъ на коня бедногъ, што му е већъ посустао быо, сматраше, но единако иде, као да бы хтео жалость ону избегнути, кою на срдцу са собомъ носаше. Онъ проклиняше и часъ онай, кадъ се изъ Палестыне за Европу кренуо; ропташе на судбу свою, коя га е одъ смрти у онакови ратовы сахранила, да га овакой жалости садъ преда.

Одећи тако спази са стране опетъ едне каруце съ 4 коня: ово ће быти друмъ какавъ, рекне у

себи и савіе коня за овима, и текъ што онъ не на друмъ но путъ некій изиђе, каруце му за едно брдо замакну. Садъ истина и данъ яко угрее, но онъ овимъ путемъ, кои му се зміевидно измеђъ зелены шума и брежуляка савіяше, пріятномъ ладовиномъ нође. На еданъ ма изведе га путъ онетъ узъ неко голо брдашце, преко когъ да пређе узвиди му се потрудно за уморногъ коня: зато сяше на край исте шуме, и пустивши коня на траву, прелегне подъ едно зелено дрво, и будући да целу проша-сту ноћъ ніе спавао, засни сладко. Прохладителный ветрићи съ мирисногъ оногъ поля часъ на часъ ове-яваюћи га нишошто му се пробудити не допусте; проведе тако у сну, најслађемъ овомъ и блаженомъ за смртне естества дару, и до саме ноћи. На еданъ путъ тргне се, протре очи и види све предмете у танкій тихе ноћи флоръ завите. Но гдикоя звезда одъ источне стране на тверди небесной біяше и-зишла, и одъ западне іоштъ она пурпурна по небу етаза са свимъ изчезла не біяше, по којой е на ва-трены коли царъ свою планета прошао.

Онъ устане, седне на коня, и крене се на путъ и текъ што изиђе на предъ собомъ лежеће брдаш-це, укаже му се и мѣсець, Замисльнъ и незнаюћи гди ће га најпосле тай путъ извести, тргне се на некій предъ собомъ врисакъ, за коимъ и трчанъ коня неко загрми! „Шта ће то быти? рекне у себи и поити на ону страну. И чимъ му се истый путъ окрене већъ низъ брдо оно, смотри каруце, гди му се на мѣсечини заблистаю. Но коньи поплашени, ре-као бы лете, да на землю не етаю. На еданъ путъ

савію съ пута преко неке широке равнице. Сілоанъ тронуть пожури се што брже за нѣма, но низъ брдо будући, за коня му врло стрмо буде, на исту равницу стрчати; принуђенъ дакле буде съ коня скочити, и онако пешке на поляну стрчати. Каруце на то стану и коньи разпалѣни врште. И тако Сілоанъ опетъ скочи на коня, ал' гласъ изъ каруца женскій „Яо! яо мени до Бога! — Сілоанъ на то бацы око и увиди неколико людій, гди су обколѣли каруце; напаствую некогъ у нѣма. Итро дакле маши се у туль извади стрелу, и чимъ му ова въздухомъ вазуи, еданъ одъ злочинаца падне! натегне таки и другу, съ коіомъ такође не промаши, но свали и другогъ. Разбойници на то устреме погледъ свой на нѣга, и смотривши га разлюѣени полете къ нѣму, до едно нѣи 5. Сілоанъ садъ скочи на свогъ коня, изтргне гр'днѣй свой мачъ, и съ коплѣмъ поредъ себе окомице, поюри ій полѣмъ, станте злочинцы едни, да вамъ покажемъ на кога сте наишли! Ови ти, громовитымъ гласомъ тронуть, бежи безъ обзира у шуму. Сілоанъ притрчи каруцама, скочи съ коня, и завиливши у каруце, „Ко е овде?“ запыта? На кое нико му ништа не одговори, само што едно мало дѣте, чуяше се унутри крмукати разплакано. „Ко е овде?“ опетъ запыта Ирой, и отвори вратаоца, небойте се, вели, више, вы сте избавлѣни. Сотымъ узвіе предню кожу на каруцама! и има шта и видити! една женска особа съ покунѣномъ главомъ седи у каруца, и мало дѣте поредъ нѣ промукло већъ одъ плача ецаше. И будући иста госпођа на пытанъ му ништа не одговори, окрене се

кочіяшу, кои узде коньма іоштѣ држаше, но руке му высе, и текъ што не падне. Но? ко сте вы и одкудъ идѣте? запыта и овога. Кадъ ни одъ овогъ одговора не пріими, маши му се рукомъ, естъ! мртавъ. Спусти га дакле на землю, и приступи опетъ госпоѣи у каруцама, кою такоѣеръ мртву и сву у крви наѣе. Онъ узме садъ оно кукавно дѣтенце, кое женско біяше; пригрли га на свое юначке прси: „о любезна невиности, полюбивши ю рекне, о жалостне и ваше судбе! бѣдни люди нашто сте и вы наишли! Сотымъ завіе дѣте заплакано у альине и да ю поутѣши, намести ю у каруца поредъ мртве матери, пакъ почне тіо каруце люляти те му заспи. Затымъ обзире се оѣел' му ко одкудъ изиѣи. Стане меѣутымъ и около коня' туткати, и што е покидано было надвезывати и оправляти. Ноѣъ будуѣи у лето кратка, заплави веѣъ и зора.

Кадъ аль ето ти му едногъ служителя извуче се сиромакъ изъ некогъ шибля; изтученъ и крвавъ едва иде. У истый ма и другій набури главу. Овай имаѣаше укочено раме, и мало рамляше. У осталомъ види, да су оба двоица млади нѣки и благозрачни момцы съ портиратымъ хальинама и са златнима ройтама на рамени. Сілоанъ изишавши имъ мало на сусреть „Но юнацы! естел' вы, рекне имъ одъ овы каруца?

Служишелы: Ахъ! есмо господине! есмо наопако по насъ и по нашу главу (со тимъ притрче каруцама).

Сілоанъ: Забадава мой драгій! она вамъ е убіена и ето мртва.

Служишвъль другій (бацивши око на кочіяша) ахъ! та и овай е убиенъ, повиче.

Сілоанъ: И тай да како! само вамъ е ето дѣте живо, ако што и нѣму не буде.

Служишвъль (видивши дѣте) о хвала Богу! кадъ намъ в баръ и оно живо остало. Но сладкій господине, да несреѣна случая съ нама!

Сілоанъ Но? како е то было и ко вамъ е та госпоѣа? како ли сте се тако у овой пустыньи задоцнити могли, да тако пострадате? Я самъ, вели, ено двоицу одма свалию (показуюћи у трави) а други се разбегоше, али каква полза кадъ нисамъ пре приспети могао.

Служишвъль: Но господине Ритере! кадъ судба што о комъ заключи, избѣћи се не може. Мы смо истой госпоѣи говорили, и колико смо ю бедну молили, да се не отискуемо на овай далекій путь кои за данъ, ако здраво не поранимо, прећи неможемо, но забадава! она сирота, као на свое зло, навали да се иде. Она е ядна (превати речъ другій) и морала съ дѣтетомъ поитити, зашто е нъой тако и заповеѣено. И тако бедна да избави дѣте изгуби ето сама животъ свой а мало и мы не изгинусмо, кое бы заръ боль за насъ и было (заплакавши се рекне) еръ овако Богъ зна, како ћемо садъ проћи; зашто е то дѣте господине (но молимо да се далъ нечуе) царско! она е принцеса покойногъ Княза Гла-ріона кћи, коя е овой истой госпоѣи на воспитаніе предана была. Осѣти дакле нешто ружно за ово дѣте у двору, да су неки на то почели ићи, да дете за любовъ садашнѣгъ Княза смакну потайно, да се

не бы съ временемъ партая и на нѣну страну появила, и раздоръ се о наслѣдію трона родіо, зашто Лудвѣкъ саданъи има сынчиѣа одъ едно четири године.

Сілоанъ: (у усхиѣенію) Іларіоново дакле то е дете? Ахъ ел' то могуѣе!

Служишель: Нѣгово роѣено Господине Ритере, и та госпоѣа наговоромъ неки' узме дете, и изъ двора побегне. Пошла е дакле была сирота своему отцу, кои е ево за овомъ горомъ врѣовный *Правишель* надъ царскима рудоконіама, но ето ти шта е бедну у путу постиже! Мы сумнямо (настави младиѣъ) — но съ повѣренѣмъ господине милостивый! на вашу честь! — мы сумнямо, да нису іоштъ ови люди ноѣасъ одъ неки' и подкуплѣни были, да на ову госпоѣу ударе, и дѣте убію, но она дѣте заклони и себе подъ смртоносный мачъ подмете, выкаюѣи изъ глаза кога у помоѣъ; на кое, Божимъ заръ мановеніемъ, ви однекудъ искрснете, и една ову двоицу свалите, съ коимъ друге поплашите, те побегну, и дѣте не убію. Мы смо се Боге одна скрили были. и —

Сілоанъ: (плѣене се рукама) о чуда! шта ми казасте, да е то Іларіоново дѣте. (сотымъ притрчи у каруце, и узбивши шлемъ съ главе свое узме дѣте лагано, онако успавано) о любезна невиности (любѣѣи ю) сладка крови одъ два найблагодѣтелнѣа на свету срдца! Ахъ! та ово су любезне чертице лица Милене! Та ово су царске очи милогъ родителя нѣногъ! о судбо! непостижима судбо наша! шта я друго могу садъ и мыслити, но да ми е промисао

вечный ову невиностьъ, овай нѣжный цвѣтакъ данасъ повѣрю, да іой я отаць будемъ и да я о ньой место сладки' родителя одъ данасъ бригу носимъ. О благословено небо! (спустивши дете на землю, клекне и съ дигнутима рукама) о престоле звездама украшенный, и создателю света! я се теби садъ у ономъ найторжественіемъ часу твердо завѣштавамъ, заклинѣмъ, и заклетву мою ево моіомъ потврѣавамъ, да ѣу я одъ овогъ часа, ово дѣте, ову последню каплю царске крви, као мое собствено сматрати, лепо ю воспитати и дотле се не смирити, докле ю на отчинъ тронъ не поставимъ. Прійми дакле овай мой завѣтъ о евеблагій и праведный Боже! благослови мое намѣренъ, подкрени ми духъ и сердце мое; — А вы свете две душе, кое садъ изъ те вѣчности на насъ и на целу ову землю, као на едно зрно песка гледите, молити се Богу за мене! — (сотымъ устане узме дѣте и поѣе каруцама) о свештеный залогъ! кои ми униле прси мое оживляваше (полюбивши дѣте и пригрливши ю къ своимъ любведьшуѣима прсима, седне у каруце) прежите дакле садъ конъ, повиче на момке, и терайте управо томе господину, комъ сте и пошли были. Но ову тайну чѣе дѣте, и овай случай за мене и за мой завѣтъ овде, дубоко да у сердцу закопате! да се нисте усудили коме едне речце проговорити! Издаѣемо на гласъ (ако доѣе до каквогъ цытаня, и дѣте се узтражи) да еи дѣте погинуло. Сотымъ садъ кренусе, изиѣу напутъ, и стигну рано іоштъ у царска рудокопя. Дивна ту зданія, у прекрасномъ романтическомъ месту, као у

раю, допадну се одма Сілоану, кои заключи ту зас-
сгати и у потаи одъ свію живити.

Чимъ Сілоанъ у предворіе съ каруцама ступи,
старый господинъ съ неколико свое' породице,
познавши каруце и конь, радостанъ истрчи любез-
ногъ госта, свою едину кћерь, дочекати, којой се
іоштъ у вече надао быо, да ће му доћи. Сілоанъ
скочи изъ каруца, и узме малу свою кћерь у нару-
чъ, предвари га и поздрави съ добро ютро. „Не-
мате се рекне бедному оцу чему радовати, но прій-
мите ово дѣтенце и носите га у собу; сотымъ узме
старогъ за руку, и поведе га мало на страну: „Лю-
безный господине! рекне му, стегните ваше роди-
тельско срдце, погледайте на небо, и помыслите,
да Свевышний у судбама нашима влада и управля.
Жао ми е да ме срдце мое боле, што вамъ морамъ
я казати, да е срећа ову ноћь врло зло съ вама по-
ступила, ал' — старый се на лицу промени и савъ
затрепета „Ао господине! повиче; шта е за име Бо-
жіе? и сотымъ полети къ каруцама, но Сілоанъ га
задржи „умерите се господине сладкій, рекне му, и
подайте дѣте то (дѣвойчицу одъ едно две године,
кою онъ у истый ма за ручицу држаше) подайте ю
одвести у собу, да сѣдте ту съ осталима не рас-
цвѣли. Кћи е ваша ноћасъ погинула, ено е мртве
у каруцама! — Старый задркће на ногу, и ошаше
пасти, но Сілоанъ га счепа у наручъ и као мртва
унесе у собу. Садъ пошлѣ одма по Хирурга, и пу-
сте му крвь. Поврати га дакле ово мало у животъ,
но за неделю дана ніе могао къ себи доћи. Међу
тымъ кћерь су му саранили и на ню већъ позабо-

боравили, само су о старомъ прилѣжавали, да бы нѣга одъ смрти отели, кои седмый данъ слабымъ гласомъ едва пробесѣди дайте ми вели Софію! Доведу му одма предречену девойчицу. „Ахъ любезно мое единче! люблѣни ю рекне „Матерь ниси ни запамтила, пакъ ево и мене хоѣшъ да изгубишъ.“ Ахъ я бѣдный Отаць, у сестри самъ ти хотѣо Матерь, и воспитателницу имати, но ето нашто жалостанъ и несретанъ я отаць поручи да ми доѣ! Любезный Господине! рекне Сілоану узевши га за руку, ако умремъ, препоручуемъ ти ово дѣте, молимъ и заклинѣмъ те любезный мой, као сына роѣногъ буди іой мѣсто мене отаць! Сілоанъ увѣраваше, да онъ умрети садъ неѣ: сбудели се наипосле Божія воля у томъ, то некъ увѣри свое родителско срце, да ѣе се онъ и нѣговогъ истогъ дѣтета, какогодъ и мале свое Милене родителски пріими и.

Међутимъ Сілоанъ даде изъ града искуснѣйшегъ лѣкара довести, кой старогъ за месецъ дана у преѣшане доведе здравлѣ. Старый потомъ Сілоана е као роѣногъ сына любіо, но и овому се младићу старый весма понрави. Завѣтую међу собомъ любовь и взаимно пріятелство тако, да се више до смрти не растаю. Старый одреди Сілоану 5. лѣпихъ соба, гдѣѣ онъ са своіомъ маломъ ѣери и Софіомъ обитавати. Даду садъ изъ града и одну искуснѣйшу Госпожу жену довести дѣвойчицамъ овымъ за воспитателницу. Коіой Сілоанъ даде доволно новаца, и пошлѣ ю у градъ те му накупуе прекрасно покуѣство. Украси му и накити све себе. Даде онъ потайно пренети и свсю Бібліотеку, и пу-

сти се у читанъ кнѣига, у комъ онъ и величайше
удоволствіе свое налазаше.

И тако Сілоанъ ту у потаи живеѣи прилѣжа-
ваше само о воспитанію своихъ ѣеріи. Нити се сма-
траше и Софія ту у двору за другу, но за Сілоано-
ву ѣеръ, а старогъ свогъ отца она е сматрала као
свогъ дѣду.

Подъ мудрымъ овако Сілоана управленіемъ та-
ко су Милена и Софія у науки, и срдца изображенію
успѣвале, да су се сви чудили. Но на веѣе іоштъ
удивленіе буде, да се Сілоанъ ни самому старому
Господину за толико година не изяви тко е. Нитъ
е когодъ нѣга ту у двору, одъ велике Господе, кои
бы кадкадъ тамо долазили, познати могао. Свакій
га е држао за странногъ изъ Оландіе чакъ Рітера,
когъ е старый посынію. А онъ е имао одъ свои до-
бара такове знатне сваке године приходе, да е се
могао сребромъ и златомъ засипати. Само е еданъ
нѣгомъ надъ добрама нѣговымъ врховный управитель
за нѣга знао, нѣвій Господинъ, кои му е нешто и
родъ быо. Овай му е потайно новце и рачуне пре-
давао. Сілоанъ е више пути преко године и на
своя добра съ дѣцомъ своіомъ одлазіо, но тако, да
се у оно време нико тамо одъ странны не бы на-
шао.

У овомъ тіомъ, здоровомъ и пріятностій про-
стога Естества пуномъ мѣсту годину по годину Сі-
лоанове ѣери приспѣду веѣъ и у онай возрастъ свой,
у комъ природа све прелести свое на нѣима одкри-
вати почне. Милена садъ ступи на петнаесто свое
пролѣће, а Софія свршиваше шестнайсту. Обе кра-

БИБЛИОТЕКА
СВЯТЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПЕРВОПЕЧАТНИКОВЪ
САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ

сне, стаса танка и висока; обе нѣжне, витке, и у движенію лаке и окретне, као да су у едно пролѣће и у еданъ данъ одъ ютра само до подне нарасле. На нѣови бѣли и ружичны образы волшебне имъ се разливау приятности. Умилный и пунъ незлобія погледъ нѣовъ, любезный и душепріятный очай, на ангелскомъ лицу нѣовъ стидъ, као вещественни знацы благоизображена срдца и лѣно устроене словесне душе нѣове, свакогъ бы силно поражавали. Не бы заръ тога Ироя было, кога оне небы илѣнникомъ своимъ учиниле. Оне су садъ као две майске ружице дворъ отца свогъ старогъ и Сілоановъ дично красиле. Но премда Софіа по себи на само совершене красоте бияше; то оцетъ у сравненію съ Миленомъ — Царскимъ дететомъ — далеко одъ ове одстояше. Ова къ совршеной красоти своіой и душевне даре много совршеніе имаше. Срнце е благодушного Сілоана на нѣой тако почивало, да онъ садъ данъ и ноѣ ни о чемъ другомъ мыслити нѣ више могао, но како ѣе ю іоштъ и на престолъ узвести. Онъ колико бы ю годъ душомъ умилѣнъ къ отеческому своему срдцу пригрліо, свагда бы му се очи одъ радости наводниле и узданувши погледао бы на небо, и рекао: ахъ Боже! иста мати. И она незнаюѣи за свое Родителъ, нѣга е синовнѣ и найнѣжнѣ любила. Онъ е нѣи кадшто водио съ воспитателницомъ у гдѣкои градъ, но у царствующій іоштъ нигда: нити е нѣи безъ себе и найманъ кудъ одпустити могао. Оне су обадве, кромъ женски полова, и одъ сваке науке свободне, кое су се и за красный полъ нуждне быти видиле, совершенно зна-

ле. Съ томъ само разликѣмъ, што въ Милену и у правама народа и графински закона повседневно учю, кое за Софію потребно нѣе было. И немогаше се довольно начудити быстроти ума и понятію, памятствованію и зрелому разсудку свое Милене. Онъ предузме веѣъ и планъ и измишлявати почне начине, како би онъ садъ поступити могао, да Милену, као наслѣдну крвѣ царску, на престолу видити може. И то тако тайно онъ чиняше, да никому на свѣту одкрити не усудисе. Но како ће га овдѣ мавновеніемъ Божиимъ среѣна садъ да предвари, и савъ нѣговъ о томъ планъ сруши и уничтожи, и пречиму путъ до благородногъ намѣренія нѣговогъ доѣти, судба открие и покаже. Судба е заръ и сама хотѣла любезну нѣгову Милену и на нѣку пробу садъ метути кое ће Сілоану сила бриге проузроковати, као да би тела насъ уверити, да се до великогъ чега доѣти неможе, докле се што човекъ мало не пропати.

У еданъ прекраснѣи мѣсеца Мая данъ изиѣхути намъ ове две више речене и граціамъ подобне дѣвице у великѣи свой вртъ, поредъ когъ и еданъ широкъ потокъ течаше. Ходаюѣи крозъ зеленѣи оваи исподъ двора вртъ, зауставе се при двема штатуама одъ бѣла мермера изсѣченима, кое е недавно Сілоанъ ту донети, и измеѣъ нѣки растова намѣстити дао. Една е одъ ови бѣла Іларіонова, а друга Миленина, но дѣвице то нису знале. Оне ту гледи каковѣи е дивнѣи то посао художника, да бы рекао човекъ, садъ ћеду обе проговорити, алъ чую на то едного славуя, гдѣ у зелено лишѣе сакривенъ

пріятнѣйшу мелодію пѣвати имъ почне. Узхите се на то ове гиздавице, и будући на полю се чуяше, отворе од оне стране врата на врту, и изиђу да га изъ ближе послушаю. Но гласъ имъ се на сирамъ нѣи преко воде чуяше; зато сѣдну ту на брегъ подъ едну Иву у ладъ, и слушаюћи съ удивленіемъ славуя, кога нигда у животу тако чуле нису, загледе се и у бистрый предъ собомъ потокъ, како имъ се златне рибице у води по песку играю, и како имъ шарене пастрме хитро се као стрѣлице измеђъ каменя ту утркую. На то славуи истый окрене садъ са свимъ другу мелодію, тако красну и умилну, да се ове одъ чуда укоче, и една на другу погледі! „Блго то можно рекне Милена, да една птица тако гласомъ извѣяти, и такове тріле правити зна? „Безсумнѣ рекне Софіа, тай е славуи кому изъ каквогъ кавеза излетіо, по своіой природи славуи тако пѣвати немогу, но штета што га баръ и видѣти неможемо. Сотимъ славуи мало приталожи се и дѣвице почну пѣвати; но текъ што оне прву строфу одпѣваю, зазира имъ на исту арію испреко потока флаута, на ономъ мѣсту гдѣ су найпре славуя чуле. И ова садъ такову пріятность одъ себе просипати почне, да би рекао сердце ње човека у сладчайшемъ чувству растопити. Дѣвице у восхищенію баце взоръ свой онамо, и чисто и не дисаюћи у себи, послушаю и гледе. Невидимый чародѣй свршивши на свою чудесну флауту отпѣвану ону строфу, престане дальъ свирати. Обе на то поћутивши предузму и другу строфу пѣвати, одъ кое текъ што имъ се послѣднѣи слогъ іоштъ изъ уста извѣяше, привати

имъ опетъ флаута. „Тко ће то быти за волю Божию“ рекну ове сгледајући се.

На то искочи имъ предъ очи изъ траве и иза листовны грана еданъ младићъ. Стане спрамъ њи на брегу држећи у руцы флауту, и умилно смѣшећи се на ове Нумфе младъ момчићъ одъ своихъ 17 лѣта и прекрасанъ како годъ Аполло, гледи ихъ. На њму баше одъ зелене кадифе доламица, съ узанымъ у наоколо златнимъ портомъ, ногавице енглеске одъ свиле зелене, бѣле чарапе, и сапоза са сребрнымъ копчама на ногу; пруслукъ црнъ и златомъ мало провезенъ, кой му на њгово голо, и бѣло као млеко грло весма лѣпо доликоваше; на гладки њгови и ружичны образы преливаше му се поразителна њвка любкость, смеѣа му коса лѣпо увитичена пала по рамены. Дѣвице садъ оба две установе видъ свой на њга. Ао дивна младића рекне Милена. Ты ли си намъ вели, онай славуѣ? ал' си му лѣпо подражавати знао.

Младићъ (неспокоянъ како бы имъ пришао) красне мое господичне! я бы желіо васъ и изъ ближе поздравити.

Софіа Ако насъ те чести удостоявашъ то може и быти.

Милена Но одъ кудъ ты такавъ младићъ самъ овдѣ?

Младићъ Зашто не, любезне; мени е овай предѣль познатъ као и вама. Я почесто овудъ излазимъ у ловъ. (со тимъ сагне се и дигне туль са стрѣлама) Я самъ васъ и више пута у врту имао

сређу видити, и каніо самъ се да васъ посѣтимъ, но као непознанъ нисамъ се могао усудити.

Милена Ал' гдѣ ты обитавашь любезный? Ёл' могуће да си чакъ изъ града?

Младићъ: а заръ нема овдѣ и ближнѣгъ мѣста одъ града? —

Милена: Та ты ниси селянинъ или отъ Пастыра. но господскій сынъ како видимъ.

Младићъ: Но зато опетъ я веђу часть године са селяны и просты пастыры у овомъ предѣлу проведемъ.

Милена! Вальда си іоштъ нашъ и сусѣдъ, а ниси намъ се дао досадъ ни познати.

Младићъ: Я самъ то желіо, но ніе могло быти, незнамъ како ће ми и ово проћи; одъ прилике све зависи!

Милена А отъ кога се тако боишь?

Младићъ одъ оногъ одъ кога зависимъ.

Милена Причекай мало ту, садъсмо мы доћи на едномъ чуну, да те превеземо.

Младићъ: (Поклонивши имъ се) я молимъ.

Ове отрче и ето ти ихъ предъ нѣга на чуну у кой га пусте, и пренесу у вртъ. Садъ ухвати му се една съ едне стране, а друга съ друге исподъ руке, и пођу се по врту у шальивомъ разговорѣ шетати. Воспитателница нѣова, коя е свагда на нѣи пазила, ово смотри, каже таки Сілоану, и овай заклонивсе мало при прозору гледаше на нѣи. Милена пуна радости сагне се и узбере еданъ карамфіль, кой младићу задене за прси, а одну му ружу да у руку, и тако стазомъ поведе га управо у дворъ.

Сілоану мило буде овај невиный са младићемъ по-ступакъ; изиђе предъ нѣи и у ходнику предсретне ихъ. Младићъ му се учтиво поклонни. „Ово е нашъ отаць“ рекне Милена. „А гдѣ вы наѣосте таквогъ младића? предвари Сілоанъ“ Немамъ срећу познавати! рекне младићу.

Младићъ: Срећа одъ мое стране Господине. Я самъ Іулій, Принць младый!

Сілоанъ: Принць? саданѣгъ княза сынъ?

Младићъ: На служби, я самъ нѣговъ сынъ! (дѣвице на то тргну се и гледе на младића.)

Сілоанъ: Ел' то могуће любезный! (узевши га за руку и поведе у собу) нисамъ се воистину ни то му данасъ надао. Драго ми е да имамъ честь васъ познати, кое самъ заиста и желіо. Но одкудъ тако сами?

Іуліи. Я самъ овдѣ съ моимъ воспитателѣмъ преко цѣлогъ лѣта у двору нашемъ, рѣдко у градъ одлазимъ.

Сілоанъ: А гдѣ е то любезный? Ел' то далеко?

Іуліи: Ето за овимъ брдомъ; нисте кадъ видѣли, у оной великой шуми поредъ воде нема полъ часа одавдѣ, дворъ великій бѣли се изъ далека.

Сілоанъ: О любезный! знамъ садъ, и нѣкій дань онудъ самъ прошао, но я нисамъ мысліо да е оно Дворъ Княжескій; тако мысмо сусѣди, вы намъ неѣете любовь отрећи и више путій насъ овдѣ посѣтити.

Младићъ: (поклонивши се) я бы то желіо Господине, него — едва самъ се и садъ учителю моему украсти могао, непушта ме сама никудъ.

Сілоанъ: Съ нѣмъ заедно любезный! зашто не? И онъ ѣе самъ искусити съ кимъ ѣе познанство учинити.

Младићъ: О Господине чуданъ е то мужъ! за найманъ што на мене подозрѣва; а никакова му повода на то не даемъ. Додворіо се кодъ могъ родителя тако, да му велико повѣреніе у свемъ даю, пакъ чини са мнома што хоће, и я морамъ да трпимъ.

Сілоанъ: Строгъ стараць?

Јули: Ніе старъ Господине, младъ е около свои 30 лѣта имао самъ я предъ нѣмъ едногъ старогъ, когъ я никадъ забравити небу; оно е было мужъ. Држао ме е строго и онъ, али паметно, и отечески самномъ поступао. Я самъ га се врло бо-яо, но при томъ любіо самъ га као Отца, ал' овога не могу да трпимъ.

Сілоанъ: Я бы га желіо познати!

Јулій: О Господине! немате кога познавати: опростите ми, мени е и самомъ жао, што морамъ о нѣму овако рећи. Но кадъ бы га познали, дали бы ми у пуной мери за право! Я ако што у мени добро имамъ, то ономъ покойномъ приписати могу, а овомъ ништа.

При овакомъ разговору, унесе Милена на едномъ великомъ служавнику *осладъ* (различне посла-стице) лепи помаранцій, и едну бутелу Кіпрскогъ віна. Понуде дакле госта, и сами седну съ нѣмъ. Сілоанъ младића добро узимаше на умъ. Изъ нѣгове паметне и пристойне беседе, позна у нѣму велик.й духъ, и најблагороднѣе срце, царске дарове

и сваку способность, за које му се преко мере допадне. Сілоанъ мало поседивши съ нѣма, устане и као младимъ уступи имъ другу собу, да се могу и слободнѣ разговарати. Ако Богъ благослови, рекне, ово е прекрасна прилика за мою Милену. Благъ и паметанъ младићъ види ми се, но гледа љу да му и ја нека начела јоштъ придодамъ.

На то младићъ устане и стане се съ девојчицама праштати да иде. Сілоанъ изиђе изъ себе „А што тако итите любезиый? рекне му. „Мо-рамъ Господине! одговори младићъ. „А вы насъ по-сѣтите и опетъ, дођите намъ чешће, нама ће драго быти: нек' не сумня Господинъ Префектъ, да ће вамъ посѣта ваша кодъ насъ каквый вредъ нанети: но јоштъ као младомъ на велику ће ползу саобра-штеніе ваше са мнома и съ моима служити. Мла-дићъ се препоручи и оде.

После неколико дана дође Јулій и опетъ; пре-поведи ту, како га е съ рѣчма за оно испрескакао, и најстрожіе му запретио, да се више нѣ усудио самъ кудъ изићи. А јоштъ вели кадъ бы знао, да самъ овде быо, где су девојке! — Онъ се садъ и несмеде дуго задржавати, поседи мало пакъ се о-прости и оде. Сілоанъ му рекне да онъ слободно каже кодъ кога е быо, и да га поздрави да и онъ дође. Но младићъ едно познајући високоуміе свогъ Префекта, да ій неће те чести ни удостоити, друго пакъ, кадбычъ видіо ту девојке, сасвимъ бы му забраніо такве посѣте, нѣ му хтео ни казати но после неколико дана опетъ се одъ нѣга украде, и упути се къ Сілоану.

Префектъ некако ово осети, пакъ све лагано, и нзорце за нѣмъ, да види кудъ му онъ тако отлази. Младићъ томе и ненадаюћи се, спусти се низъ брдашце. И смотривши девојчице у башти, радостанъ утрчи имъ, и поздравивши њу узме едну подъ едну, а другу подъ другу руку и почнесе съ нѣма шетати. Префектъ се прикраде къ вратма, и шмугне за едно зелено алее, и тако сакривенъ гледи њу, и слуша разговоръ а у себи се грызе и мысли, како ће га садъ споести. Они ово незнаюћи пођу у дворъ. Кадъ дођу къ вратма одъ баште, префектъ иза зелена листа гледи њу, удиви се красоти Милениной! и тако ова девојчица и нѣму сста на срдцу, да стави себи у главу то, да њу украде незнаюћи каквогъ е она лава кћи.

Пропустивши дакле ове младе да изиђу, постои мало, пакъ онда, као каква Фуріа, поити имъ у собу. Девојчице посадиле младића на едно свилено канапе, пакъ, селе поредъ њга и лепо га разговараю. Врата имъ одъ друге стране собе отворена бѣху, у којој Силоанъ седећи поредъ стола нешто читаше. Префектъ садъ рупи изненада у предню собу! Онъ одъ лютине девојке, као у нѣномъ дому, и не поздрави, но разрогачи очи на младића. „А! Ваша светлостъ! рече, тай ли е посао! лепо дружтво заиста за едного принца! — срамъ васъ буди! — Младићъ савъ порумени и устане. На то Силоанъ изъ друге собе „Господине вели, добро сте намъ дошли!

Префектъ (срдито) Господине! есу л' ваше ово кћери!

Сілоанъ : Мое любезный!

Префектъ : То ніе ни одъ васъ лепо !

Сілоанъ Молимъ незнамъ скимъ имамъ чест. —

Префектъ : (съ прстомъ на себе) съ воспитателѣмъ царскогъ сына, но шта снъ овде ради ?

Сілоанъ ; Господине ! умерите се и найпресе и вы о мени известите, и мыслимъ. —

Префектъ : Шта се имамъ о єдноме чиновнику надъ рудама извешћавати ?

Сілоанъ : Но вы се варате у томъ !

Префектъ : Да као шта сте вы, кои съ таквымъ уваженіемъ предусретавате єдногъ принцовогъ воспитателя ?

Сілоанъ : Господине опростите ми, мени се види, а и не варамъ се у томъ да сте вы незналица єданъ магарацъ, и да вы іошъ управъ и не знате шта є и манѣму коме, а камо ли царскомъ сыну воспитаніе !

Префектъ (лунивши ногомъ о сподъ) А коме ты то кажешъ !

Сілоанъ : Теби (ухвативши га широкомъ шакомъ за прси) Теби жабо єдна талианска ! кои и не знашъ съ кимъ говоришъ и да съ Енглезомъ имашъ посла ! (сотымъ отвори му врата) маршъ наполь, докле те нисамъ крозь прозоръ чакъ у онай потокъ баціо !

Префектъ (савъ побледи као кр'на) Добро кадъ є тако ; вы ћете упамтити зато (сотымъ дочепа ти намъ се степенa, пакъ ди ! —)

Сілоанъ : (Окрене се принцу) Мало сте ми любезный ! вели о нѣму казали, та ово є некій ма-

гарацъ ! о како ми е жао, да су вамъ се добрии родители у нѣму тако преварили ! Но уверени будите, да онъ неће дуго вамъ заповедати !

Принцъ : О Господине ! на што ће садъ изићи ? Онъ ће мене страшно отцу описати, и я ћу безсумнѣ и подъ затворъ доћи. Ал' и то не бранимъ, но боимъ се, да и вама што не шкоди !

Силоанъ : Онъ да мени шкоди ? Она шуга ! ја жалосна му майка ! само да ме зна косамъ, и у кога е кукавацъ дирнуо, та бы га тролѣтница ухватила ! Но прокопатићу я и оногъ пріятеља, кои га князу препоручіо. А што се тиче, да ће онъ васъ отцу зло описати, то вы и не мыслите о томъ, зашто ћу я таки князу да пишемъ, пакъ ћемо видиги хоћели се и найманъ фарба нѣгова кодъ вашій родителя пріймити. Вы ћете къ мени съ допущеніемъ родителя ваши одъ садъ увекъ долазити, нити ће бити одъ потребе оногъ грубіяна пытати. За то я вамъ добаръ стоимъ. Отацъ ће васъ позвати у градъ, но после малогъ времена опеть ће васъ овамо послати.

И тако разговоривши младића отпусти га и испрати до близу двора нѣговогъ, кои како се врати, седне и напише князу писмо, али и овде подъ другимъ именовъ, а не подъ своимъ. Кое кадъ прими князь и прочита, удиви се сили разума, што све укратко лаконически, и на самы сілогізмы, изражено у писму баше. Другій данъ прійми и одъ префекта писмо, пуно поруге и лажи на принца: Како се е онъ у познанство съ дѣвойкама унустио, како е се већъ залюбіо, како лудуе, и нѣму се непокоравя;

како вече, суши се, и у отчаянію уныва и тако да-
лъ. Кое князь прочитавши в знегодие, но опетъ
узме Сілоаново писмио, изъ сравненя съ овимъ,
утѣши се, неповѣруе ономе сасвимъ. „Могућно
рекне у себи, да е што и было, ерѣ е дете младо,
и садъ у ономъ цвету, кадь лако поклизнути може,
ал, вели, опетъ по писму овогъ господина, неће бити,
као што ми педагогъ пише.“ Саобшти онъ то и
своіой супруги, коя му рекне: „Я самъ вамъ вели
одма и казала, да е оно неки фантаста (за префекта)
ал' ме нисте послушали.“ Заклуче дакле садъ сы-
на съ префектомъ у градъ позвати, да се управо
сами о дѣлу осведоче. Пишу префекту да имъ сы-
на доведе. То буде. Виде здраво и весело; и уве-
ре се да ніе као што имъ е онай писао. Узму га
садъ као родители на само, да се известе, зашто
се префектъ на нѣга тужи. „Сыне! рекне му ота цѣ
мени се види, да теби воздухъ на полю болѣ прія,
него ли овде у граду, ерѣ здравіи садъ изгледашъ
и светліи на лицу, како се теби чини? гди волешъ
живити? Тамо или овде?

Сынъ: Мени е све едно, како вы за добро на-
ђете, я пристаемъ.

Отацъ: А у чемъ време проводишъ свакій данъ
имашъ ли какву забаву? да ти ніе досадно безъ
више дружства?

Сынъ! До подне учимъ еднако, а после подне
изиђемъ кудъ мало на коню, но и то ми се досади,
и важели ми се у лепомъ дружству бити.

Отаць: Та я чуюмъ сыне, да ты одлазишъ тамо кодъ неки девояка, пакъ и то безъ знаня твогъ учителя, кое намъ нѣ мило.

Сынъ: Быю самъ неколико путій отаць, но и то ми префектъ забранюе.

Мати: Ал' е сыне рано іоштъ за тебе, да се ты съ девойкама упознаешъ, ты си іошъ дете и младъ.

Сынъ: Могао е мой префектъ, што е хотео о мени за то писати, но я знамъ, да мое съ онаквима девойкама, а особито съ нѣовымъ отцемъ сообраштеніе, не само никаква вреда мени нанети неће, него іоштъ велику бы самъ ползу имати могао. Само кадъ бы сте отаць оногъ господина, и нѣгове кѣри познавали. Выше я любезный родители уважавамъ оно што ме е истый господинъ онай неколико путій посоветовао, него што ъу я и за целу годину одъ мога префекта чути, нити е онъ у станю мени онакве оракулове речи изговорити. То вамъ е отаць еданъ човекъ, да бы сте га вы за првогъ министра свогъ удостоити могли. И вы мени као младоме нећете моћи може быти веровати, да я више нѣга него девояка ради желіо самъ онамо отићи.

Отаць: То е добро! то ми е драго сыне, кадъ ты умешъ мудре мужеве тако уважавати. Ал' текъ да ниси самъ, и безъ знаня твогъ старіегъ, онамо ишао. Ёрѣ саобраштенѣ, съ краснымъ поломъ врло е деликатно о комъ ты іошъ искуства немашъ! Но при свемъ томъ мы тебы и то забранити нећемо, али съ префектомъ да одлазишъ.

Сынъ: О отаць! онъ тамо ићи неможе. Онъ се яко оноемъ господину замеріо.

Отаць: Добро дете мое! а ты изиђи мало, мы ћемо већъ видети, како ће то бити. (младићъ изиђе)
Садъ пошлю по префекта.

Князь: (Княгини) Мы ћемо морати овоме детету другога за учителя узети, човека зрелига. Но засадъ ћемо иј опетъ на полъ послати. И будући на детету видимъ, а и овај ми господинъ пише, да нје ништа, што е о нѣму овај писао, за то велимъ, да мы нѣму допустимо он-мо одлазити, и писаћу оноемъ господину, и препоручити дете, кое ће и онъ као паметанъ човекъ себи и за честь примати ово наше къ нѣму поверенъ.

Княгиня: Но добро бы было и тога мужа познати.

Князь: То е најлакше! изађимо еданъ путъ и сами на полъ, пакъ ћемо га дати зовнути; и искусимъ ли да е човекъ, као што изъ писма нѣгова видимъ и одъ детета чуемъ, за воспитаніе способанъ; то ћу га предати нѣму. Онъ е кажу изъ Оландіе Ритеръ некій и како чуемъ сродникъ оное староме надъ рудокопјами префекту.

На то уђе имъ педагогъ „Господине! рекне му князь, вы сте мало у нашемъ сыну преварени! Мы у овомъ детету не налазимо ништа одъ онога, што сте намъ писали! Дете намъ е хвала Богу здраво, весело и бодро. Види намъ се, да се нѣгове невиности никакавъ порокъ и вредъ коснуо нје, а вы намъ онако за нѣга пишете! Вы сте морали у ружномъ расположенію бити, кадъ сте намъ ово писали!

Княгиня на то: како баръ призьрѣнія на Родительско сердце имали нисте? Мы смо се были яко за нѣга ушлашили.“ „Ваша Величества! (проговори Префектъ) имайте милость! та ѣ моя ревность, младога Принца и одъ найманѣ погрешке предохранити, мене мало изъ предѣла изхитила, то и самъ признаемъ: я самъ нѣму и онако сила строгъ быо, но кадъ самъ га увребао, да онъ кодъ оны девояка потайно и безъ мене одлази, тако ми се то сердца коснуло, помисливши каква зла слѣдства одъ овудъ могу быти, да се нисамъ задржати могао, и оному Господину зато яко пребацити. за кое му се я и замѣримъ, но и онъ ѣ мене, —

Князь: Ружно сте вы съ нѣмъ поступили! пристойнимъ начиномъ требало ѣ младиѣу у трагъ уѣи; но вы немате стрпленя, кое се годъ едногъ наставника при младежи нужно изыскуе: ал' веѣъ засадъ што ѣ ту ѣ: вы ѣетесе съ младиѣемъ опетъ онамо вратити, и мы нѣму допуштамо, да онъ може свагда къ ономъ Господину одлазити, было съ вама было и безъ васъ. Оно ѣ една честна куѣа и онай ѣ Господинъ еданъ изредный човекъ кога вы нисте умели познати! паметна една и врло будна глава, съ коимъ ѣу заиста и я самъ познанство учинити: зато я се ни мало не боимъ а да ѣе мой сынъ у честномъ съ нѣговима кѣрма обхоѣеню поклизнути моѣи, зашто ѣ и дете добро. Вы сте ѣоштъ человекъ новъ и дете наше непознаете, а оно има прекрасне у моралу основе: покойный ѣ нѣга врло лепо воспитао тако, да мы одъ васъ више садъ и незахтевамо, што се исправленія у благонара-

вію каса, но само то, као што емо вамъ и говори-
ли, да га поле предохранявате, да намъ онъ при-
ономъ моралу, коимъ в досадъ заповнъ, заостане и
да га у взыцы, яшеню и у оружю поучавате: къ
томе да съ нѣмъ разне исторіе, землѣописанія,
права и законе граѣанске прочитавате, и на паметъ
му приводите она, која в онъ веѣкъ слушао. Дете
понятіе има врло добро. А што се тиче нѣговогъ
къ вама повинованія, онъ ће вамъ покоранъ быти,
еръ мы нѣму образа недамо: но и вы гледайте, да
тако съ нѣмъ поступате, да се дете васъ и бои,
а притомъ да васъ и радъ има. И овако далѣ
Князь Префекту правила изговори и одпусти га.

После неколико дана оправи Князь сына съ
Префектомъ опетъ на полъ, заедно съ поручител-
нымъ на Рігера писмомъ. Младићъ весео едва че-
на тамо да оде. Но Префекту врло то противно буде,
онъ се грызаше у себи кадъ му младићъ безъ нѣ-
га онамо оде и писмо преда; и потомъ свакій гото-
во данъ стане онамо одлазити. Префектъ садъ и
самъ желяше са Сілоаномъ у познанство доћи, но
гордость му не допусти, да му се покори, и за о-
проштеніе замоли. Оаъ тужаше сила за Миленомъ,
и садъ му на веѣу жалость буде да ю нигди види-
ти немогаше, осимъ што би се кадшто прикрао къ
башти, и сакривенъ крозъ зелена дрва извиривао
бы у башту, да ю види. И кадъ бы ю годъ съ
младимъ Принцемъ исподъ руке по башти шетати
се угледао, свагда би уздануо, и одъ муке ладанъ
бы га аной чисто пробіо. Оаъ бы се заръ и сто
путій одважіо; да зажмури и управо Сілоану оде,

пакъ да клекне предъ нѣга и замоли га за опрощенѣ; но свагда бы га мысао узбила, што ни сотимъ ништа успео не бы: „Ко самъ я,“ рекне у себи, а ко е Принцъ! Брѣ онъ онако младъ као капля, и лепъ као анѣо, а я гледаюћи себе на огледалу, ахъ ни погледа ме свога она, срдцу моме обожаема, не би удостоила. Црнпурастъ, богинявъ, преко 30 година, пакъ јоштъ наполакъ и ћелавъ! — Ахъ! болъ да нисамъ живъ! — Нема ту ништа (продужи у себи) нема мени друге помоћи, но да еданъ путъ зажмуримъ и оддамъ се сленой срећи, пакъ кудъ пукло, да пукло!“ — и тако заслепльнъ страстѣу науми, што науми. —

Јулій истина виѣаше га у великой промени и невесео неможе да еде, слабо спава, и све се губи и вене; но не узме младићъ на умъ шта нѣга тако подгризава. Нѣга бедногъ јоштъ и то мучаше. и ~~немогаше~~ и немогаше се доволно начудити младићу, како се любовь и смртоносна стрела нѣна и нѣговогъ срца некосне, нека бы и онъ баръ познао. што е зло на свету, и некъ бы су му родители паметни искусили, на какву су погибелъ сыну сво-ме допустили, да се съ девојкама дружи. Али узалудъ онъ то желаше, ерѣ младићъ непоколебимъ, при својой честной и непорочној нарави заостане: бодаръ свагда и весео и вратио бы се одъ девојка. Шта више, примети на нѣму, да онъ данъ на данъ разумни и савршени и у душевныма качествама быти виѣаше се, кое овај залюбльный будала завидльивымъ окомъ на нѣму сматраше.

И премда Сілоанъ свое любезне кѣри, као што выше рекосмо, нигда саме безъ себе, готово ни съ воспитателькомъ на страну кудъ не одпушташе; и опетъ се садъ онъ превари. Нить се заръ и могло мимоићи оно, што в судбина заключила была. Ёръ едно ютро у младу неделю, обуку намъ се льпо, и наките исте девойке, пакъ отиђу Сілоану у собу и стану га молити, да ѿ одведе у цркву, — манастыръ некій (млада в будући недѣля). Манастыръ истый на по другогъ саата одъ двора нѣговогъ одстояше, — но Сілоану тай истый данъ дошао бѣше надзиратель нѣговъ добара. старый онай сродникъ нѣговъ, кои му многе новце, и рачуне годишнѣ донео бѣше; не имаде времена съ нѣима у манастыръ ићи: принуђенъ дакле на велику молбу нѣову буде, да ѿ пошлѣ съ воспитателькомъ нѣовомъ саме. И тако даде 4 коня у каруце упрягнути. Воспитателька имъ бѣше тай данъ слаба нешто, да се едва и склони ићи. „Поздравиѣте ми рекне отаць, Юліа, ако буде у манастыръ дошао да сѣдне после службе съ вами на каруце, и дође намъ на ручакъ;“ будући да имъ неколико дана веѣ долазіо нѣе. но ако бы, придода онъ васъ у свой дворъ позвао да се нисте усудиле безъ мене тамо ићи, него да поитите на ручакъ кући. Девойке радостне што ѣду садъ и съ младымъ се принцомъ тамо видити, крену се съ Воспитателькомъ своіомъ и оду. Уђу у цркву, и жельно осмотрываху, хоѣду ли ту и принца видити; нема га! Смуте се мало но іоштъ у надежди да ѣ имъ доћи, и стану на светой служби. Служба се и сврши а

онъ не дође. Али јоштъ већма ѿ садъ смути, што
имъ воспитательку нѣову у цркви јоштъ люта гро-
зница увати, да су ю морали унети у собу, и скло-
нити ю у постелю, и тако садъ девојке принуђе-
не буду саме кући се вратити. Настоятель истина
салети ѿ молећи, да му ту на ручку остану, но кое
смео заповедъ онако строгогъ отца преступити! О-
просте се дакле и крену се безъ волѣ на путъ.
„Ал' нешто нисмо данасъ у младу неделю сретне,“
рекне Софіа; отацъ намъ неможе доћи, Юліа неза-
станемо а господя намъ се разболе, да се садъ са-
ме вратимо, и могуће е да ћемо и испсоване быти,
што смо госпою онако слабу у манастирѣ потруд-
диле, те намъ се разболе.“ Та боимъ се одговори
Милена да намъ се што и друго јоштъ недогоди
зашт' самъ поћасъ врло ружно снила.“ „Е да! заръ
и ты сну веруешъ?“ Та я сестро не бы рада въ-
ровати, ал' се човеку и у сну предскаже, што ће
му се на скоро сбыти.“ „А шта си снила?“ „На-
ћемсе одъ некудъ на едномъ високомъ брду, съ
кога самъ градове неке и млога лепа села на дале-
ко видити могла. На еданпутъ бацы се севка на
мене, дигнемъ очи, и видимъ выше мое главе вели-
когъ орла, кои бяхе разширио крыла своя, и на
нѣима трептећи мене осеняваше. На то слети ми
еданъ прекрасный голубъ, бео као снегъ, канорастъ
и клюнъ му и ноге као пурпуръ црвене; кои управъ
мени на раме падне. Я га уземъ миловати, ал'
еданъ гавранъ залети се са стране на нѣга, и у
истый ма затресе ми се брдо подѣ многъ, и я стрѣ-
мо склизнемъ низъ нѣга у дубоку едну долину, у

ИЗ КЪИГА
БРАТѢ ЈОВАНОВИТА
У ПАНЧЕВУ.

коіой сила змія садъ видимъ. У страу ономъ ни на умъ не узмемъ кудъ ми се голубъ деде, но истый гавранъ слети за мною и у долину и съ великимъ устремленіемъ полети ми садъ у очи! я га рукомъ одбіямъ, ал' онъ еднако на мене, да ми очи извади. Почнемъ найпосле одъ нѣга и бегати, но онъ свудъ за мною! Мое неволъ, никако, да га се избавимъ! Међу тимъ и наоблачи се тако, да се чисто смркне, пакъ почну мунъ севати, громови пуцати! да одъ страа и онако бегаяћи посустанемъ, паднемъ на землю, и предамсе своіой судьбини! У крайнемъ томъ отчаянію дигнемъ очи на небо, (кое се с' едне стране и разведравати почело бѣше) и смотримъ опетъ оногъ орла, кои се као стрела съ висине на могъ гаврана залети, увати га у свой великій и погрблѣный клюнъ, пакъ га тресне о землю тако, да е одма мртавъ остао! Садъ и киша и оно севанъ и громови са свимъ престану, и огране ми прекрасно сунашце. Погледимъ за орломъ, кудъ се деде ал' онъ опетъ надъ онымъ истымъ брдомъ кликѣ и узвіясе па воздуху на крыли свои. На то излети му са стране изъ едногъ малогъ облачка и онай мой голубъ, кои му подъ десно крыло подлети. И у истый ма я се невидимомъ некомъ силомъ са земль уздигнемъ, и долетимъ на оно брдо. На кое како се спустимъ тргнемъ се и пробудим! — „Ю Милено да чудна сна!“ рекне Софія: теби ће се сестро нешто особито догодити, само да Богъ да, да на добро изиђе!

Текъ што оне овако у коли разговараюћий се изиђу на едно раскршће, ал' два црна арапина изкоче имъ изъ шевара на путь предъ конъ и увате

конѣ за узду: „стани!“ продерусе на кочіяща, а девойке пребледе. На то треій еданѣ отвори вратаоца и скочивши у каруце „Садѣ терай овамо, повиче и она двоица сврну конѣ съ правоѣ пута на другій, „шибай брже!“ придода другій, и кочіяща жицне по леѣи. Іао жалостной мени! (повиче Милена, почемѣ одѣ страа мало доѣе кѣ себи) шта ѣе то садѣ съ нама да буде!“ Добро! — одговори црна Арапина съ великомѣ носиномѣ, и у црно япунце завить, добро ѣе вели быги (увативши ю крогк о за руку) само ако мы паметне будете! Мы ако смо овако и црни придода, зато нисмо ѣаволи, но больи люди и одѣ васѣ белы. „Матіа за име Божіе! кудѣ мы идемо?“ — „Добро е Матіа на миру те конѣ терати, и власти се своіой непротивити.“ Ахѣ ядна Милена! жалостна сестро! на што ми данасѣ у цркву одосмо и ето на што ти се и санѣ сбы!“ Господине за Бога! шта сте наумили съ нама?“ „Ништа се небойте, мое е намереніе врло добро, само одѣ ваше волѣ зависи, да га и вы на свое добро употребите: терай само ты брже! —

Конѣи имѣ се у саму пену учине, и за два саата прејуре преко границе изишавши тако изѣ велики шума, спусте се на едну пространу поляну. Девойке еднако плачу, ядикую, моле га и Богомѣ заклиню, но Арапинѣ се смеши и на молбу нѣіову и непази. „Господине!“ повиче найисле кочіяшѣ, „имайте милостѣ“ вели, „да мало станемо, конѣи ѣе ови попадати, пакѣ кудсемо онда пристали!“ „А ты сави ій,“ рекне му, „съ пута да се мало стане и

конь оддану, пакъ ћемо опетъ поитити, да можемо за вида ту у едно село приспети.“

И тако свративши се съ друма, изпрегну конь и почне ій кочіяшъ провађати. Девойке извиђу изъ каруца, [и хоћаху се мало на страну удалъити, но Арапинъ Милену заустави, а Софию само одпусти, говорећи да ће и ню мало одпустити, но докле іой се сестра врати. Милена дакле постоявши на сунцу изгледаюћи на сестру врати се опетъ у каруца и наново брисне плакати, што ю садъ и сестра остави, некудъ побеже. Арапинъ пошлв садъ кочіяша да Софию тражи, и што брже съ нбомъ да поити. Стараць оде. Милена сирота плачући у мараму и невиди шта се овамо чини! Другій Арапинъ, као слуга првога, кои е острагу на каруцама стаяо, скочи и за тилый часъ конь упрегне, пакъ се посади на место кочіяшево и текъ што бичъ развие, да конь тера, скочи у каруце онай другій „Шибай!“ повиче француски на новогъ кочіяша, потеряй што игда брже можешъ, ма и сва четири мртви пали, нестое ме ништа! — Милена на то брисне: „Софию жалостна! Софию сестро! изгледаюћи изъ батара на прозоръ одъ свое стране, іоштъ невиди ко е садъ поредъ нъ посадіо се. „За име Христово господине!“ — окренувши се на овогъ пашажера, повиче и чисто се окамени кадъ садъ види место првогъ Арапина, принцевогъ префекта! „Ахъ сладкій господине! вы сте? Јо шта е одъ мене!“ — одъ чуда чисто занета, садъ на нъга садъ на прозоръ изгледаше, кудъ іой се Арапинъ онай дену, еръ іоштъ она несећаше се, да е истый Префектъ

у Арапина се было претворио, нити види да в кочи-
яшъ другій, но повиче на нѣга; „Стани ты несрет-
ный човече съ тыма коньма! Заръ ми ниси сестру
и ашао.“ На кое префектъ продере се: „Терай ты,
Неслушай ню!“ „Яо Матиа за име Божие, заштъ
ми сестру остави! Яо жалоста іой майка нѣна,
шта ће она садъ чинити у овой пустиньѣ сама, та
ню ѣду ядну зверови разтргнути“ „Неће срце
мое, неће голубице моя мила! Матиа ће ню лепо
кући одвести!“ На то девойка баца очи на кочи-
яша и кадъ види да имъ садъ Арапинъ конъ тера
а Матию ни гласа ни трага, врисне сирота и почне
се немилостиво у прси грувати, да ю едва оваѣ
нитковъ одъ тога задржи. Она извири іошъ еданъ
путь изъ каруца и кадъ види Софію кукавну да
съ Матиомъ трчи за каруцама, и виче „Яо ево е,
вели, стани мало, стани окаменио се!“ — „Терай
болъ! повиче бесный Талианаць. На то девойку си-
роту садъ спопадне одъ тешке муке и зной! одъ
силногъ крмуканя већъ и премукве! ослаби и спу-
стивши очаятелну главу свою, поѣути мало, пакъ
опетъ као иза сна, и у нѣкой фантазиѣ прене и уз-
вери съ очима: „шта е то? „Есамъ ли я будна?
Есамъ ли жалостной мени и при себи? откуда ты
овде орятинѣ повиче на Префекта, и лупи га песни-
цомъ у раме! Ниси л' ты онаѣ Арапинъ было гро-
мови те Богъ дао изъ ведра неба били! Яднѣй сы-
не жалостна ти майка твоя, да знашъ чіеси девой-
ке украо! та ни у паклу се одъ нѣга нећешъ мо-
ѣи смирити. Юдо незаконный на нама ли освету
тражишъ, што те е за грубость твою онъ прво

онако изобличію.“ „Єдну мань! престани већъ! — Знай да си садъ у моіой власти! да ты више ни 300 онаковы гиганта садъ помоћи не могу! Но узми се на умъ, да ме само изъ мое флегме не изведешъ, у коіой ме іоштъ мало любовъ къ теби задржава, пакъ ћешъ ме познати на когъ си слабу руку твою дигла и на кога уста тако отвараешъ!“ О слото єдна и незакониче єданъ! мыслишь да ме со тымъ поплашишь? Ако ти є жалостна судба моя животъ мой у власть и предала, душу ми заиста, теби предати не могла. Єръ животъ мой на часть ти, а одъ душе ми господаръ ниси! за честь животъ я самъ готова жертвотати, но опомени се несрећный да има Богъ надъ нама испредъ когъ се ништа сакрыти и утаити не да! избацы ты тога изъ главе црва да ћешъ ты мене игда облюбити моћи,“ Но неверуемъ одговори онъ,“ да ће и онай, на кога ты мыслишь, тебе облюбити! На ову речъ девойку на ново сузе полию. Она спусти очи, уздане и ућути.

Сунце већъ и на западъ по превали, сѣнку имъ одъ предмета далеко бацати почне! Приближенъ ноћи већма имъ и већма съ южногъ мора топлоту дана умальиваше, воздухъ имъ истанчаваше. На єданъ путь никне имъ єдна гора предъ очи, исподъ кое забели имъ се и некій дворъ, кога положеніє сила подобно положенію двора Силоановогъ баше: ово се Милени косне срца; она съ благоволеніємъ онамо гледећи уздане, и маломъ се некомъ надеждомъ поутъши, неће ли ю овай блудный сынъ у тай дворъ одвести, да бы могла ту коме

припасти и за избавление свое молити, особито што и мало едно сеоце ту исподъ двора, кадъ му се приближе угледа. И будући префектъ бяхе главу свою на угаль каруца наслонио, и мало закуняо, не узме дакле на умъ да се кочияшъ упутіо бяхе къ истоме двору, на кое пробудивши се повиче: „Кудъ ты терашъ? Нећемо заръ у Гуидорфъ?“ одговори кочияшъ. „Какъ бы смо мы у Гуидорфъ смели,“ рекне префектъ французски (мыслии да девойка не разуме) „кадъ ты знашъ“ вели „кое тамо! окрени! окрени конъ овамо, и узми на лево!“ И тако савію путь свой и по месечаны касно већъ приспеду у еданъ на друму великии гостилникъ. Ту се садъ сиђу и заишту себи собу. Милена се успротиви и нипошто нехте у одну собу са соимъ похитителюмъ. Онъ дакле да ю не увреди заиште садъ и другу собу, у кою се крозь прву пролазаше, и да ю увести тамо, а прву резадржи за себе. Она како уђе у свою собу тако и зу на врати превуче, затвори се и себе обезбеди. Префектъ то чувши полети на врата, моли ю да му отвори, заклинь іой се, да онъ неће унутра ући но само да іой се што за вечеру унесе, „Мени! твоя вечера не треба отлюде еданъ! повиче му она срдито крозь плачь, но остави ме“ вели баръ до сутра, да се на миру Богу помолимъ, и легнемъ спавати, я самъ сана. Префектъ на то: Е добро! некъ буде“ вели „и тако!“ со тымъ затвори іой собу и съ ключемъ. пакъ узме ключъ себи у цепъ и сиђесе у кафану съ кочияшемъ своимъ да вечера.

Милена садъ клекне на патосъ, кои іой месе-
чина осветлила беше, поліе се сузама, и съ дигну-
тима рукама цела два сата Богу се помоли, да бы
ю онъ, као едну невинну девойку садъ коимъ годъ
начиномъ одатле избавію. „Господи! повиче, ако е
ово вели „по твоимъ судбамъ на мене да овако садъ
страдамъ, попуштеніе, то благоволи пре да се и жи-
вота лишимъ, неголи до оно садъ изгубимъ, кое я
више и одъ живота могъ чествуемъ. — Ахъ! но
што я чинимъ? придода. „Та кадъ я у толико већъ
мою непорочность уважавамъ и ценимъ, да се за
ню и живота могъ лишити разрешавамъ, зашто не
бы я дрзнула, да баръ юначкій животъ мой, кадъ
е до тога већъ дошло изгубимъ!“ „Сотимъ скочи
на ноге отвори прозоръ и погледи доле. Съ гор-
нѣгъ ката будући, високо іой беше скочити. „Ако
то учинимъ,“ рекіе у себи, я самъ већъ прошла,
а може быти да судба моя и друго какво за мене
средство къ избавленію момъ садржава.“ Поѹти
дакле мало, пакъ опетъ погледи доле и скине съ
кревета великій еданъ чаршавъ, кое увіе као уже;
скине и свою велику мараму съ врата, и привсже
чаршаву. Іоштъ nebude доста, одпара дакле съ Іор-
гана и другій чаршавъ, и свое уже и съ нѣмъ на-
стави, пакъ еданъ край привезавши за ћерчиво одъ
прозора спусти гужву доле, коя іошъ повисоко одъ
землѣ допираше: но она се одважи низъ ню пола-
гано спузити. „Боже помози“ прекрсти се, и скочи
на прозоръ. Млада и лака придржи се за ћерчиво
и спусти ноге доле. Едномъ рукомъ држећи се
іоштъ ћерчива, а другомъ увати се за гужву. Садъ

одпусти и другу одъ ћерчива и счепати намъ се оберучке гужве: пакъ све лагацко спуштаюћи се, моли се Богу, да ю само ко неспази. Но глуво већъ доба, еданъ саатъ после поноћи, а у пустомъ ту на друму месту, нигди никога. Спузавши се до край гужве, погледи сирота доле, и види да е много више јоштъ него што јој се съ прозора учинило! Кадъ ал' иста гужва при првомъ чаршаву одреши се, и она пуфъ! на землю; заедно съ еднимъ у руци чаршавомъ и са својомъ марамомъ. Лака будући као перце ни мало се не убіе, скочи одма на ноге, мете свою мараму на вратъ, чаршавъ бацы, пакъ бѣжи! Куда њу садъ, но управо къ едной шуми, за којомъ е у вече Гујодорфскій дворъ онај видила. Кадъ већъ умакне у шуму заустави се мало, да оддане, и ту клекнувши на колѣна, дигне руке, и оддаде Богу благодареніе. Пакъ извади бритвицу, кою е изъ цепа, Матіе кочіяша заоставше хальне съ каруца јоштъ у вече извадила била и отсече себи еданъ одъ леске штанићъ, да јој се текъ нађе у руцы, ако бы одъ кудъ гди какво псето на ню насрнуло. Иде кукавица крозъ шуму и еднако се Богу моли. На еданпуть чуе петлове и одма угледа измеђъ брда едну цркву. Упути се дакле управо къ овой. Но докъ она тамо на најближе брдо изиђе, и село неко ту види, заплави и зора. Ово село беше мало, но куће прекрасне, у здравомъ и романтичномъ некомъ предѣлу, исподъ едне горе, на три само реда кућице се пружиле, но све еднаке и лепо обелѣне, да га милина беше видити. Оно одъ стране западне и сѣверне опасно горомъ

а одъ юга холмићи съ винограды; востоку пакъ прострете равнице, ово ледине за излазъ, по којма се беле овце свиленовуне, и млога говеда, а ово лепо урађене баште са шљивицы, и далъ после овы зелене се цветоносне ливаде, съ гдикомъ по нѣма растомъ, тако да се целый овай предѣлъ некой леной башти уподобляваше. „О какове прїятности (послы Милена) срећни ови жители овде уживаю! Сръ они одъ пространогъ света удалъни, у миру овде и тишини проводе дне свое!

Спустивши се у село, огране већъ и сунце. Гладна сирота и уморна; страомъ сила изслабљна, и целу ноћъ неспавала: већъ на ногу поклецаваше. Види едну кућу одъ други отмънїю и мало на страни одъ остали исподъ едногъ брдашца; повелика кућа и лепа. съ пространомъ и чистомъ авліомъ, но при земљи бїяше, около кое се вїнове лозе савиле обтерећене зрелымъ већъ плодомъ. Упутисе дакле садъ страдалница наша къ овой. Смотри газдарицу на средъ авліе, гди краве музе, и двое дечице чисте, и лепо обучене поредъ нѣ се играю. Жена ова средовна, но нуна и племенита нека персона быти виђаше се. Милена ю поздрави учтиво съ „добро ютро“, и маши їой се руцы. „Сладка мамице!“ заплакавши се рекне їой, „прїимите ме као едну сиротицу за неко баръ само време у службу! Вы имате ево малу децу, коя се чувати мораю, а я вамъ знамъ краве музти, и свакій посао, на што хоћете, можете ме употребити, бы љу вамъ десна рука у кући.“

Госпою превали очи свое на ню и на сладку ову съ поверенѣмъ сыновнымъ речъ: *Мамице!* дирне ю у сердце: и видеѣи ю красну као анѣлче, чисто се порази; гледи ю пристойно и обучену, но уросила се бяше, као да е воду газила. „А одкудъ си ты душо? и како е та среѣна съ тобомъ поступила, да ты сердце мое! тако лепа една и благородногъ вида девоика, принуѣена будешъ службу себи тражити?“

На то Милена: „Среѣна наша мамице, на земљи, зависи намъ одъ неизвестне судбине наше. Една наша у противномъ случаю утѣха бива, ако тврдо веруемо, да Богъ свевышній судбе наше располаже. Я самъ не далеко одавде (притворно рекне) съ едногъ стана; мои су родигельи пастыри были. кои су ми се лане преставили. Имамъ едногъ брата врло добра, но по несреѣи више за нѣга него за мене, ожени се пролегосъ, и намери се не како на пакостну неку жену, која ме не може да трпи; навали на мене са злымъ тако, да самъ юй се волела и уклонити, нежели да се зао животъ збогъ мене меѣъ нѣма уведе.“ „Дѣте мое мило!“ прехвати госпою, „ко бы игда на тебе гледиѣи и помислити могао, да си ты одъ просты пастыра роѣена: и те твое нѣжне руке нису голубице моя за нашу овде на селу радню, но да си гди у граду, кодъ велике господе, да се ко смилуе на тебе, и пріймите подъ свое: а овако какву ѣешъ среѣну, себи достойну, кодъ насъ у овомъ простомъ местанцу и добити? Найпоследокле ми доѣе мой Господаръ, говори ѣу му да те за време пріймимо и гледиимо гди да те кодъ наши добры пріятеля у граду

комъ намеетимо.“ На то дeзoйкa пoлюбилa ioй руку. „А eси ли глaднa дeтe мoв? „Зaпитa ю. „Бcамъ Бoг-мe мaмицe, тe кaкo!“ Гoспoя сaдъ увeдe ю у сoбу, и дaду ioй кoмaдъ кoлaчa и узвaрeнa млeкa, кoя кaкo пoв, oдмa кao дa сe тy рoдилa, стaнe пo сoби нaмeштaти. „Мaмицe,“ вeли, и глeдeћи нa вaшe сoбe, и oвo пoкyћствo нe бy вeрoвaлa, дa стe и вы сeлaни.“ „Тaкo e дeтe мoв и съ нaмa срeћa пoстyпилa, дa смo сaдъ и сeлaни, (уздaнyвши oдгoвoри гoспoя) нo блaгoдaримo Бoгy, штo смo и o-вaкo.

Нa тo дoђe и гaздa. „Eвo мyжe!“ рeкнe мy гaздaрицa, „кaквy смo кћeръ дoбили, кaмo срeћa,“ вeли, дa имaмo вeликoгъ сынa сaдъ. Прeпoвeди дaклe тy мyжy, кaкo e дoшлa и кaкo сe e лeпo зaмoлилa, дa ю пріймe: гoвoрeћи дa нe сaмo oкoлo дeцe, нo дa знa и крaвe мyзти, и свaкій пoсao y кyћи; и тaкo ю зaдржимъ. „Дoбрo си чинилa,“ oдгoвoри стaрый, „нo нeкъ нaмъ oнa нa дeцy пaзи, a зa другe пoслoвe нiе: сирoтa! глeдeћи ю, кaквe e яcнe дaрoвe и нa прoстo eднo дeтe прирoдa излилa! Бoгъ знa жeнo кaквy срeћy сyдбa нънa и зa ню зaдржaвa! Нo кaдъ си ю пріймилa бyди ioй мaти! стaрaћeмo сe зa ню, нa ю кoликo нaмъ бyдe мoгyћe, срeћнy учинимo.

Бдaнъ дaнъ дaклe пoрaни нaмъ Милeнa, и свeлaгaнo пo кyћи спрeми, и пoчисти, дoкъ ioй гoспoя ioштъ ни yстaлa нe бiяшe: oнa пoмyзe лeпo и крaвe, прeстaви млeкo къ вaтри, и лoнчићъ съ кaфoмъ, пaкъ узмe eдaнъ вeликій чaршaвъ и српъ y руку и изиђe пoдъ eднy шумицy, дa трaвe зa крaвe нa-

коси. Простре чаршавъ на землю и почне траву косити. На то искрсну іой изъ шуме некій господскій керови, одъ кои еданъ іой се залети за сукнѣицу и мало ю раздере. Она се окрене и истогъ кера лупи српомъ по глави. Керъ почне скичати бегаяћи у шуму. Господинъ *Орешъ* графъ и землѣдржаць изъ Гуідорфа, коме и ово сеоце Блумбергъ принадлежаше, на скикъ свога кера полети изъ шуме на девојку, да ю онако срдито за свое псето на смртъ избіе. „Ты си дакле бестіо една! мога кера онако ударила?“ продере се на девојку коя сагну-та скупляше траву у чаршавъ. На кое она тргне се и исправи; погледи на нѣга и сама срдита, и рекне му: „Опростите! вашъ е керъ мени раздерао сукню, и мал' ме ніе за ногу уео: я дакле у ономъ страу нисамъ имала кадъ и помислити чій е керъ; а кадъ е вашъ, а вы ми платите за мою сукню!“ Господинъ овај човекъ еданъ врло благочестивъ, около своихъ већъ 50. година, тронуть красотомъ девојке, чисто клоне: удивисе редкимъ нѣнимъ прелестима, и на еданпуть остави га сва лютость нѣгова; онъ се осмене садъ на ню, и приступивши іой ближе, рекне: „Е добро дете мое! а шта захтевашъ за твою штету?“ „То само да се на мене не срдите, да самъ вамъ се груба у томъ показала, што самъ вамъ кера ударила, зашто я знамъ, како то Господи пада.“ „Е! я се и несрдимъ мила моя голубице, я теби прашгамъ, ма да бы волео да си мене ѣушила, аль зато ништа, за уверитите, да се не срдимъ, даемъ ти еданъ полюбаць! хоѣаше ю полюбити, но она одскочи одъ нѣга.“ „Нико“ вели,

„мене у животу јоштъ одъ мужкихъ полюбіо ніе, окромъ мога отца, нећете дакле ни вы, и јоштъ да сте токикій Господинъ! Онъ ю итро некако увати, и преко волъ нѣне полюби ю, но сотымъ ю тако увреди, да га и љуши, пакъ се отргне мало одъ нѣга и почне га псовати: „Вы сте еданъ гробъ Господинъ,“ рекне му, „то се за васъ непристой“ и т. д. На кое онъ: „Да те полюбимъ,“ вели, „и јоштъ еданъ путъ, пакъ ме љуши и по другомъ образу.“ „Любите вы кога сте и досадъ любили, а самномъ немате ништа!“ Со тымъ увати краеве одъ чаршава, завеже ѿ пакъ му рекне: „Болъ дигните ми ову траву на леѣа него да ме полюбите!“ „Хоћу! зашто не?“ Дигне ѿ ѿ чаршавъ, когъ она напредъ привезавши: „Любимъ вамъ руку“ вели, „и прости теми.“ Со тымъ поити кући.

Графъ садъ пожуре се назорце за нѣомъ, да види гди ће му, и у кою кућу ући. Она спустивши се поредъ едне баште, уђе у авлію свои благодѣтеля. Госноя, јоште сасвимъ необучена, стояше на средъ авліе бацаюћи овасъ живини, „ао дете мое сладко! рекне ѿ ѿ, „та зашто си то чинила? ко тебе тера да ти толико радишь?“ „О мамице! алъ кадъ ми се мими радити!“ На то бацы траву и поздравивши ю съ „добро югро,“ полюби добру матеръ у руку.“ — О дете мое! и садъ да те е отаць видю, наао бы на мене, зашто те терамъ на те послове, а я сирота незнамъ кадъ си и устала.“

Графъ изпрекрайка на нѣи гледаюћи, ово чуе. Онъ хоћаше у авлію ући, но будући јоште ову кућу онъ непознаваше, а и поранно бјаше, одложи да-

кле на други путь. „Я се морамъ, рекне у себи, вративши се, „съ овима людма познати, и ово девойче мени за кѣрѣ одъ нѣи измолити: Само ако буду люди потребити, и узимаю више дечице, о каква бы то радость *Моюй* была! Ахъ! продужи у себи, коя ми е полза што толика добра имамъ, кадъ немамъ коме оставити. Мое бы се срце тако съ овомъ девойчицомъ утѣшило, као да самъ ю родію; а *моя* не бы іюй места знала наѣи. Како е то красно девойче, и како е наметно, као да е гди у двору воспитана: безъ сумнѣ мораю іюй родители особити неки люди быти, а я іюй іюштѣ и непознаемъ.“ Со тымъ онако урошенъ по лову идуѣи, приспѣ у дворъ свой, кои ту за еднимъ брдашцемъ на едно по саата одстояше; кадъ ступи у авлію свою застане госте свое, неке одъ стране гослоде, да суму текъ садъ поустаяли, и умиваху се на великомъ у авліи извору, кои видеѣи га, како се уросію бѣше, „а гле!“ рекну, нашъ господинъ и у лову веѣъ бѣю, а мы текъ садъ усгали!“ „Бѣю богме (одговори смешеѣи имъ се онъ) іюштѣ и ѣушку добію, но таки да се вели, съ чимъ приватимо, я самъ гладанъ.“ „А есте л' намъ што уловити могли?“ „та кажемъ шта самъ уловію, едну ѣушку.“ Со тымъ уѣе у себе, и одма имъ се унесе *закусъ*, скупе се сви и окруже столъ. Онъ после великогъ умора гладанъ; нахлописе на ело, слабосе съ осталима у разговоръ и пушташе; кои кадъ се мало засити, смешеѣи се мане главомъ: „О чуда“ вели, „люди! Гди ме нико у момъ животу нѣе ѣушію, а данасъ ме едно девойче ѣуши!“ — Ови на то сви у смей. „Та шта

е то было Господине? зпнѣтаю га остали, вы нешто и отоичъ рекосте, да сте добыли ѣушку! шта вы подъ тымъ разумевате?“ „Га кажемъ, управо ѣушку, шта бы друго подразумевао, девойче едно коси траву, и мой керъ залети се на ню, увати іой край сукнѣ и раздере, а она не буде леня, могъ кера нуфъ српомъ! Керъ цикне и потрчи къ мени; я погледимъ и видимъ просто девойче, гди купи у еданъ чаршавъ траву, разпалимъ се дакле одъ лю- тине полетимъ іой, да ю штапомъ по по главе лупимъ: „Ты си новичемъ, бестіо една, могъ кера ударила!“ Она се на то исправи, о брате! у момъ животу я те леноте нисамъ видио! Та анѣо небесный неможе лепшій бити; я вамъ ю описати немо- гу, докле ю сами неби видели! то е чудо одъ дете- та, младо као капля, незнамъ имали више одъ 14 година: како ме погледа, на еданпуть ми срдце о- бузе, и я одъ риса постанемъ ягнѣ, и нѣнѣ обожа- тель! Ту я после гекелико рѣчій съ нѣомъ, и- скусимъ, да іой и душевна качества одговараю у нуной мери телесной нѣной красоти: „Јо Боже!“ рекнемъ у себи, „зашъ ми ниси, или овакову кѣрѣ дао, или сына, да ми снаа буде, да ми дворъ мой као майека ружица краси и да се съ нѣомъ дичимъ и поносимъ; одданъ душомъ къ нѣой, тедо да ю полюбимъ, — но чимъ то преваромъ учинимъ, ѣуши ме. Дигнемъ іой траву на леѣа и одпустимъ ю. Она поити низъ брдашце куѣи, а я изъ любопитства на зорце за нѣомъ, само да видимъ, гди ѣе уѣи, одъ чуда да ю и ви можете изиѣи видити.“ Заклю-

че дакле садъ да после ручка сви изиђу, и о нъой се осведоче.

И тако после подне, кадъ залади, заузме се господинъ графъ са своимъ дружествомъ лагано, и пешке у Блумталъ. Кадъ су приспели тамо прво имъ у очи падне башта Хелдманна (газде Милениногъ), у комъ садъ и девојку смотре исту гди зеленъ заливаше. Приближе се дакле ови къ плоту, гледе ю; но она се сагнула бјаше, не могу да ю съ лица виде. Она еднако плевећи нешто, неће да имъ се исправи. Графъ узме грудвицу землѣ и баџи преко плота предъ ню, она се на то исправи. Уморена убрише лице одъ зноя и сотымъ му бѣлю яенссть даде. Гледи одкудъ юй се та грудва баџи, но ове иза плота невиди. „Но?“ рекне графъ, како вамъ се види ова девојчица?“ „О Господине!“ у узхићеню одговоре ови, „алъ е то лепо! ималисте зайста шта похвалити.“ „Я вамъ кажемъ,“ придода Графъ, „но айдемо у нутра, ако ми поклоне за кћеръ, таки ћу ю наслѣдницомъ свию мои добара учинити.“

Сотымъ уђу у авлію. „О, о!“ рекну ови графу, „та ово е неки господинъ! гледайте му кућу и намештае, ние то господине, простый землѣдѣлаць.“ На то изиђе намъ госпоя, нешто по просто истина, но чино и врло пристейно, лепо и у црно обучена, коя съ поздравомъ садъ предвари господу: „Службеница понизна вашимъ благородіяма (съ приклоніемъ колѣна реѣне имъ) одъ кудъ намъ та срећа да тако насъ милостивый графъ свое посѣте да насъ удостои, пакъ юштѣ съ каквомъ свитомъ!“

„Добра домаћице (привати Графъ) јоштъ кадъ бы знали съ каковимъ я благоволеніемъ данасъ првый путъ у вашу кућу ступамъ!“ „За особиту милость господине Графе, и за велику срећу то примамо,“ одговори она, и со тымъ поведе ѿ у себе. Чимъ они къ вратма, на сали се двокрилна врата отворе, и служитель льпо обученъ и чистъ стави се готовъ на службу. Госпоя на овогъ садъ окомъ, и онъ истрчи наполь. Она повуче свилене завѣсе съ едногъ прозора на страну и понудивши госте да седну, после малогъ съ нѣма разговора истрчи и сама мало наполь. Гости се садъ згледе, „ао пріятне куће и наметне жене ове!“ рекне еданъ. „У овако простомъ месту заиста зачудо ми е придода другій; еръ савъ нѣнъ разговоръ, и начинъ любезно другогъ предусрести, не само грађански е но управо дворскій!“ „А я, гледайте!“ рекне Графъ, „ове люде до данасъ јоштъ ни самъ ни познавао: любопитанъ самъ и мужа ѿ ѿ видити, какавъ онъ мора бити, кадъ му е овака жена.“ „Може бити да е онъ и простъ човекъ, коме е у срећу пала таква жена.“

На то отворе се врата и газдарица пропустивши мужа свогъ у собу. „Ово е мой супругъ!“ рекне, „когъ имамъ честь вашимъ благородіяма представити! — Плавъ човекъ среднѣгъ стаса; подуги образа и висока чела, на лицу невиђаше се толико да е старъ, но коса му чисто бела: онъ беше лепо обученъ, но све црно на нѣму. „Радуемъ се вашимъ долазку!“ учтиво свима клаяјући се, рекне Господи, и благородіямъ вашимъ благодаримъ па

милостивой овой посѣти, съ коіомъ сте насъ, као изненада и застидили, особито милостивый Графъ, когъ е доброта мене у томъ предвзрила; я самъ истина неколико путій у дворъ и ишао, но никако нисамъ быо среѣанъ, мое подвореніе имъ учинити, за кое молимъ,“ — „Жао ми е, привативши речъ, рекне Графъ, жао ми е, да се тако случайно заръ догодило, но унапредакъ желимъ Господине и суседе мой! съ вама се познати.“ Сотимъ представи му и осталу ту Господу поименце, кое старый учтиво свакогъ предусретне, и понуди ѿ да седну: „Было е време,“ настави старый беседу, „кадъ самъ и у светломъ овако кругу, и са знатнима лицама среѣне мое часове брояо, алъ — Богъ заръ самъ по неиспытанымъ судбама своимъ измени, и мою среѣу!“ — То рекавши появе му се две сузе изъ очію, онъ погледи у землю и мало заминльнъ похути. Остала Госнода погледе садъ на Графа, пакъ на нѣга; особитый некій и благородный видъ старога приведе ѿ све ту на позоръ. Любопытство нѣгово о овомъ старомъ, одъ кудъ е ту дошао, извѣстити се, нѣи узнемиравати почне; но млади будући уштимаваху се нѣга зашитати, него съ очима на Графа подпиряхусе. „Редко намъ е любезный Господине,“ придода Графъ, на земли среѣа наша безъ примесе какове, кадкадъ и туге.“ „Истина господине Графе!“ одговори старый, но и туге нису еднаке, неке намъ дужину времена умали, или и са свимъ ѿ уничтожи, неке пакъ узпротиве се нама и времену, и свакоме благу, коимъ бы се уштрбъ какавъ у среѣи нашей заменити могао.“ „Едно ми се

средство види," придода Графъ, „да ми Господине промену наше среће лакше, и безъ великогъ душе наше смућенія поднети можемо, ако смо таково свагда, као едно земальско и пропасти подчинѣно благо сматрали! Къ тому ако смо невинно што пострадали, то имамо невиностъ нашу за подкрѣпленъ утѣхе; ако ли смо одъ непријателя што претрпители, иль намъ се случайно какво зло догодило, оставимо тугу нашу на промысао Божій, кои съ нашомъ судьбомъ располаже. — „Мож' да вамъ е ко умрео? но зато видимъ да имате хвала Богу дечице и више! Ако ли сте у другомъ чему пострадали, я бы се радовао, кадъ бы ми прилику само на руку дали, да вамъ несрећу вашу побольшамъ, да вамъ у чем' хоћете, ако е само у моимъ силама помогнемъ. Наше е истина ново ово познанство, данасъ смо се првѣй путъ видели, но време ће вамъ само осведочити, колико самъ я добримъ людма, особито съ коима срећа у чемъ худо поступи, наклонить и сострадателанъ. — „Я вамъ светлый Графе! на такомъ толико благохотномъ туге мое участію, срдачно благодаримъ, но мени се више помоћи неможе! четрнаѣсть ће година већъ бити, одъ како е мене судба моя туги предала, одъ кое ме нико више осимъ една смртъ избавити може.

На то уведе имъ мати и Милену. Девойка у чисто бело обучена, као една Нѣмфа, стави се предъ господу. Нѣнъ пристойный съ виткимъ теломъ поклонъ; нѣнъ благоумилный погледъ; нѣна у паметномъ израженію съ чистимъ и яснымъ гласомъ бе-

седа све ту у узхићевъ приведе. „Мило мое дете!“ увативши ю графъ за руку проговори іой, „не бы те садъ ни познао, како си намъ се накитила; но кадъ ћемо по траву ићи?“ „Девойза на ову речъ порумени: „опростите ми,“ вели, „светли Графе! я нисамъ имала честь познавати.“ Графъ се почне смеяти: „елъ могуће,“ рекне домаћица, „да е ова ваша кћи?“ „Наша светлый графе, да како!“ одговори домаћица; „ето некъ вамъ каже и сама!“ Графъ садъ у шали преповеди, какву е то ютро катастрофу съ ньомъ имао, кое се свима даде у смей. Кажу после графу, да она ньима ніе рођена кћи, но да су ю пріймили као едну сироту, и возлюбилы ю тако, као свое рођено дете. „Любезны мой,“ рекне графъ, „кадъ сте се вы овогъ детета тако родительски пріймили, безъ сумнѣ ваша е желя, да ю и срећномъ учините; будући да я деце немамъ, нити ћу ій више и имати моћи, а добра, хвала Богу, я съ моіомъ супругомъ знатна имамъ: за то поклоните вы мени ню, да ю узмемъ подъ свое, и учинимъ ю по смрти моіой наслѣдницомъ надъ целымъ моимъ иманьмъ! Я самъ ю тако возлюбіо како самъ ю видіо, да ми оста на срдцу; кое вальда е и мановеніемъ Божіимъ, она такую срећу себи кодъ Бога заслужила: и я у момъ животу тако милосердна детета нисамъ видіо. Іоштѣ докле ю мол види, неће знати места іой наћи. Мы смо у намери были мужко какво детенце узети, но садъ водемъ ню као кћеръ имати, него ли каквогъ сына; кадъ имамъ я кћеръ, имаћу и сына, но у момъ добру, на страну ю недамъ.

На ове речи добра мати прене имилъна духомъ, и погледи на свогъ старогъ; старый се осмелне и двигне рамени: „Светлый графе!“ рекне, мы іой болю сређу желити неможемо! Богъ да вамъ ю благослови, да таку родителску вашу любовь она свагда себи задржи! „Мы ю любимо господине милостивый, придода мати, као наше собствено дете, и наша бы брига была, да ю и мы сређномъ учинимо! али любовь ю наша до такве сређе нигда довести не бы могла!“ Девойка баци на ню нѣжный погледъ и наводне іой се очи. Мати ю любезно загри: „кѣри моя,“ рекне іой, „овде се ради о твоіой сређи, но ты зато неѣшь престати и наша быти.“ Со тымъ уведе ю у другу собу, мало после оде имъ и старый, и тако ю склоне на то и доведу ю предъ графа. Она му се поклони. и маши му се къ руцы. Графъ ю милостиво као отаць садъ пригрливши полюби.

„Садъ любезни мои,“ рекне добрымъ родителма, „моя е воля, да іой дамъ найпре као моіой кѣри направити неколико парій лепи хальина; послађу крояча, да іой узме меру; кое кадъ буду готове, я ћу послати двоя каруца по ню на 6. коня, и мого секретара да іой хальине донесе. И тако да ми ю што лепше нажитите, пакъ да седнете съ ньомъ и са своіомъ фаміліомъ и да ми ю сами донесете; међу тымъ я ћу у двору момъ, да ю веђма усвоимъ, прогласити тако, да я на страни имамъ рођену кѣрь, по кою шилъмъ да ми ю доведу. Со тымъ ће ю,“ вели, и мои дворяни више уважавати и почитовати а друго добывамъ и у политичкомъ смыслу пуно

право мени, да туђе дете могу себи усвоити, и прилику може быти некима одузети, да у момъ благомъ овомъ намѣренію не помысли когодъ што и противно.“

После овогъ дакле условія добрый графъ врати се већъ съ мракомъ са своимъ дружствомъ у свой дворъ. Садъ преповеди своіой супруги, како іой е нашао кѣерьъ. Графица се томе радоваше. Сутра данъ рано пошлю крояча, те іой узме меру за хальине, пакъ истый данъ графица оде сама кроячемъ у градъ, и накупуе іой све што треба. За неделю дана хальине буду готове. Заповеди дакле графъ у двое каруца по 6. коня упрегнути, и пошлѣ по ню, кою кадъ доведу и графица ю лено обучену изъ каруца прійми, загрли ю съ матерньомъ милошћу, излюби ю као да ю е родила, и захвали своме супругу, као за еданъ найвећій даръ себи у животу. Све ту дворяне девойка ова садъ у узхищенъ красотомъ своіомъ доведе, свима остану срдца на нъой умилѣна: свакъ е ту желіо да му она што заповеди, или баръ што съ нъомъ проговори. Добра помайка нѣна и старый отаць згледавши сѣйность ту по двору, и видивши са каквымъ ю усрдіемъ графица предусрете, не могошесе задржати, да и сузу радостну изъ свои очію не пусте.

Али судба Миленина не допусти ни овымъ добрымъ людма, да се дуго съ нъомъ диче и веселе. Ёрь после краткогъ времена случи се да графу опетъ нови гости, странна века господа, и познати и непознати дођу. После обичногъ дакле съ нъима поздравленія графица изъ друге собе зовне Милену,

да и она госте исте поздрави, Девойка ушавши предъ честна ту лица, зарумени се на образы, и текъ што дужность свою благопристойнымъ начиномъ редомъ имъ чинити почне, паде іой еданъ у очи, одъ когъ тргнувши се: „Ахъ!“ повиче и дркѣ на ногу да падне, но мати ю превати! Она изванъ себе буде, и сва пребледи! Ово све садъ ту смути и у стра приведе, мати се и отаць збуне, и графіца: „Јо шта е дете наше мило! Милена кѣри наша любезна, шта те тако, жалостной мени, на еданъ ма посече?“ Со тымъ спусте ю онако обезнаѣну на постелю, поднесу іой оживлюѣе капль подъ носъ, благочестива мати не пропусти, и светомъ ю водичомъ умыти; и тако ю едва мало къ себи поврате Она отвори очи, исправи се мало, и рукомъ на остале, кои ю ту окружили бяху, даде знакъ да іой се мало одмакну. То буде, и она садъ на едногъ одъ странни, кои одъ други поудалѣнъ стоећи узверіо се бјаше, повиче: „О ты несреѣный! одъ кудъ да ми предъ очи и овде изиѣешъ? Ђдал' е мене судбина коначно осудила, да се я одъ тебе ни овде сакрѣти нисамъ могла?“ — На то графъ и сви остали удивесе, и укоче очи на овогъ. „Шта е казуй дете мое,“ повиче графіца. „Пытайте нѣга,“ одговори девойка, нек' вамъ онъ каже, крвникъ мой, што е быо самномъ науміо, да ме ніе самъ Богъ одъ нѣга избавіо, но чувайте, да не побегне, ено како се къ вратма приближава!“ На то еданъ одъ госпoде счепати намъ га за руку; „Стани!“ повиче му, „и одкудъ си ты? Казуй ко си и шта си хтео съ овымъ незлобнымъ анѣломъ? — На кое

онъ савъ пребледи: „Господо вели, „извините съ вашимъ великодушїемъ мое заблуженъ, мое безумїе, слабость мою! Я самъ Префектъ и воспитатель жалостный младогъ Принца Іуліа. Мене е страсть толико заслепила кадъ самъ я ову господичну првый путь видію, да самъ се одважію украсти ю! Друго некъ вамъ она сама каже. Любовь е къ ньой границу мени заиста положила была, преко кое я врећи и увредити ю нисамъ могао: само што самъ ю быю затворію, съ намеромъ да ю приморамъ и силомъ да за мене пође, но она савъ мой трудъ осуети, и гро ми се некако подкраде и побѣгне, нитъ самъ я мислю, да ћу ю садъ овде наћи.“ „Пфуй!“ повычу остали на нѣга, каквымъ си се дакле образомъ ты и могао съ нама здружити, срамъ да те буде! господинъ графъ! Опростите намъ, мы сами незнамо, како се онъ насъ прилени! Мы га и непознаемо! „О Милено дете мое!“ рекне графіца, „како е то было? Гди е онъ тебе нашао, и шта си претрпила одъ нѣга? Кажи сыне све како е было?“ На кое Милена садъ целу повесть свою изкаже, и сви се удиве, кадъ чуше, да е она кћи Рітера изъ Оландіе, кои садъ живи при рудокопїама кралѣвскимъ. Ово графіцу врло садъ ожалости. „Ахъ любезна кћери!“ загрливши девойку рекне, „мы смо у надежди нашой преварени! О да те нисмо баръ ни познали! „Рітерска кћи? згледаюћисе одговоре: „Познаете ли вы господине графе! тога Рітера?“ „Я га не познаемъ,“ одговори графъ: по имену кадъ дете рече, да е Сїлоана Едварда кћи, помислю самъ на оногъ славногъ Лорда Едварда, но онъ ніе изъ

Оландіе.“ Шта му дрго,“ рекну ови, вы извол’те за тако преступленъ овогъ господина у гвожђу на судъ оправити у градъ!“ „Имате л’ вы одъ княза писмо да сте одпуштени?“ „Я немамъ!“ „Да како?“ — Онъ слегнувши съ рамены: „Я самъ потайно отишао.“ „Съ тымъ горе садъ за тебе!“ повиче еданъ; „у гвожђе съ нымъ, пакъ у градъ!“ —

На то дође имъ и старый са своіомъ изъ Блумтала, по кое су одма послали были. „За Бога старый (предусретне га Графица) ель вамъ познато што, да е наша Милена кћи некогъ ритера изъ Оландіе кои се Едвардъ зове?“ Старый погледи замишльно! на девойку. „Изъ Оландіе! Едвардъ! А гди онъ обитава срце мое,“ запыта девойку; ты намъ ниси ништа о томъ казивала.“ „Онъ обитава при рудокопјама княжескимъ,“ одговори девойка. На овай одговоръ старый прене духомъ, и чисто се промене у лицу. „Дете мое! ель могуће да си ты кћи тога господина?“ „Есамъ отаць! о томъ нимадо не сумняйге, есамъ пишите му пакъ ће те видиги, да ће онъ таки по мене доћи; о како ће онъ вама за мене благодарити.“ Старый іой садъ приступи и увативши ю за руку почне ю рукомъ исподъ браде миловати, гледи на ню замишльнъ и на еданъ путь груну му сузе низъ лице: о свевышній! повиче, „ко судбе твое да постигне!“

При томъ искажу садъ повесть и старому за Префекта, како е съ Миленомъ поступио. кое старый саслушавши, разсрдисе, скочи на ноге и повиче: „Таки Господине графе! тога бездълника у гвожђе да дате метнути, пакъ да се у градъ по-

шлъ ! Онъ ће познати на што е кукавацъ дрзнуо и кога е увредіо.“ „То смо му већ пресудили.“ рекну други, и тоће садъ быти.“ Со тымъ даду префекта затворити, и пошлю по една кола, да га после подне носе у градъ.

Старый Нееманъ (тако се Миленинъ првый поочимъ зваше) узме графа за руку и пође съ нѣмъ у другу собу. „Господине“ рекне му, знате л' вы ко е тай ритеръ изъ Оландіе ? Ніе ми познать ! зашто ?“ „А нисте вы ово дана што чули изъ града ?“ „Я нисамъ ! А има што ново ?“ — Међ' нама само нек' остане, прочулосе за тогъ истогъ ритера, да е онъ Сілоанъ Едвардъ, лордъ онай и на гласу ритеръ, за когъ су были чули да е у Палестини погинуо. Онъ е живъ и безъ сумнѣ, то ће быти, за когъ дете намъ каже да іой е отаць. Но онъ нѣнъ отаць ніе, зашто се ніе ни женио, него е то дете покойногъ Іларіона княза, кое е онъ потайно некако добыо и воспитао. Одъ ономадъ су изишле и пашквиле неке изъ кои' се види, да се и велика партая родила, коя Едварда за княза жели ; будући да онъ одъ княжеске крви и произлази : али народъ се у томъ вара. Едвардъ се нигда тогъ примити неће, но по свой прилицы онъ жели ову исту девојку за младогъ принца Іуліа дати. Но то нико живый іоштъ незна, ниг' е ко могао ову тайну до данасъ постићи окромъ мене.“ На ксе графъ ! „господине ! шта вы то говорите, я се чисто плашимъ одъ такви речій, гди бы то было за волю Божію, и съ кимъ вы имате о таки послови коресподенціы , ко сте вы ?“

„Вы се ништа не бойте господине! доброће све и-
зићи, само кадъ е дете ово живо, о како ме е ово от-
кровеніе чисто садъ оживило, видели сте да се ни-
самъ ни одъ суза задржати могао, кадъ ми дете ка-
за, да е она кћи ритера изъ Оландіе; а я самъ
већъ извештенъ одъ ономадъ, да е подъ тымъ и-
меномъ истый ритеръ правый Едвардъ лордъ. Я
самъ князу ово дана писао, да се овъ ништа не
бои, да Едвардъ за себе ништа и немысли, но да
нѣговомъ сыну у свемъ ревнуе.“ „Али одкудъ вы
господине да пишете князу, и у каквомъ сте вы
отношенію съ нымъ? С' кимъ ли вы о такы
дѣлы тайну водите? мени е то за чудо, я садъ самъ
незнамъ шта ѣу о вама да мыслимъ! Вы као е-
данъ приватанъ човекъ!“ — Господине графе! Я
изъ могъ къ вама повереня неѣу се више предъ
вама ни таяти; еръ я самъ за ово мало време одъ
како самъ честь имао съ вама се познати, искусіо
ваше благородно срце: а друго, я више немамъ ни
нужде таяти се, нити самъ я и предъ тымъ у стро-
гомъ смыслу таку имати мого, зашт' самъ быо не-
винъ, кога да се боимъ; вы сте слушали за онога
несретнога Паулина Министра Іларіоновогъ, съ ко-
имъ е ишао ноѣу на воду и удавиосе?“ — „Но?
слушао самъ я то, пакъ шта е?“ „Я самъ Паулинъ!
кои самъ после несретногъ оногъ случая овамо
пребегао и за време претаямъ се на добрама
кодъ некога господина при мору, на едно два дана о-
давде. После некако прочуе се за мене, и князь
саянъи позове ме натрагъ, обеѣваюѣи ми да ѣе
ме опетъ на бивше мое достоинство поставити, да-

ће ме и онъ у оной истой благонаклоности имати, у којој самъ я и при Іларіону быо; да се я ништа не боимъ и т. д.

„Но я госсподине, одъ срамоте мое више се у дворъ вратити не мого, судећи, да бы ми како при князу добро было, опетъ я у ономъ благоволеню и у оной любви, кодъ дворяна быти не бы могао, у којој самъ пре быо. И тако я место да се на повивъ княза повратимъ, узмемъ жену и дѣцу, и потайно дођемъ овде у ваше село, купимъ себи ону кућицу, и мало нешто добра, да се имамъ око чега бавити и тако решимсе ту и мое кости оставити. Князу самъ я, као што пре реко писао, но онъ јошъ за мене незна, гдѣ се я наодимъ.“

При овой садъ беседи нѣговой уђе имъ слуга и яви Графу, да су кола, и люди на зактеванъ нѣгово по префекта дошли већъ, графъ садъ изиђе и види, и тако место да га после подне оправе, навали Паулинъ да га таки у градъ пошлю, и за нѣга ритеру одма яве. Мету га инди у твожђе и дигну на кола. Но тек' што се кола съ нѣмъ изъ авліе крену, ето ти имъ страного некога господина на коню управо къ двору, за коимъ иѣаше и еданъ служитель „ко ће намъ то садъ быти,“ рекне графъ, гледећи га съ остали ту изъ ходника. „Ко е годъ“ придода другій, позамашанъ се види.“ На то странный ступи у авлию. Ритерско на нѣму одело обрати свію вниматевый погледъ на себе. Конь жеравасть подъ нѣмъ као хала, рекао бы ни на землю нестает: потрясаюћи главомъ опрскуе белу пену, као грудве снега одъ јуста свои. Црни у юнака

бркови преко жаркасти образа спустили му се до рамена. Онъ сада смотривши ту префекта, стане предъ кола и громовито на кочіяша повиче: Стой ту и да се ниси мако! врата затвори“ викне на слугу и скочи съ коня на землю.

„Шта ће то садъ да буде?“ рекну господа, којой странный узтрчи узъ степене: Господо моя“ поклонивши имъ се, плаовито рекне, „кога имамъ честь овде као домаћина поздравити?“ — Честь и съ наше стране превати графъ, я самъ тай и добро сте намъ дошли!“ Сотымъ садъ отвори му, врата одъ сале. „О любезный господине! молимъ,“ вели, „пре неголи ћу ући, да ми оногъ бездѣльника! оногъ ниткова и беззаконика едногъ, ено што седи на колы, дате одма у гвожђе оковати, я имамъ съ нымъ посла! — „Та онъ е већъ у гвожђу? господине!“ одговоре му ови. „У гвожђу право! садъ ћемо се инди разговарати: ние л' и вама одкудъ стваръ позната (Но дайте га само овамо, я ћу нѣговъ судия быти; несретный человекъ шта е учинію, и на што е кукавацъ дрзнуо!“ На то садъ Милена изъ треће собе чувшый овай грамовитый, но за ню яко любезный гласъ, врисне и полети у салу: „О сладкій мой отаць!“ повиче, одкудъ вы овде? О Боже! паднувши со тымъ юнаку на прси обнезнани се мало. — Силоанъ садъ у усхићеню преврати очи свое на проче, пакъ на ню: „О милостива небеса! повиче, шта е ово, какве су судбе ваше, Милено дете мое мило! ель могуће то?“ Любеи ю рекне; Милено чедо мое сладко! вѣри и единче мое! одкудъ овде и овако изненада! — Ахъ

пригрлившн ю прснма своима, и самъ умукне. Сви ту бывши сцену ову гледи, у сладке се садъ про-лю сузе, и за неколко минутъ ни едно шго проговрнті немогаше. „О грозный човече, или шта више гадно едно на свету чудовище! (просне се Силоанъ на доведена ту пр-фекта) шта си учиніо? Шта си садъ заслужио несретный еданъ и блудный сыне!„ На кое речи овай садъ задркѣ и падне предъ Едварда на колена. „Ахъ водите га баръ; водите га испредъ мои очію,“ повиче великодушный ирой, „да ме несретникъ сасвимъ неизведе изъ сфере мое! ель и ово твоіомъ о свевышный Боже судбомъ? —

Девойка при томъ повративши се мало къ себи „Ахъ любезный отаць“ рекне „како бы я сладко овако на вашима прснма умрла: но шта бы за Бога одъ Софіе, есте л' и ню нашли?“ — Есамъ сыне! есамъ дете мое! она намъ е другій данъ таки здрава и на миру съ кочіяшемъ кући дошла. И како ми е жалостный дотаѣай вашъ исказала, одма самъ на коня сво, у потеру се кренуо, а ню самъ съ Іуліемъ кодъ куће плачућу оставіо. Я самъ се одма сетіо да е васъ тай несретникъ у виду онога арапина напао; но кажи ми срце мое, одкудъ ты овде, како си га се избавила, и коме я управо имамъ за избавленіе садъ твое благодарити? Девойка убрисавши очи одъ суза, повуче очи на стару и Паулина, пакъ на графа и графицу; но ови іой предваре речъ: „Богъ те е самъ“ рекну „любезно дете избавіо, и къ нама те уаутіо: но молимо господине! съ кимъ имамо честь познати се, и

ели ово права ваша кћи?“ „О любезни мои! рекне Едвардъ, загрливши графа, а за тымъ и старога, я вамъ благодаримъ! а особито благодаримъ вама любезне матере, у колико може родителско срдце за свое дете благодарити; она е моя по Божиємъ изволеню кћи, а я самъ вамъ еданъ човекъ, съ коимъ судба одъ више година већъ чудесну неку игра ролу, какву она може быти іоштъ ни съ кимъ іоштъ на свету заръ играла ніе. Шта е најпосле о мени заключила, незнамъ. Едно само да ми очима видити, пакъ после што му драго: я се зовемъ Силоанъ и ритеръ самъ. Но молимъ известате ме како е ово дете мое къ вама дошло, и гди онога уватисте?

На то садъ Милена прехвати речъ, и искаже целу повесть свою, како е одведена была; како е побегла, и најпре ту у Блумталъ дошла, съ намеромъ да се ту за неко време задржи, докле каквомъ приликомъ за себе нѣму не яви: за тымъ каже како ю е графъ истый къ себи приміо, и усвоио, и како е најпосле префектъ тай истый са друштвомъ ту изненада дошао, кога она изда да ю е было у краю и т. д.

Кою повесть Силоанъ саслушавши, разпалисе одъ лютине, скочи да онога бездѣльника свега на комаде исече, но сва ту господа, а особито девојка, едва га на моле, да му животъ опрости, и да га у градъ на судъ пошлю, кое и буде.

Графъ садъ, а много више графицы тешко падне, што се мораше съ Миленомъ разстати. При ручку толико се путій на ню као мати умилято

гледећи заплакала, говорећи іой: „любезно дете мое баръ да те нисамъ ни познала.“ Найпосле господа ту салете Силоана съ молбомъ, да ю остави, да онъ нъой на свету болю срећу наћи неће; да она сместа графицомъ, и наслѣдницомъ ту постае, а да зато она опетъ непрестаетъ и нъиовомъ кѣрю быти; да ће іой графъ, спрама свога иманя, одъ найзнаменитіе фамиліе сына за супруга довести и т. д. Графъ на ове речи ћутећи погледи на Паулина: овай се осмене и спусти очи предасе „Бл' могуће за волю Божию (запыта га опетъ лагано графъ) да е она княжеска кћи?“ — Я вамъ реко и чућете“ одговори Паулинъ.

Силоанъ при асталу често на Паулина погледаше, и понайвише съ нъимъ се разговараше. Онъ бы кадшто бацью очи свое и на стару нъгову, зашто су му обое у очи падали, као да бы ій кадгодъ познавао быо, но никако неможе да се опомене гди ій е видію. Онъ на молбу господа за Милену рекне: „Господо моя любезна? Я почитуемъ то ваше о моіой кѣри предложеніе, и я да самъ господину графу и госпои графицы за ону нъжну нъову и родительску къ моме детету любовь, одвећъ обвезанъ признаемъ, али нека ми опросте, еръ неможе стваръ любезни мои, ни коимъ начиномъ бити. Еръ судбина нъна прстъ е свой већъ пружила, и срдцу моме, да я то у дѣйствіе приведемъ, строго наложила, кое я мени за мою найсветію дужность почитуюћи настоимъ и испунити: али како ће ми се по жельи моіой то за рукомъ испасти, зависи одъ премысла съ выше! — Стваръ е ово одъ

велике важности. Судба нѣна срећу нѣну скопчава съ срећомъ обштомъ.

На ове речи Паулінъ дирне рукомъ Графа, кои до нѣга сеѣаше, и лагано рекнему: „Бсамъ ли вамъ казао, да е княжеска кѣи! и да онъ ню намерава за Юлія, младога Принца дати.

После ручка кадъ устану, узме Сілоанъ Графа мало на страну, и запита га за Паулина, ко е онъ? и одкуда е? „види ми се вели, тай човекъ познатъ, а и Госпоя нѣгова пада ми у очи, но немогу да се опоменемъ, гди самъ я те люде виѣао.“ На кое Графъ каже му садъ съ повереніемъ, да е то онай славный министеръ Паулінъ, бывшій любимацъ Іларіоновъ, за кога нисамъ и я приложи знао.“ Сілоанъ не мало удиви се, кадъ то чу, и врло му мило буде: „Познаемъ га рече, садъ врло добро; познаваосамъ га іоштъ и изъ дѣтинства мога, и мени ѣе жао бити, ако се несклони, да доѣе опетъ у дворъ: то е една глава Господине, да му се редко пара наѣи може, а къ томе онъ е найпоштени еданъ човекъ, кои бы заиста и іоштъ неколико година отечеству нашемъ на велику ползу быти могао. Я ѣу се нѣму настави Сілоанъ, явити, и казати му, да я нѣга познаемъ. Я садъ Господине, и тако имамъ некій особити посао, у комъ бы истый человекъ сила на руку быти могао; зато я ѣу нѣга садъ молити, да онъ самномъ иде, пакъ не свиди ли му се у двору заостати, я ѣу га дати опетъ овамо на мои каруца донети. Но я се садъ на васъ неѣу ништа позывати да сте вы мене о нѣму известили.“ Сотимъ врате се къ осталима.

Господине Любезный! (наслонивши руку Паулину на раме, рекне Сілоанъ) Вы мени нежете любовь одреѣи, да ме баръ доникле изпратите? Ако ли ме іоштъ и те чести удостоите, да самномъ и у мою куфу доѣте, быѣе ми особито драго.“ „Пакъ зашто не бы, придода Графъ, „ено некъ упрегну конъ у мое каруце, пакъ седните Господине и идите съ Господиномъ.“ Паулинъ слегне съ рамени, и погледи на Графа. Сілоанъ се сети зашто и узме старога мало на страну. „Любезный мой старый, рекне му, ніе ни чудо, што вы мене више не познаете, еръ я самъ онда дете іоштъ бы, но я васъ добро познаемъ, и познао самъ васъ, како самъ васъ видио, вы сте Господине Паулинъ министеръ! — 14 до 15 — година учинило е заиста и кодъ васъ промену, но онегъ не тако као у мени младомъ.“

На ово садъ Паулинъ загрли Сілаона, излюби га отечески, и заплаче се. „И я самъ васъ, рекне му, познао, едно што самъ за васъ я и разумео, гди се находите; дознао самъ, да е и ово дете князя Іларіона кодъ васъ, и да га вы у потаи воспитавате. О како ми е то и мило било чути; а друго Любезный мой! и те исте честне на вашемъ лицу черте, тако су наликъ съ чертама вашегъ родителя, да бы васъ свакій и по њима познати могао.“ „Драго ми е придода Сілоанъ, я вамъ имамъ Господине, рекне му, овде садъ и одну тайну одкрити, вато васъ особито и желимъ, да самномъ идете.“ „Я ѣу вамъ бити на служби одговори старый, и почитуемъ то ваше къ мени поверение.“ Сілоанъ га

садъ стисне за руку. „То ми е особито мило, рекне му, што сте ми се изјавили, и што самномъ по-лазите.“ И тако поврате се къ осталима. Префекта су већ у градъ оправили били, и на судъ писали да му се сатисфакція учини. Конњи упрегнути чекаю, а Графица у продуженю беседе Сілоановогъ съ Графомъ, и са осталима ту, немогаше се Милене доволно намиловати, она крозъ плачъ едва іој при разстанку и проговараше. Излюби ю нај-после и изгрли, као да ю е родила, молећи Сілоана да ій и онетъ скорымъ временемъ съ нѣомъ посѣти, и да на нѣи не заборави.

Сотымъ садъ и сви излюбивши се опросте се, и Ирой съ Миленомъ и Пауліномъ попевши се на кола отисну се на путъ. Милена се неколико путій натрагъ окрене, и видећи свое благодѣтельне пріятель, гди ю еднако съ очима прате, неможе се и сама задржати, да се на ново незаплаче, и на нѣи се необазре, докле годъ за едно брдо нису на колы замакли. Садъ наслони главу свою доброму отцу на преи, и онако после плача сладко заспи.

„Дѣте намъ заспа,“ рекне старый. „Заспа сирота, одговори Сілоанъ, милуюћи ю по образы, нека е овако мало, некъ намъ проспава, а мы ћемо предузети разговоръ, и то латински за наше само уво: Любезный Господине! съ колико ми е позната ваша добродѣтель, ваша благородна за отечество ревность, и она ваша искрена къ блаженочившимъ, Іларіону и Милени любовь отеческа, у толико више ласкамъ я срдцу моме, да ће те вы планъ мой и мое предузеће садъ мени одобрити. Вама е добро

по знато, какву и я у призренію напредке мог претензію на тронъ княжески имамъ! правилнію заиста неголи фамилія Іларіонова, и мене су многіи на то и подстрекавали, да я иштемъ, но я самъ изъ особите мое Іларіону любви, и то найвише збогъ Милене, нѣгове бивше супруге, изъ Палестине чакъ писао, и нѣга, и нѣгову фамилію, ако ю узима, на веки обезбедію, да се мене ни мало зато бояти немаю, ербо я самъ се заклео, да се я на веки жени-ти нећу, кадъ ми судьбина моя ніе допустила, да я ону мени за жену узмемъ, кою ми е сердце мое онако силно желило; на што ми дакле и тронъ, кадъ га не бы имао на комъ одъ мое фамиліе оставити, но да само после смрти мое нове распре, и нова о трону препирания и свађе буду. Али разумевши я) после, како е дворъ, можда и безъ знаня Княза съ овимъ дететомъ худо поступио, да повргнувши изъ Іларійнове руке скиптръ и вѣнаць на другу линію обратисе, тежко ми врло буде. Промисао дакле вечный, и Божіе правосудие саслушало е мое чувство, и ово дете као наслѣдну княжеску крвѣ чудеснымъ начиномъ мени преда, да ю я мѣсто нѣны родителя воспитаю, и отеческій о нѣой старанѣ предумемъ: да ю слѣдователно и на тронъ по-пнемъ, и у нѣой као последнѣмъ цвету помазане светымъ міромъ фамиліе опетъ племе нѣно наново воскреснемъ. Али недавно случай некій особитый одкріе ми, као да бы и сама судьбина тела, да и друга линіа равно участіе у достоинству има, кое ми и мило буде, да средствомъ брака обе линіе

саюзимо, и нову одсадъ за наслѣдну, ако Богъ благослови, линію произведемо.

„Князь садашній има прекрасногъ сына, младића одъ едно 17 до 18 година, у комъ я, познавши га, оне добродѣтели искусимъ, кое се нужно за владателя одногъ и изыскую. Онъ е имао пре овогъ, когъ у градъ оправисмо, дивногъ човека, зрела, и врло у воспитанію искусна, себи за воспитателя, но старъ будући умре, и одъ некудъ намери се князь на тогъ, кои бы га и покваріо быо, но случайно дође младый Принцъ мени, познасе дакле съ моимъ децомъ, (еръ іоштъ едно девойче имамо) и са мною. Онъ бацы око на мою Милену, и тако ю омилуе, да почеше долазити стане. Примѣтимъ я, да се и у овой започела любовь къ нѣму. Префектъ истый нѣг овъ то осети, и не будемо по вољи; заста не га съ моима девойкама кодъ мене у кући, и на грубъ ми се начинъ покаже: за кое я разсрдичсе, и изтерамъ га изъ куће, пакъ седнемъ и напишемъ писмо Князу, и као непознатъ израдимъ му приступъ къ мени; едно да младића боль іоштъ искусимъ, а друго да му и я нека правила у воспитанію придодамъ. И тако я съ нѣмъ за неколико месецій добро успемъ. Међу тымъ тай бездѣльникъ — Таліанацъ, шта ли е — занесе се преластима ове невиности тако, да ю украде, као што вамъ е познато. Садъ дакле я самъ у той намери, да идемо управо у летнѣ царске дворове, кои не далеко одъ мене одстою, гди ћемо застати и младогъ Принца, а малъ да не и самогъ Княза, зашто самъ преко неки мой пріятеля изъ двора то

вѣтъ наредію, да съ Княземъ ту изиѣу. И будући да самъ се я потайно прогласити дао, да самъ се изъ Палестине живъ вратио, а не као што су были чули, да самъ погинуо; тако Князь, како чуемъ уплаши се, да я съ моіомъ партаіомъ надъ нымъ не триумфірамъ, и сына му престола не лишимъ коме е онъ наумію, до кою годину по условію изъ Парламента престолъ уступити. Я самъ дакле у Лондонъ писао, и Парламенту горнѣмъ дѣло ово предложію, да я, кои самъ мое *право* на княжескій тронъ Іларіону покойномъ Князу уступію, желимъ, да кѣи нѣгова на такой стули: и место што бы странногъ Принца за супругу узела, кои бы іой само мужъ а не владатель быо, то болъ свое узети, и владателѣмъ га учинити. Добіемъ дакле я изъ Парламента на то одма одобренъ; пишю ми и пуну ми власть на то даду, да я то могу чинити, и да се отаць Принцевъ, кои се само за татора сматра, у момъ ништа противити несме. Садъ дакле моя е та воля, да я Принца таки, безъ свакогъ отлаганя съ Миленомъ моіомъ венчамъ. Я то истина іоштъ баръ на едно две године не бы чинію, но чуемъ да князь за нѣга другу узима, зато нужно ми е Княза предварити, кое онъ іоштъ ништа и незна. Садъ дакле Господине! шта се вама види одъ могъ дѣла?“ „Свето дѣло, рекне Старый, свето, и сваке похвале достойно дѣло!“ — то изрекши загрли га и полюби. „И онъ као отаць,“ придода старый, съ великимъ благоволенѣмъ то валя да прійми!“ „За едно ће му само потежко быти,“ рекне *Сілоанъ*, „што ће одма престолъ децы морати уступити, а у надежди е быо

іоштъ 5. — 6. година, до савршеногъ сыну возраста, владати. Но я зато не бранимъ! онъ волю свою обштой воли треба да подчини, узпротивили се томе, я љу потргнути нѣму пуномоћну мою Граммату, одъ кое ће се онъ таки застыдѣти. Я не чинимъ то за мене, но за обште добро, а и за нѣга, и нѣговогъ сына добро.“

И овако и далъ разговараюћи се сунце имъ попревали и приближенъ ноћи топлоту дана умалявати почне. На то пробуди имъ се и Принцесса, кой сладкій санъ округле образчиће у румену ружицу обратио бѣше: „Но сыне? еси л' се добро изпавала? Нисамъ те могао будити, а радъ самъ быо на коня усести: седите вы, я љу се сійћи, да на коня седнемъ и малс, докле на облегу не доспемо прояшимъ. Со тымъ скочи на землю, и момакъ му приведе коня, на когъ онъ уседне, и лагано поредъ каруца у разговорѣ иѣше до едне гостиолнице.

Ту преноће, и сутра данъ съ малымъ мракомъ стигну у дворъ царскій. Чимъ ступе они у двориште полете слуге ко ће брже радостну новину своѣмѣ младомѣ Принцу да яви: но Сілоанъ одма рукомъ на нѣи мане, да љуте, и да му ништа іоштъ не казую. Запита одма и за княза, но князь іоштъ дошао ту не бѣше. „Садъ ѣте видѣти, рекне Сілоанъ старому, какавъ намъ е дивный то младићъ, и како ће му бити, кадъ Милену овако изненада види.“ Сотымъ лагано узъ степенѣ ступе у ходникъ, и даду рукомъ вратару знакъ, да љути, летно будући вече, врата одъ сале отворена, поліелей на среди сале ужеженъ већъ бѣше. Овый дакле айде лагано преко сале у

другу, а изъ друге у трећу собу, у којој Принцъ самъ при асталу подбоченъ рукомъ надъ едномъ кнѣгомъ замишлѣнъ сеѣаше, а мало далѣ при едномъ орману човекъ седъ еданъ стояше, и неке рукописе преметаюћи разгледаше. Сілоанъ садъ прстомъ у отворена врата кунувши, младића као иза сна подигне: „добро вече!“ рекне му, (Милену съ Пауліномъ за собомъ имаюћи). „Ахъ! Господине ел' могуће, повиче младићъ и поити му на сусретъ; а кадъ угледа и девойку, коя му радостна притрчи „Милено! любезна моя Милено! повиче, и къ младићанимъ своимъ прсима пригрли ю, на кое она заплакавши се едва му проговори: „о любезный Юліе! какву роллу судба моя самномъ изигра! докъ ти само преповедимъ, шта самъ бедна претрпила! „Принцъ убрисавши сладку сузу свою дигне очи и узданувши рекне: „Хвала буди всевышнему Богу, те те живу видисмо, а што си намъ мила моя! претрпила, садъ ми на паметъ и не приводи, нити ми сотимъ срдце мое у овомъ садъ найслаѣемъ чувству отеѣоѣавай.“ На то Сілоанъ загрли га и полюби. „Ово намъ е младый Принцъ нашъ, рекне Пауліну; и — ово намъ е любезный Юліе! старый нашъ, и целе фамиліе ваше найвернии и искреный пріятель, честанъ еданъ и мударъ човекъ, кога заслуге и редке добродѣтели нѣгове удостояваю вашегъ пріятельства.“ Принцъ зарумени се на лицу „драго ми е вели Господине!“ и съ поклономъ старога предесретнувши, представи имъ и друга нека лица, коя су се ту скупила была.

После взаймигъ овако поздрава изкажу младому Принцу целу и вестъ Милнину, шта в пропа- тила, и како су ю нашли. На послѣду узме Едвардъ Принца на само у одну собу: „Добрый мой Юліе, и сыне любезный!“ рекну му, „премда в мени познато, да ты м ю Милну любишь, и да она тебе врло радо има; ништа манъ я желимъ одъ тебе сыне, у- право чути, были ти ню себе за супругу узео?“ — Младичъ на то застыдисе и повуче очи на Силана, „Я изъ тогъ твое сердце, дете мое! разумевамъ, но оцетъ хоу да ми кажешъ Юліе! Родитель твой на свету оваку, а юштъ манъ болю прилику за тебе наби неће.“ „Кадъ бы стваръ любезный Господине! одъ мене зависила, я бы мене за найсретнѣгъ на свету почитовао, али — ви знате да великій люди предпочитую родъ, и высоко племе свима найкрасні- имъ душе и сердца качествама.“ — „Знамъ, знамъ я то Юліе! но то ће быти моя брига!“ „Я самъ“ привати *младичъ*, „едва чекао, да вы доѣте. После вашегъ одлазка моіой се туги придода и друга, кою я самъ незнамъ, како ѣу ю поднетя. Я самъ и садъ, пре него што ће те вы доѣи плакао, и као да мие ко вазао, да ѣете вы доѣи, заостанемъ данасъ и у градъ на захтеванъ отца не одемъ, кое ће ме безъ сумнѣ скупо стати! „Но? како то, шта ти се после могъ одлазка догодило? и зашто те Родитель у градъ захтева?“ „Ніе дакле вама ништа познато? „Ніе сыне, а шта?“ „Та отаць наваліо да ме жени!“ „Да те жени?“ Како бы то было? Зашто бы онъ со тымъ тако итію; то нешто мора быти. Пакъ на кою мысли?“ На неку одъ фамиліе Гуідона.“ „Гуі-

дона? одъ еднонъ дакле Лорда кхеръ да ти узме?
А! то быти неће! то быти неможе! Я тому противъ
стоимъ; како бы то онъ чиніо; за едногъ Принца
Лордову кхеръ!“ „Нека е и то, но я не могу да
докучимъ зашто да мене отаць мой овако млада
іоштъ навалое да жени; пакъ то да е баръ каква
особита прилика за мене, нека бы! Овде нешто мо-
ра быти, но я никако у трагъ не могу да уѣемъ.“
— „Знамъ я то любезный Іуліе!“ смешеѣи се од-
говори Ирой, „знамъ, и сеѣамсе чіе е то масло,
ал' докле е главе на мени, то быти неће, и пока-
заѣу ти, да се неће то по жельи нѣовой збыти, о
не!“ — „Хоће Господине! и мораѣе се збыти, то е
веѣъ сашивено, и я вамъ сила несретніимъ поста-
емъ! одну самъ продужи, „надежду имао, да ће те
ми за любовь мою у градъ отиѣи, и моѣ родите-
лъ одъ намере отвратити: но у исто време кадъ
е то чинити требало, вы одосте на путъ, и они
као да су знали, и нешто предвидѣли, поите и
стварь сврше. Садъ дакле судите сами Господине,
како да се я у томе отцу моме узпротивимъ,
кадъ е стварь свршена веѣъ!“ — „Любовь моя
сыне къ теби и вашей фамиліи, мене натеруе, да
се я за то родительима твоимъ противимъ, а не
ты.“ — „О Господине! ал' е то веѣъ касно, еръ се
стварь покварити не може! но дайте вы мени див-
ни човече! савета, што ѣу я чинити? време е ме-
ни, ово два-три месеца, сву надежду было одузело,
да ѣу я игда више любезну мою Милену видити,
и тако было бы се веѣъ, и ако съ тежкимъ срд-
цемъ, на отчину волю и склоніо; но садъ кадъ

самъ Милену опеть видіо — ахъ! сладкѣй Господине! дивный човече научите ме! Храбрій Ирое помозите вы мени! Я вамъ срдачно ево исповедамъ, да самъ я Малену, любезну вашу единицу тако силно возлюбіо, да я ню о тавити не могу, о немогу сладки отаць! — Они мене могу силомъ къ другой скл нити, но срдце мое остае ми при Милени; какву бы дакле любовь я другой, као безъ срдца и имати могао? А безъ любви жалостанъ бы ми жи отъ мой съ ньомъ быти морао! — О Боже!“ — Сілоанъ: „Іуліе, сыне мой! Како ты судишъ, да бы се теби овде помоћи могло? Како л да се я за тебе подуватимъ, кадъ е Милена моя кћи? Нећеду л' ми рећи, да самъ я тебе на то подговоріо, и да е мое славолюбіе на то мене подигло, да я ню, као мою кћеръ, силомъ хоћу трона да удостоимъ, а я самъ еданпуть, —

Іулій: Не трона! (простите ми што вамъ речъ прекидамъ) — не трона отац! я мою Милену трону предпочитуюемъ, но вы пріймите мене за сына, вы имате лепы добара, мы ћемо имати одкудъ живити, само вы насъ двое благословите, пакъ мы идемо съ вама на ваша добра да живимо; а на тронъ нека они узму кога имъ драго, ерь тронъ нашъ и тако међу две партае стои, и люлясе, и како чуемъ да блаженочившій Іларіовъ има негди у потаи кћеръ свою рођену, коя управо право на тронъ има, а не я. Нек' се догоди дакле да иста кћи одкудъ дође, неће л' она мене съ трона збацити, пакъ шта самъ я онда?

Едвардъ: А да нѣ Іуліе! та девойка Іларіонова кѣи одкудъ, кою ти родители узети желе.?

Іулій. Боже сахрани! Іларіонову кѣеръ партая нѣва у потаи великой до савршеногъ возраста чува, нитко живый одъ наше стране за ню знати неможе, гдѣ е она.

Едвардъ: Неверуемъ я сыне да е Іларіонова кѣи и жива, и како князь и дворъ не бы су знали, кудъ имъ е се Іларіоново дете изъ двора дело!

Іулій. Гласъ е тай быо ето до скоро, да су и ню пустаіе онда малу іоштъ одъ године дана съ воспитателькомъ нѣномъ убили, но садъ доказую, да е жива, и многи іой потайно отвараю путь къ трону. Нисте слушали за оне пашквиле?

Едвардъ. Я самъ слушао то Іуліе, но будући да оно нешто плану, пакъ се опетъ угаси и уталожи, заключавамъ дакле, да е оно што важно было, не бы князь тако лако пропустіо, и изтраживати не бы пренебрегао.

Іулій. Та онъ е и почео изтраживати, но на еданъ путь дође му изъ Лондона одъ краля и Парламента горнѣгъ, да се мане, и да низаква употребленя о томъ не чини: да стваръ ту забашури и невештъ се показуе. И тако уђутисе.

Едвардъ. Ал' да ми е знати само изъ какве бы причине князь тако навалывао да тебе млада овако іоштъ жени, и изъ кое користи, да онъ нарочито Лорда Гіудона кѣеръ узети жели?

Іулій. Изъ кое користи велите? Ёл' вамъ познато, да е Гіудонъ еданъ у горнѣмъ Парламенту?

Едвардъ. Но то знамъ.

Іулій. Онъ е истой девойцы стрыць, кои судити можете, съ каквимъ ѣесе онъ усрдіемъ за свогъ брата, и нѣгову кѣерь примити! А мы као што вамъ е познато зависимо одъ Парламента. Зато мой родитель садъ и навалюе, да се средствомъ нашегъ брака съ ономъ якомъ фамиліомъ саюзи, и да бы себи у нѣой помоѣ и обрану задобіо, ако бы до распре какве за тронъ дошло.

Едвардъ. Хм! хм! хм! — (после дугогъ ѣутаня гладѣи бркъ) Іуліе! твой се добрый родитель яко вара у томъ. Онъ мене не познае, узрокъ збогъ кога се я нѣму до данасъ познати нисамъ дао, веѣъ се умаліо! я ѣу се нѣму показати ко самъ, и то што скоріе сыне! Пакъ ѣе онъ оно што у другомъ за себе у свою фамилію тражи, двоинемъ наѣи у мени. Но иди ми зовни и старогъ тогъ господина Паулина, пришапѣи му да ми овамо доѣе, а ты мало изостани.

Младиѣъ дакле оде, и ето Едварду Паулина!
„Право сте вы мени рекли“ предусретне га Ирой,
„да е княсь у намери што скоріе сына женити.“

Паулинъ. Каже вамъ младиѣъ?

Едвардъ. Каже ми све. Но знате ли шта? Я самъ науміо сутра рано децу однети у монастырь, и одма дати іи венчати!

Паулинъ. О Господине! како бы то было! То ѣе за отца велика увреда быти.

Едвардъ. Не бранимъ, я хоѣу да му покажемъ на какавъ га благородный начинъ я любимъ: онъ ѣе се истина за то пролютити, но како ѣе му бити

кадъ му се покажемъ. Бстел' вы само по мое люде послали?

Паулинъ. Послао самъ одма, и све као што сте ми рекли, паредіо. Но само молимъ —

Едвардъ. Шта? Вальда вы мислите да я мое люде за мою обрану какву потребуемъ. Боже сакрани! Нисамъ я неприятель; вы ћете видиги, како ће то лепо изићи. Я ћу сутра послати у градъ по княза, и звати га на ручакъ, а међу тымъ одвести-ћу децу у манастиръ, и даћу їй венчати, пакъ да видимо шта ће ми учинити.

Они овако іоштъ у разговорѣ, ал' на двору (у авліи) некій жуборъ одъ людій. Принць утрчи у собу Едварду: *Яо Господине!* „повиче смућенъ“ шта ћемо садъ чинити? Огаць е послао люде по мене да таки идемъ у градъ!

Сілоанъ. Таки? Садъ овако по ноћи? То быти не може! каква бы опетъ то навала была? Я тебе любезни не пуштамъ!

Іулій. Ахъ Господине! ал' ми е послао и білетъ!

Сілоанъ. Пакъ? Гди су тїи люди (скочи и полети къ вратма) „драга моя господо! — рекне чиновницыма — ово е већъ касно, а младогъ принца садъ одпустити не могу, старіе ютро одъ вечера!

Чиновницы. Господинъ Рітеръ! Вы баръ добро можете знати, на какву се строгу заповестъ білетъ дае! Принць е погрешіо, шго ніе раніе и на прву заповестъ у градъ дошао.

Сілоанъ. Любезни мои! я самъ томе узрокъ быо, а не онъ, я дакле за нѣга и подъ одговоръ долавимъ. Я ћу дати вама писмо, да сте вы ду-

жность свою у пуной мери учинили, и я ъу сву кривицу ову на себе примити. Зато изволте вы мало унутра да съ нама повечерате, докле вамъ се и конь одморе, а и месецъ изиђе, пакъ онда седте на конь и идите съ милымъ Богомъ.

Чиновницы. О Господине! како можете вы одъ насъ то захтевати, гди бы се мы усудили безъ принца иѣи. —

Сілоанъ. Я вамъ и опегъ сво кажемъ, да я принца садъ одъ себе непуштамъ.

Чиновницы. Господинъ Рітеръ! То е велико дрзновеніе одъ васъ.

Сілоанъ. На неразумно зхтеванъ отца, да онъ сына свогъ овако ноѣу позива, као да е онъ Богъ зна какво зло учиніо, я се морамъ продрзльивимъ учинити.

Чиновницы. Власть му е Господине! едно одъ као князь, а друго као отаць може то чинити.

Сілоанъ. Но и я вальда и у едномъ, и у другомъ участіе баръ неко имамъ.

Чиновницы. О Господинъ Рітеръ! вы се далеко машате!

Сілоанъ. Но онетъ изванъ могъ домашая не!

Чиновницы. Заиста вы себе у опасность бацате!

Сілоанъ. Но вы се у томъ варате.

Чиновницы. Но молимо, съ кимъ имамо честь говорити, кадъ вы право себи узимате, да се тако на заповестъ царску нама противите?

Сілоанъ. Вы ако сте пметни изъ вышеречены можете судити, да кадъ я небы самъ имао у томъ право, не бы самъ се съ вами за то оволико

ни упуштао: али да не просипамо ту речій за ба-
дава, ако ћете съ нами вечерати, сяште конѣ, и о-
дите унутра; ако л' не, а вы идите, я принца вамъ
не дамъ! — Ово изрекне, окрене се у собу и лупи
съ враты за собомъ.

Чиновницы се на то разсрде, пакъ повичу на
стражу; ишту принца на полѣ и учине по двору бу-
ну. Сілоанъ се налюти, скочи за мачъ и за штитъ
пакъ излети на дворъ. У првомъ устремленю на
граду продересе громовитымъ гласомъ, и петорицу
съ коня свали и саблѣ имъ отме! На то другіи без-
обзира стану на велика врата испредъ ове машине
човека бегати, за којима Сілоанъ врата садъ за-
твори; сожали се на ону петорицу, даде имъ опетъ
конѣ, и оружѣ, пакъ заповеди, да имъ се да, и по
чаша вина, и напише имъ велико на княза писмо, и
такo ій за оныма одпусти. „Жао ми е“ рекне муже-
ственный Ирой при вечери осталима, „жао ми е што
ону петорицу онако осрамоти; они су чинили ду-
жность свою, но яко ме ниткови едни, и разсрдише:
нектъ благодаре Богу и самномъ заедно, што коме
и главу не смако.

Принцъ то вече буде яко уплашенъ и забри-
нутъ. Милену ово преко мере ожалости, и на плачъ
ю доведе. „Не бойте се вы ништа децо моя любе-
зна!“ рекне имъ Сілоанъ. Судбина наша, коя намъ
є неизвестна, обычай има, више путій насъ предъ
какву радость мало смутити, и ожалостити, да намъ
со зымъ чувство наше къ дочеку прама нове ра-
дости болъ преправи; вы ћете видити, шта ће су-
тра быти. *Днесъ водворися плачъ, за ушра же ра-*

достъ. Но вы старый мой (къ Пауліну) да гледите съ двороуправителѣмъ шта ѣете сутра чинити. Сутрашњи е данъ за насъ све данъ торжественъ, и светъ; мы ѣемо сутра да будемо весели; имаѣемо сила гостию: зато будите сви добре волѣ, ослон'те-се вы на мене, вы ѣете децо све оно учинити, што я вама, као отаць, а и покровитель вашъ рекнемъ, пакъ ѣе све добро быти. И будући, „вели,“ да ѣемо сутра поранити у манастирь, зато на време ѣемо и лећи.

После малогъ овако при вечери разговора развиѣусе славати. Текъ што имъ зора у ютру заплави, Сілоанъ се съ Пауліномъ на ногу разбуди, и све по двору у движение стави. На еданпуть засвира имъ банда, коя и младогъ Принца пробуди. Онъ устане, обучесе и изиѣе предъ Сілоана. Зачуди се кадъ види ту и Милену, коя лепо обучена, и съ венцемъ на глави, стояше поредъ отца, окружена съ неколико девояка, и слушаше ту музѣку. „Безъ сумњъ ты се Юліе ниси ни надао, да ѣе те Милена овако преварити,“ проговори Сілоанъ, кога Принць садъ „съ добро ютро,“ поздравивши, „За волю Божию рекне, Господине шта сте вы намыслили съ нама? Богъ и душа я све стрепимъ на што ѣе то изићи! И зашто да тай жуборъ чините? Я вамъ кажемъ, да я више предъ отца за животъ изићи не смѣмъ!“ „Ништа се ты любезный не бой, то е моя брига, како ѣе то изићи: но айдете на кола да идемо у манастирь. Князь ѣе овамо данасъ доћи: тако самъ му писао, и мыслимъ, да ми неѣе моѣи одрећи.“ „Пакъ аашто итимо овако рано у мона-

стырѣ, кадѣ ѣе онѣ овамо доѣи? занита Принцѣ, и што намѣ се Милена тако оправила. Нистел' вы наумили отацѣ насѣ благословити?" Сілоанѣ гледеѣи на нѣи, засукаваши бркъ, осмене се и поѣути, пакѣ имѣ рекне: „у име Бога сыне, я то мыслимѣ.“ „Безѣ отца могѣ? Ахѣ Господине!“ — Не безѣ нѣга дете мое! мы ѣемо нѣга тамо почекати, но идемо напредѣ да се преправимо.“ „О Боже мой, Господине! я о вашемѣ дѣлу двоумимѣ. Гди бы мой отацѣ на то саизволю? Како ли се небы зато и увреѣенѣ нашао, да вы мене одѣ нѣгове власти одтрзавате, а незнате га какавѣ е то рысѣ одѣ човека! Я за истину несмемѣ преко нѣгове волѣ то учинити, развѣ да кудѣ побегнемѣ, и да му се одрекнемѣ найпре сынѣ му више бити. „Даѣе се онѣ зато изѣ почетка увреѣенѣ наѣи, не сумнямѣ, али кадѣ се о дѣлу извѣсти уверенѣ самѣ, даѣе и драговольно саизволити, и самѣ родительске свое руке на васѣ прострети и васѣ благословити. А што га се боишѣ, што е онѣ лютѣ као рысѣ, зато ѣемо найлакше.“ — Юлій нато елегнувши рамени „Господине простите ми, вели, я не могу веровати, да сте вы сѣ моимѣ отцемѣ у такомѣ отношеню, да тако самномѣ, противѣ нѣгове волѣ, поступати можете; нити се я смемѣ садѣ усудити, да га и овде за мое преступленѣ, дочекамѣ, много манѣ, да у манастирѣ венчати се идемѣ; знаюѣи я савршено, да онѣ то допустити неѣе. Сілоанѣ на то смешеѣи се удари га рукомѣ по рамену: „айде тамо ты пенѣи се на кола, ты мене јоштѣ непознаешѣ, зато тако и говоришѣ.“ Сотимѣ поведе јѣ обадвое на една

кола, а на друга старый Паулінъ съ единомъ Госпо-
іомъ и съ две девойке пође.

Кадъ су поседали тако на кола, Сілоанъ узме
за руку саданѣгъ воспитателя Принцевогъ и изведе
га мал о на страну, заедно съ домоуправителѣмъ
изложи имъ ту нѣка нарежденія, како треба да по-
с тупе ако князь ту дође, и како да му кажу, да и
си ть у монастырь мора за нѣма доћи. Ови приме
заповедъ, поклонне му се, и врате се у дворъ; а
онъ скочи на свогъ коня, и мане рукомъ да се съ
колы крену; снѣ ће за нѣма на коню. И тако оду
у монастырь.

Едва су ови и на по пута къ манастиру били
ал: ето ти имъ княза съ маломъ своіомъ вратньомъ
приспе у дворъ. Срдитъ онако, іоштъ ни съ коня
сяшіо ніе, бацивши ту холерически свой погледъ
на дворуправителя и воспитателя, кои ту и съ о-
стали служители предъ нѣга изишли бяху. „Но
вели, какве су новине кодъ васъ? и гди вамъ е
Принць?“ сотымъ садъ и сяши; воспитателъ учти-
во приступи му „ваша светлость! рече, Принць намъ
мало пре оде съ господиномъ Рітеромъ, и іоштъ съ
еднимъ старымъ господиномъ у монастырь!

Князь: У монастырь?

Двор: У монастырь ваша светлость! и моли-
ли су да бы имъ и вы милость не одрекли тамо
стићи.

Воспит: Господианъ Рігеръ тако намъ рече,
да е стварь велике важности, кое се навластити ва-
ше светлости тиче, и да нужно вашу светлость та-
мо потребуе.

Князь: Хмъ! Тай се Рітеръ ме и више него што бы требало у своимъ самномъ поступцыма продрзльвивимъ нешто показуе; незнамъ шта е науміо! Како ми се види онъ свою границу непознае; и почео е мою къ нѣму наклоность неку (не кажемъ любовь) на зло употреблявати. Зашто да ми сынофъ сына непусти? Како да се смео людма, и на мою заповестъ противити, ексесъ онай учинити? а! оѣмо се разговарати.“ Сотимъ уѣе у салу, седне на едно канапе, и понуди осталу Господу свою да на столице посѣдаю. „Господо моя! (убрисавши одъ лютости чело) я тога човека іоштѣ лично и непознаемъ, но мора быти немирна нека глава!— Али съ особитимъ се поверениемъ онъ самномъ у дѣла пушта, и у некимъ приликама врло ми се и искренимъ показуе, и сво ме чини сила стрелъвивимъ. Сына ми преко мере радо има, и колико самъ искусію, доста ми се дете одъ нѣга у наукама и ползовало. Но незнамъ шта ће садъ самномъ, и какавъ бы то посао быти могао, збогъ богъ ме садъ у монастиръ позива; зашто л' да и вы (къ воспитателю) дете съ нѣимъ одпустите, кадъ сте знали да ѣу овамо доѣи?

Воспит: О ваша светлость! Та онъ се сынофъ и вашимъ людма, и на вашу преко білета заповестъ узпротиви, и Принца не одпусти; скочи на люде и све іѣ на полѣ истера: како самъ му се я дакле противити могао? Особито младый Принцъ тако га любви, и тако му се покорава, да зарѣ ни вашей светлости, своме родителю неможе веѣма приврженъ быти.

Князь: Шта вы дакле Господо моя заключа- вате одъ овогъ човека? Я држимъ мени за непри- стойно да я на вѣгово захтеванъ у Монастиръ садъ идемъ! Али чулисте како ми лепо пише.“ — На то садъ и друго писмо поднесе му двороуправитель.“ „Ево вели, ваша светлость; и ово ми е писмо ю- трось при полазку предао, да вашей светлости дамъ.“ Князь прими, и отвори, читаюћи найпре у себи про- мене се на лицу, и погледи на остале алъ имъ ни- шта іоштъ не рекне. Кѣе прочитавши до края, ма- не главомъ, и писмо савіе пакъ га мете себи у недра, и позадуго замишлѣнъ ѣуташе. Господа пре- секу му ѣутанъ. „Ваша светлость!“ рекне еданъ и я држимъ за непристойно, да вы на речъ едногъ Рітера идете.“ „Не ваша светлость!“ повичу и други, ко е онъ, да тоже одъ васъ и захтевати: но пошльите свое люде, да онъ съ младимъ Принцемъ безъ свакогъ противословія, и одма овамо дође.

Князь: Есть! ал' ево како ми пише! извади писмо и чита:

В а ш а С в е т л о с т ь !

Г о с п о д и н е м о й Н а й м и л о с т и в и и !

Свако дѣло, кое мы къ доброму концу приве- сти желимо, потребуе сходна себи и средства. Но будући да су средства такова различна, и нека намъ се у првомъ виду врло и опасна быти виде: зато пазимо, да се непреваримо и да се (место зло какво предупредити) не устремзмо на дѣло изъ до- бре намере предузето, кога взжность іоштъ непо-

знаемо. Власть е свака, Ваша Светлость! съ више намъ и одъ Бога дана; ко се дакле овой противи тай се самое Богу противи. Али закони обаче намъ строго налажу, да се ми власти нашей покуравамо, но они и владѣтельима нашимъ границу полагају, да и ови власть свою на зло не употребе. Гди намъ дакле ова, као душе и тела армонія, слѣдуе намъ изъ нѣ да свакій дужность свою исполнява. А на испуненію свакога дужности свое оснива намъ се и све уобште благополучіе наше.— Хотети што добро чинити зависи намъ одъ волѣ наше а моћи таково учинити, иште се одъ дарова и способностей, какова ко одъ естества има и притяжава. На прво смо удобосклоними, а на друго избираеми. Принцъ намъ е, Богъ да намъ га поживи, рођенъ за тронъ. Щастіе се у нѣму нимало преварило ніе; но можел' быти и каква добродѣтель на кою се злоба каква ополчила не бы. — Нѣму савѣтую! Но судба е нѣгова мени нѣга вовѣрила, и начинъ ми, да га я заступимъ, я защитимъ, дала. Токмо бы се ваше Сіятелство мени у дѣлу не воспротивило и на мене се увѣрити могло. Я ево и повторително ваше Сіятелство молимъ, да бы сте непощадили труда (ако овамо на мое синоѣне писмо! дођете) заканитесе и у Монастырь доћи. Не мене но васъ и вашего сына ради нужно вамъ е да дођете. Я имамъ тайну нѣку вамъ открити, кое ће васъ у удивленіе привести: и на откровенію овомъ утврђавасе намъ младому нашему Принцу Престолъ — Есамъ съ любовію и страхопочитаніемъ

У у двору и проч:

Вашему Сіятелству
Моему Милостивому
Господину
слуга, и искренѣйшии
Пріатель
Рітеръ —

ИЗ КЪИГА
БРАЋЕ ЈОВАНОВИЋА
У ПАНЧЕВУ.

„Но? шта вамъ се види одъ овогъ писма?“
запыта Князь остале.

Господа. Оракулова нека израженія, коя сила продрзливости у себи садржаваю.

Другий. Но съ особитимъ говори поверенъмъ као да бы онъ некій утицай у власть вашу имао.

Другий. Да неће ту каква превара бити? И одкудъ онъ узима себи то *право*, дасе тако далеко и са сыномъ вашимъ увушта; то неће бити чистъ посао! Каква ли бы то и тайна была! едномъ речи, мени се тай посао чуданъ види! —

Другий. На изнађеню, вели, овомъ утврђава се младоме Принцу престолъ! — и да е судбина нѣга поверила нѣму! — Делфійска нека изреченія! изъ кои незна човекъ шта ће да мисли, и на што бы њй протелковати могао.

Князь: Продрзливости има, но види ми се да му ова изъ некогъ простодушія, а не изъ какве упорности производи! знате ли шта? Я самъ доста за непристойно држимъ, да я идемъ за нѣмъ у Манастиръ, но да пошлѣмо ми по нѣга, нек' онъ съ моимъ сыномъ дође овама; онъ мени може тайну свою и овде на само казати, зашто бы я садъ морао у манастиръ ићи.

Другий: (двораправителю и воспитателю Принца) Бога вамъ! како изгледа тай човекъ, кои е година'?

Ови: Онъ ће бити близу 40 година: но то е люда и машина одъ чввека, да га е страшно и погледати. У лицу е врло прикладанъ, жаркасти образа и погледа оштра и мужествена, у разговору ви-

ди се благъ и пріятанъ быти, но кадъ се разсрди, поцрвени у лицу и наостреше му се грдни бркови. а очи му се засветле, рекао бы муъ ѣе му изъ нѣи полетити. По величини дакле тела правый Херкулесъ, по лепоти Парисъ, а по мужеству другій Ахілесъ; по мудрести, доброты, и великодушію исти Сократъ. Младый га Принцъ врло радо има и по-корава му се као отцу.

Князь: (слегнувъ рамени), я самъ незнамъ!“ вели, изъ такогъ описанія шта се може о нѣму мыслити. — Да пошлѣмо по нѣга, оне хтети може бити доћи.

Воспишашель: Ваше Сіятелство (лагано да други нечую) Болъ извол'те вы отићи.

Князь: Налазите за болъ?

Воспишашель: Изъ довольногогъ узрока!

Князь: А тай, кои е? (уоставши мало на страну)

Воспишашель: Я утаити и несмѣмъ: онъ има кѣръ у кою е младый Принцъ смртно залюблѣнъ.

Князь: (Тронуть променисе на лицу) Но? пакъ шта ѣе? Да ю узме за жену? — ха ха ха! тай ли е посао? До тога е дакле онъ, лукавый лисаць мога сына довео, и мозгомъ му окренуо, да му кѣръ да? Гордость она луда Рітерска, како зна едногъ Принца данасъ сутра Владателя уважавати! Мой сынъ да едногъ Ритера, кои ми се іошъ ни дознати ніе дао, нити е смео, узме кѣръ! — Е садъ е изишао са шаромъ! Садъ я разумевамъ честну нѣгову къ моме сыну любовь, и пріятельство, съ коимъ онъ гледа и мене заслѣпити. Съ коликимъ я задовољствомъ и одъ едногъ Лорда кѣръ за мо-

га сына узимамъ, ал' кадъ морамъ, а онъ еданъ тричавый Рітеръ, да ми кхеръ свою намеће, ха! ха! ха! Садъ видимъ любезный! да онъ при свой оной о нѣму похвали, мора нека будала быти! Нѣга гордость нѣгова на то подпируе и надима, да онъ себе кукаваць мисли да е са мномя у одной категоріи. Но ніе ни чудо, Рітеръ е, кои обично у многимъ подобнимъ приликама лудую. „Нѣму“ вели „наудити стараюсе! и судьбина е нѣга мени поверила, и шта я знамъ шта у писму говори. — Уздасе сирома у свое силе! И мисли да има у себи такове, да онъ може едноме Принцу противъ непріятела помагати! Како ми се види онъ ніе далеко одъ оногъ Донъ Кижота утекао! Господо моя! (окренувши се осталима) Та шта я чуемъ: Рітеръ истый жели свою кхеръ за могъ сына дати!

Господа: (згледавшисе) Како то?

Князь: Ево (рукомъ на воспитателя) садъ ми каже. Пакъ гди му е та кћи, не было му е? да ніе и она ту?

Воспитатель: Та зато ваше Сіятелство, и кажемъ да вамъ е нужно у монастырь отићи, зашт' му е ту и кћи, и што е онъ у той мисли, да ю съ Принцемъ венча, нити онъ сумня о томъ, да ће ваше Сіятелство драговольно на то саизволити.

Князь: Ха! ха! ха! — По то е правый Донъ Кижоть! Да я кхеръ едногъ Рітера кога іоштъ и непознаемъ, за могъ сына узмемъ! Таки дайте (двоуправителю), конъ упрегнути, я небы самъ могао стрпленія имати, да по могъ сына шильмъ, и на нѣга овде изгледамъ; а може быти да га она не-

мирна глава небы іоштъ ни пустила, пакъ бы се само више лютіо, но я идемъ тамо, да га питамъ, шта е онъ самномъ и съ моимъ сыномъ науміо. —

Одма дакле коньи се ту упрегну и Князь срдитъ седне са своіомъ свитомъ и поити садъ у монастырь!

Сілоанъ међу тимъ известисе потайно чрезъ едногъ изъ двора, съ каковимъ незадовольствомъ Князь поступакъ нѣговъ прима, и како се люти и срди, како га ружи и прети му; брже болъ навали и Принца даде съ девойкомъ венчати, пакъ седне съ нѣима на каруце, и другимъ путемъ да се не би у случаю съ Княземъ срео, вратисе у дворъ, гди у одну собу до сале сакрые младенце съ 12 оружани момака, кое му е то изъ едне вароши на захтеванѣ младогъ Принца Капетанъ некій у исто време послао. „Притаите се,“ рекне имъ вы у соби, и не бойте се ништа, я ѣу княза овде у сали дочекати и съ нѣимъ одну лепу сцену учинити, некъ баръ и болъ упамти Дон-кижота. Слушаѣете, продужи само изъ себе, како ѣу княза предусрести, и како ѣе се онъ лютити; докле му тайну, коя и вама іоштъ позната нѣе, не одкріемъ.

Сотимъ вратисе садъ у салу, и пошлѣ (опетъ подъ именовъ младогъ Принца) и по истогъ Капетана, те му іоштъ съ 12 момака доѣе.

Кадъ стигне Князь у монастырь кажу му ту, да е Принцъ съ Рітеромъ одстояо само службу, и вратіо се у дворъ, а преѣуте, по налогу Сілоана, да е се съ девойкомъ венчао. Князь садъ то чувши разпали се одъ лютости, погледи на остале: „Та

тай вели, неку комедию самномъ игра! Но! — већъ ако не умремъ те ти не одшалимъ шалу. Нехте дакле съ каруца ни сићи се но одма врати се у дворъ. Конъи му се у пену учине. Приспевши у дворъ, скочи съ каруца, и дворауправитель изиђе предъ нѣга. „Есул' ту? срдито пѣвиче на овогъ.“ „Есу ваша светлость! одговори учтиво дворауправитель. Князь поити узъ стелене, коме вратаръ отвори врата одъ сале, онъ уђе, и не само удивисе, него се и уплаши, кадъ садъ ту види свогъ Рітера прекрасно обучена съ Паулиномъ (когъ іоштъ не познаваше и съ канетаномъ; съ воспитателѣмъ и оштъ съ неколико лица, кои га сви садъ са страхопочитаніемъ, као Княза предусретну и Сілоанъ најдубль поклонивши му се стависе предъ нѣга. „Ваша светлость! рекне му, радуемъ се да имамъ срећу вамъ и лично мое страхопочитаніе изјавити.“ Князь (бацивши на нѣга холерическій погледъ и увати га за руку). Ако се неварамъ вы сте онай Рітеръ, кои сте чрезъ писма ваша велико благоволеніе мое себи задобили были.“

Сілоанъ. (поклонивши му се) Я самъ ту срећу имао, кою високо почитуюћи желимъ ю мени и задржати.

Князь. Али съ коє стране вы себе любити починаете, незнамъ како ће те ю задржати; но гди е мой сынъ? Вы велико неко участіе мое родительске власти, одъ нѣга узимате.

Сілоанъ. Могуће, Ваша Светлость, да е моя велика къ нѣму любовь мало границу у томъ и прешла, али —

Князь. Найпре само гди е онъ? и шта сте вы съ нѣмъ намислили? вы сте еданъ чуданъ человекъ.

Сілоанъ. Онъ намъ е овде, а я штосамъ съ нѣмъ намислю быю, то самъ већъ и учиню.

Князь. Но? да чуемъ само?

Сілоанъ. Онъ е данасъ срећнымъ постао, што и самъ іоштъ незна.

Князь (нестрпелливъ) Но? како то, у чему? Вы мене мучите неизвестіемъ.

Сілоанъ. Увериге ваше родительско срдце, да и мое за нѣга, као годъ и ваше куца.

Князь. Чуєте! Я васъ и опетъ пытамъ, кудъ сте вы мени сына дели?

Сілоанъ. Я вамъ и опетъ кажемъ, да е намъ онъ овде? Но кажите вы мени гди намъ е кѣи почиваюћегъ Іларіона княза.

Князь. (на ово питањъ савъ у лицу поцрвени) Іларіонова кѣи? Пакъ шта ћете вы сотимъ?

Сілоанъ. Шта ћу я сотымъ, то завыси ваша светлость! одъ вашегъ на мое питањъ одговара.

Князь: (намргођенъ погледи на остале) Но? шта ће овай са мною? Вальда се я овде и у опасности каквой налезимъ?

Сілоанъ: Боже сахрани! Ваше Сіятелство ни у каквой опасности ніе.

Князь: Господинъ Рітеръ! — Вы се мени и у писмама вашимъ сила продрзльивымъ показуєте, а я васъ іоштъ и не познаемъ добро.

Сілоанъ: Кадъ бы вы мене познавали, не бы ме за продрзльива ни држали. (со тымъ мало удалисе съ Княземъ одъ остали, Ваше Сіятелство!

Блаженъ е овай часъ и за васъ и за вашегъ сына. — Вы сте се преварили были, и съ намеромъ да *право* на тронъ сыну утврдите, мал' га нисте наслѣдія изключили, но имате Богу благодарити, и меня признати, кой самъ помоѹу Бога стварь сретно къ краю привес тако, да се одъ садъ ништа не бсите.

Князь: А чега самъ се я ч до садъ бояти могао? еда ли е какво тайно противъ мене созаклятіе? Еда ли сте вы Рітеръ и могъ сына на то избезумили?

Сілоанъ: Боже сахрани! одъ тогъ ништа више нема, но хтело е нешто быти, ал' я. —

Князь: (срдигъ) шта е хтело быти? и какво бы я у вама заступанъ имати могао? Тко сте вы? Бданъ Рітеръ! пакъ како чуемъ намеѹете ми свою кѹеръ моме сыну; ал' то истина?

Сілоанъ: Они су веѹъ благословъ предъ светымъ олтаромъ пріймили, но и вы имъ вашъ родительскій одреѹи неѹете.

Князь: (одъ лютине чисто подскочи) шта? Сынъ мой съ вашомъ кѹерю венчаосе? (на дворауправителя и капетана) люде мое овамо! Капіе да се затворе, и таки сынъ мой да ми се изведе!

Капетанъ дакле садъ по налогу напредъ іоштъ Сілоану скочи, и изъ други' соба 24 оружана войника у салу стави. На то Князь „Рітере! ал' да ми сына таки овде изведете, ал' ѹу я чудо садъ учинити.“

Сілоанъ: Ваше Сіятелство! умерите се, я се ваше страже ни мало нецлашимъ, нити ваша лю-

тина мене страши, признаваюћи да она места нема, (на момке) юнацы! оружје доле! я заповедамъ. Они сви оружје спусте и Князь тронуть гледи. Со тымъ Сілоанъ отвори одъ сале врата, и младенце изведе у салу „Ево вамъ сына“ а ово е супруга нѣгова! „Супруга?“ Князь съ удивленіемъ запита, „Ваша дакле кѣи?“ — Младенцы садъ уплашени ставе се предъ Княза, Князь одъ чуда плѣсне се, и одъ лютине ништѣ проговорити не може. Найпосле уздане и погледи на сына. „Іуліе; сыне жалостный! За име те Божіе молимъ шта е съ тобомъ?“ — Младићъ место одговора, заруменивши се на лицу, превали нѣжно очи свое на Сілоана: Сілоанъ га удари рукомъ по рамену „Небойсе сыне“ рекне му, „небойсе ты ништа! видишь драгій мой Принце шта чини любовь родительска, и у какво га смућеніе садъ у неизвестію она приводи, но зато вы се децо небойте ништа! Онъ е као отаць изъ любви къ сыну своме границу свою быо мало изступію, алъ зато ништа, право-судно небо и промысао Божій кога любви, полаже му и предѣлъ, да што противъ правде, ако бы и хтео неможе учинити. Зли савети ласкателя и анѣлско срдце преокрену.

Князь: Шта е дакле? Я васъ неразумемъ! У чему ли самъ я границу мою прешао, какве су то речи? (лютито) Шта ли ты Рітере одъ мене тражишь; и ко си ти да мене тако подъ неки одговоръ узимашъ. Ёда ли се на мене за Іларіоново дете потвара? Но шта ту много, „Држъ те га! Вежъте га, я заповедамъ! — Момцы се устреме къ Сілоану, на кое се овай продере: „Стой! съ места да се

еданъ нѣ макао!“ — Князь се узвери: „Шта е,“ вели, „ово данасъ са мномъ? Ёда ли самъ я издаты већъ.“

Сілоанъ: Нисте! о нисте Ваша Светлость! Мы сви васъ любимо, и сви вамъ се кланямо, но ваше нестрпленъ васъ збунюе, ерѣ на ваше питанъ *ништа я ошъ васъ шражимъ, и ко самъ не дате ни* одговорити, но хоћете да ме вежете, а я се Бог-ме везати недамъ, ербо нисамъ ништа кривъ; и не треба онога врећати, коме имате за срећу свою благодарити.“ Со тымъ окренувшисе момцыма: „Драгіи мои!“ вели, „вы намъ нисте овде одъ потребе, можете дакле изићи.“ — Ови изиђу. Ваша Светлость! „спуштаюћи се на едно свилено канапе, рекне Сілоанъ Князу, кога такођеръ понуди да седне: вы мене непознаете. Умеритесе дакле, да се лепо разговоримо. У срдитости срдца лютећисе безмерно, тешко кадъ, или никадъ заръ човекъ стваръ къ добромъ краю довести може. Мы смо овде сами; я и вы, капетанъ, и ево овай стари Господинъ, когъ такођеръ вы непознаете, а и онъ е великій вашъ, какогодъ и я пріятель; деца су наша, предъ нѣма таити нећемо, зашто се за нѣи и ради. Нѣ вамъ ваша светлость! не познато, да се нека партая противъ младогъ Принца не давно появила была, но я не знамъ у кое сте вы вниманіе оно узели, и естелъ вы изворъ онай изнашли, одкудъ е оно произашло? Я самъ оно истина засадъ и утишао, али іоштъ оно тиня, іоште има людій, кой изъ главе свое избацыли нису, да по завештаню Едварда Сілоана Іларіоново дете на пре-

столь долази, и оно е на правой лѣвѣ владаня, а не вашъ сынъ. Зашто казую Ваша светлость! да е Едвардъ за то свое право Іларіону и уступіо, и писмено одъ себе дао, да ни онъ, ни нѣгови потомцы нећею више трона захтевати, докле годъ трае Іларіонове лозе. Ово е Едвардъ учиніо изъ безмерне презълне любви къ Далматинки своіой, Миленѣ истой, коя се за Іларіона удала. Изумре ли племе Іларіоново, то потомцы Едвардови да наслѣде а не ваши. И будући како чуемъ, дете е Іларіоново, девойчица мала іоштъ погинула: Разумевши дакле ово Едвардъ, да се то съ подразумлѣніемъ двора збыло, прійми къ сердцу и вратисе изъ Азіе.

Князь (прекине речъ) Боже мой! да чудны кабала! „повиче,“ Едвардъ погинуо, и садъ га праве живымъ! ха! ха! ха! — То ми е найманя брига: господине Рітере! оставимо мы то, но кажете вы мени, шта сте се вы толико мога сына привезали, и како е васъ рітерско ваше, лудо управ' славолюбіе, толико заслепити могло, да се вы усудите, вашу кѣрѣ моме сыну, едноме Принцу, за жену понудити? Іоштъ шта више, мало пре рекосте ми, да су већъ и благословъ пріимили, кое я само за едну луду вашу шалу држимъ, гди бы то быти могло!

Сілоанъ. Пакъ зашто не? кадъ се деца радо имаю? Шта налазите за непристойно да онъ едного Рітера кѣрѣ, кою онъ смртно любви, за супругу себи узме? А погледайте ю само, може ли ю и ка-

ква царска кћи красотомъ своіомъ застидити и по-
мрачити.

Князь: Ахъ видимъ! видимъ да є нѣга на нѣгову
несреѣу волшебница една красотомъ своіомъ, као мла-
догъ и заслепити могла, ал' пре ѣе онай потокъ натрагъ
и узъ брдо поѣи, неголи да бы мой сынъ ню за супру-
гу себи имѣти мого. Принцъ еданъ (прстомъ на чело). —

Сілоанъ: Но? пакъ у чему вы ню за маню одъ
вашегъ сына држите?

Князь. У чему? Какво є опетъ то питанъ:
вы дакле себе, како ми се види у одну самномъ
категорию меѣете? Каква є то продрзльвость?

Сілоанъ. Та вальда што више важимъ, и до-
стойнїи самъ вашимъ прїателъмъ назвати се, него-
ли онай, одъ когъ сте вы кѣерь за свога сына у-
зети наумили были.

Князь. (лутитъ) вы дакле мени законе припи-
суете одъ когъ ѣу я кѣерь за сына мого узети?
Одкуда себи то *право* вы отимате.

Сілоанъ. Я га не отимамъ, но дає ми такво
искрена моя къ младому Принцу любовь и правда
Божїя, коїой валя да се покуравамо.

Князь. Опетъ онъ мени потрзава любовь къ
сыну моему, и позива се на правду Божїю! — Рї-
тере! гордость ваша исхицава васъ изъ ваше сфе-
ре и вы уображавате себи оне силе спрамъ кои сте
вы као еданъ нравъ!

Сілоанъ. (любко смешеѣи се на нѣга) Но за-
то опетъ сынъ ѣе вашъ мени, овоме нраву, а не
вама за среѣу свою благодарити, мени и овой моїой
кѣери!

Князь. Рітере! далеко се машате! много о себи мислите, и сила се у себе уздате! Рітере ваше стрпленѣ на зло употреблявате, вы ѣете се застыдѣти! Вы ѣете се каяти; но себи припишите, и себе за слѣдство те ваше луде продрзливости кривите! Но шта се я ту съ овакимъ гордосчу напетымъ Рітеромъ и препиремъ, ономимъ и кошкамъ, комъ мое изъ човечества стрпѣніе рогове іоштѣ и веѣе дае, (срдить на сына) вуци ми се бартѣ ты испредѣ очію! У собу таки, да тебе садѣ на испитѣ узмемъ и покажемъ ти, ако знао ниси какву власть отацѣ има! (повуче за звонце и дворауправитель доѣе) Господине! Сына могъ я вамъ предаемъ подѣ стражу, водите га таки!

Сілоанъ. Шта? Беже сахрани! то бити неѣе, то бити неможе (скочивши увати Принца за руку) Іуліе! сыне мой, ты се ништа небой! Господине натрагъ, да га се коснули нисте!

Князь. То мора бити, я заповедамъ!

Сілоанъ: Вы заповедате? Али како, као отацѣ, или као Князь?

Князь. Као и едно и друго; но шта ты имашъ мене зато и питати, едал' мой сынъ одѣ тебе зависи?

Сілоанъ: Као отацѣ неможете выше съ ѣимъ као съ дететомъ поступати, зашто е онъ у бракъ веѣъ ступію; а као Князь, ніе вамъ ваша светлостъ, то ни у власти, да вы можете еднога Принца безъ суда и безъ довольногогъ узрока дати затворити; инди бити неможе!

Князь: Не знамъ я за нѣговъ бракъ, нити хоѹу да знамъ; и не съ Принцемъ, но я съ моимъ сыномъ имамъ посла, за кое тебе я не питамъ, и ты се Рітере узми на умъ, себи руке одъ могъ сына, кога си ты и покваріо, и воспослѣдуе ли што ружно то ты подъ одговоръ долазишъ, и за ово твое Рітерско мени поношеніе, я те предаемъ суду моему, и иштемъ мени удовлетворения. Шта више я іоштъ управъ и незнамъ шта си ты и за човека; издаешъ се за Рітера, но ко зна и еси ли Рітеръ?

Сілоанъ: Ко зна есамъ ли Рітеръ? ха! ха! ха! вальда самъ мало нешто и више, ако ѣете да знате.

Князь: А то ѣе реѹи? Графъ, шта ли си? Ако е и то, тешка ми посла!

Сілоанъ: (смешеѹи се) Іо! што знамо, кадъ неможемо сви ни Принцеви быти! Зашто, да самъ я небы были вы. Али я мене задоволимъ осеѹамъ, што самъ и роѹенъ за то, и даре притяжавамъ, кои ме тога заиста удостояваю, и свеобшта бы воля была, но я неѹу, мени не треба: я самъ Іларіону и нѣговомъ потомству еданпуть то уступіо, и при моіой речи остаемъ. Благословите дакле ову децу, овай красный паръ на кои е судбина коцку бацыла, да они кадъ приспеду у савршеый возрастъ, изъ ваше родительске руке, и съ вашимъ отчинскимъ благословомъ приме намъ кормило правленія, и насъ као свое родителъ возлюбѹе, и почитую.

Князь: (узверивши се) Како то? Ко си дакле ты, кадъ тако себе у едну самномъ и съ фамиліомъ моіомъ крвъ меѹешъ?

Сілоанъ: Да я не признаемъ да самъ едне съ вама крви, не бы то ни чинію. И вы бы любезный Принцъ! за еданъ вашъ поступакъ и подъ одговоръ дошли; но любовь моя къ овой деци и мановеніе оно промисла Божіегъ, што се ние збило, као што сте вы съ ваши дворяни наумили били, мене су победила, и я вамъ праштамъ.

Князь: За какво мое преступленіе? Я васъ не разумѣвамъ!

Сілоанъ: Гди вамъ е Іларіоново дете? кѣи Іларіонова?

Князь: (Срдить подскочи) пакъ шта си ми се толико попео на душу за Іларіонову кѣеръ! ние ти познато, да е она іоштъ мала умрла? каковъ дакле ты садъ одъ мене рачунъ изтраживашъ? а и ко си ти до то чинити можешъ? Рітере! чаша се већъ моего стрпенія мени прелива, вы ћете зло проћи?

Сілоанъ: Ёли? кѣи Іларіонова умрла, и я ћу зло проћи! добро! добро! Кадъ ние промисль Божій допустію, да онай зло прође, кои е хтео на слѣдну царску крвь уничтожити, вальда неће допустити ни мени, да я зло прођемъ, кому е царско чедо на сохраненіе вручію!

Князь: (намргођенъ) Я та твоя Делфіска израженія не разумѣвамъ, и я се на такова твоя луда измышленія паче срдимъ и опетъ ти кажемъ да ћешъ ты зло проћи!

Сілоанъ: Я вамъ вѣруемъ; да бы сте вы самномъ и тирански поступали може быти, но дао Богъ нисамъ вамъ у вашей власти.

Князь: (савъ поцрвени) ниси у моіой власти!
(повыче и полети за звонце).

Сілоанъ: Стан'те! (увативши га за руку) станте мало, и не лютите се! ил' вы мене изъ мои рѣчій нисте іоштъ разумѣли, или ме нисте хтели разумѣти. Каж'те ми дакле ко е право свое на тронъ Іларіону уступіо?

Князь: Но? пакъ шта ћете сотымъ?

Сілоанъ: Само на вопрось!

Князь: Едвардъ! ко бы другій?

Сілоанъ: А гдѣ намъ е Едвардъ?

Князь: Добро ћешъ ты! а ніе ли Едвардъ погинуо у Палестини? — Пакъ си вальда науміо по слуху измышлѣному себе за Едварда издати ха! ха! ха! вато се тако бацакашъ.

Сілоанъ. (смыслено гледи на нѣга, и поћувивъ мало, извади изъ нѣдара своихъ Граммату одъ Парламента) Ево вамъ! и увѣрите се да самъ я истый Едвардъ!

Князь. (Тронуть съ трепѣуѣомъ рукою прійми Граммату, и погледавъ на Едварда) Ахъ ел' то могуће любезный мой Едвардъ! и вы Едвардъ? о всевышній Боже! (заплачесе и со тимъ загрливъ Ироя) Едвардъ мой живъ! Едвардъ преданномъ и я да га не познамъ. Сладкій мой Едварде любезна крови моя! одъ кое нигда вода не быва; чудесный муже, одъ кудъ тако! и тко бы ти се игда надати могао! Како л' да мы за толико време о теби преварени будемо, да си намъ погинуо! О всемилостиво небо! нигда ми се іоштъ душа у оваковомъ благопріятномъ чувству находила ніе, ни-

гда ми очи мое овако сладке сузе до данасъ изливале нису; о Боже! какво е блаженство ово за мене! — (поћутивши мало, окренесе сыну) Радуй се убо сыне! ты си срећанъ, ево ти второга отца, ево ти дѣте мое благодѣтеля, и обране твое! Онъ ти пада стриць, но више га и одъ мене уважавати имашъ; зато сыне загри га, и принеси му юношеско твое срдце на добродѣтели прси нѣгове, кое се благороднымъ чувствомъ за тебе и твою ползу одушевляваю: захвали му дѣте мое! — Юноша на то полети къ Сілоану, кои га у любезна своя обятія садъ прими „Сыне мой любезный, рекне му, Богъ да намъ те поживи! Срећанъ съ твоіомъ Миленомъ буди! Милена садъ овому удивисе и срдцемъ умилѣна то на Княза, а то на отца свога погледаше, не доумѣваюћи се откуда да Князь садъ овако Сілоану покажесе: како ли му внезапно она ярость изчезну, и съ каковымъ благоволеніемъ онъ садъ нѣногъ отца предусрѣташе. Срдце нѣно после онога страха садъ оживи, она се на лицу зарумени, и очи іой се у радостной сузи заблестаю. На то Сілоанъ любезный Княже! рекне, ово намъ е *Милена* наша! и простиме ми што самъ вамъ ту досаду чинію, и васъ мало неизвѣстіемъ промучію; ово намъ е Милена, кћи нашего Іларіона, и оне добре наше иногда Милене! — На кое Князь духомъ садъ на ново воспряне: Милена? и кћи Іларіонова? „Она ваша свѣтлость! Она иста, а садъ е и ваша кћи, и снаа ваша! Она е сирота до данасъ, и до овога часа отца свога у мени взирала; нити е она до овога часа знала, тко е нѣнъ правый отаць, тко ли

іой е мати была. Четрнаестъ веѣъ година како я попеченіе о ньой носимъ. Я самъ ню одъ године дана примію, и то чуднимъ ю начиномъ судба нвна мени вручи: и тако я самъ ю воспитаю, и ето данасъ ю за вашегъ сына удаю. — Ахъ, Сілоане! любезный мой Сілоане! ели то могуѣе? ово намъ е дакле Милена! —

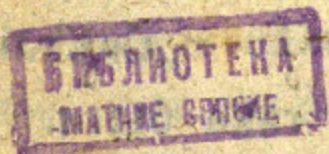
Дѣвица садъ и сама овимъ откровеніемъ порази се „како бы то было помысли, да я нисамъ роѣна кѣи овога славнога мужа? како ли бы я и одъ княжеске крви быти могла? При овой мысли нъной Князь разшири руке свое, и полети къ дѣвицы Ангеле мой милый! возопи, чедо мое дражайше! Она му притрчи на прси, и онъ ю отечески загрли, и почне ю любити: о Боже! вели одкудъ мени радость ова данасъ! Сладка дѣцо, Іуліе сыне! одите ми, одите отцу вашему и падните ми садъ на ово отворено срдце, на овай источникъ душевный, да изъ нѣта на васъ у овой радостной сузи благословъ мой отеческій вамъ излиемъ. — На ово садъ м аденцы клекну предъ старога, и онъ простревъ трепетне руке свое на нихъ погледи на небо „о всвѣтлый Боже! возопи, ниспосли на нихъ небесный твой благословъ! услыши всеблагій создателю нашъ! отеческо срдце мое, кое ми се сладкимъ садъ и волнява чувствомъ, и благослови намъ ова два цвѣта! ове двѣ душе младе; благослови ихъ на радость нашу, на дыку нашему отечеству и на славу твою о всевышній! поживи намъ ихъ, и утврди имъ у срдцама взаимну и искрену любовь! всели имъ чувство благо у чисто овако и непорочно іошъ

срдце нѣовс! умудри ихъ да намъ добродетелни и благочестиви постану, да кормиломъ кое имъ ко управленію народа вручавашъ, добро управляти могу! Страхъ твой Господи! да имъ буде начало премудрости; и да ихъ ангель твой съ выше имъ низнослать чрезъ Лавиринтъ жизни овдѣ на земли мирно спроводи! да имъ твоя у ограниченной сили ихъ на блага предпріятія, довлѣе благость! — Будите, убо намъ сретни любезне зѣнице наше! будите намъ долголѣтни, и Богомъ благословени!

Ово Князь сладкимъ чувствомъ опоенъ изговори и поцѣловавъ обое исправисе и дѣца устану „Сілоане любезни! возрази, ти си мене сила брате застидіо! у какво ме чувство садъ о ты чудесный муже постави; сладкій мой! (загрлившн га на ново и наслонивши му главу на раме) скадкій и милый мой! рекне му, задржи ме у пріятельству, и заостани намъ овой дѣци у полу са мною отаць! она су брате толико твоя, колико и моя. Я ти Любезный! твое дѣло, твой благородный съ овомъ дѣцомъ поступакъ многовише уважавамъ, неже ли би ти устма изговорити могао. Но за волю Божию Сілоане! како си се могао за толико време одъ насъ тако притаити? — „Свѣтлый Княже! и Любезный мой! морало е тако быти. Помислите само како е судба моя свирѣпо са мною поступила! Како е мни было, кадъ самъ я вратившу ми се изъ А е разумѣо за сладку мою Милену и Іларіона! Но съ толико ме по томъ, у крайнѣмъ момъ онако отчаінію судба опеть помилуе, што ми ово дѣте даруе, и тако се я съ нѣомъ нешто поутѣшимъ, иначе

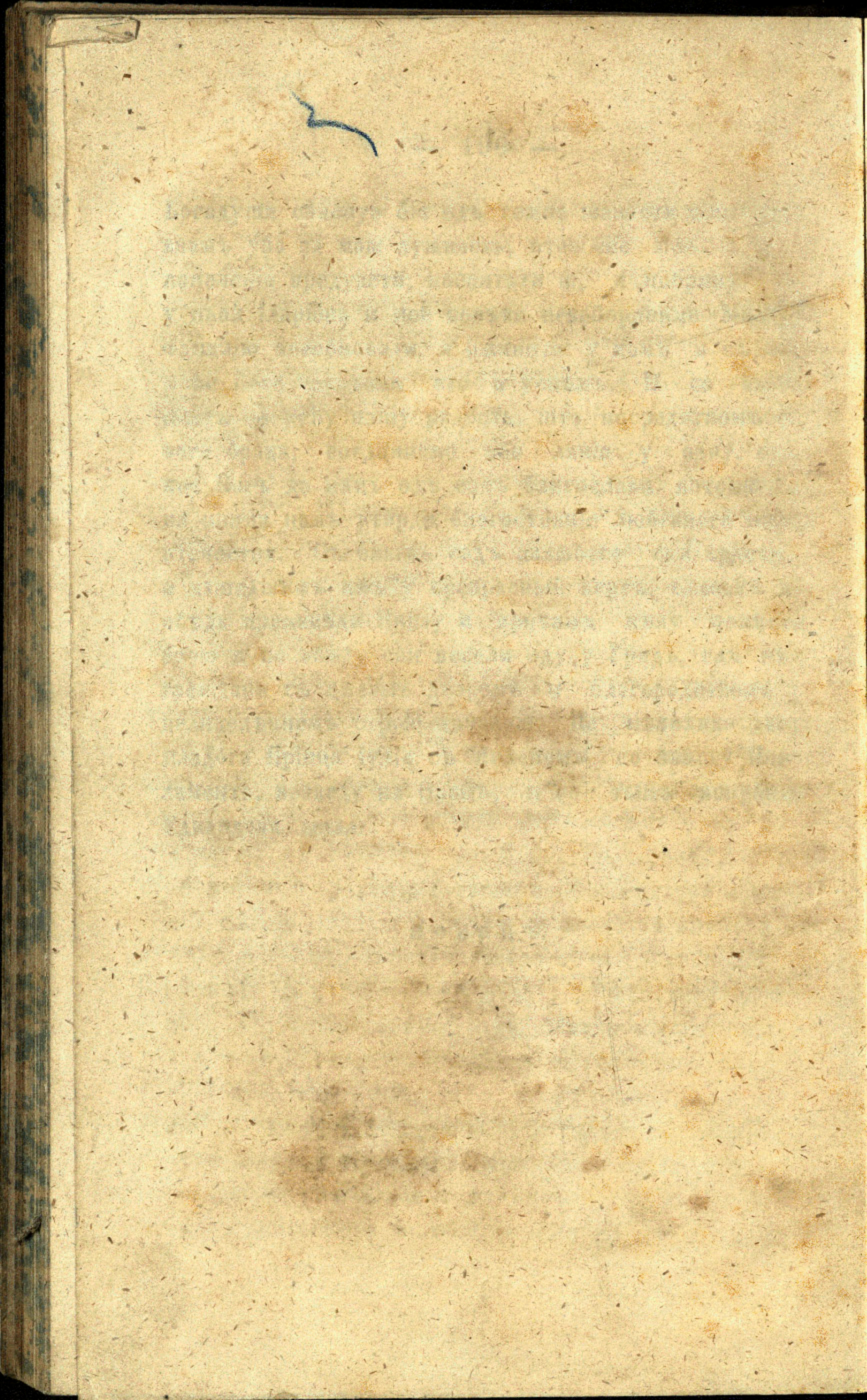
Богидуша свиснуо бы одъ тежке жалости мое. При-
знамъ убо за мою дужность, отческо мое о ньой
попеченіе предузети; воспитати ю, и побринути се
у ньой Іларіона и мое вовѣки незаборавиме Милене
фамилію возобновити, и оживити: у комъ я съ по-
моћи Бога частливо ето и успѣмъ. И со тымъ
іоштъ на веѣу нашу радость, што посредствомъ о-
вога брака, соединисмо обе линіе у одну, одъ
кое Богъ да намъ одъ садъ благослови потомке, и
на нѣма намъ утврди благостояніе любезнога намъ
отечества. Съ овымъ садъ излюбесе сви сердечно,
и изшедшимъ имъѣу прекрасный вертъ, Сілоанъ до
обѣда преповѣди Князу и прочимъ цѣлу повѣсть
свою и по обѣду сви весели оду у Градъ, гдѣ ихъ
граждани съ цѣлимъ дворомъ и благородствомъ у
великолѣпномъ строю дочекаю. По нѣколико дана
младога Принца Іуліа съ Миленомъ по налогу Пар-
ламента, возведу на Оронъ, и со тымъ испунисе
Едвардова желя.

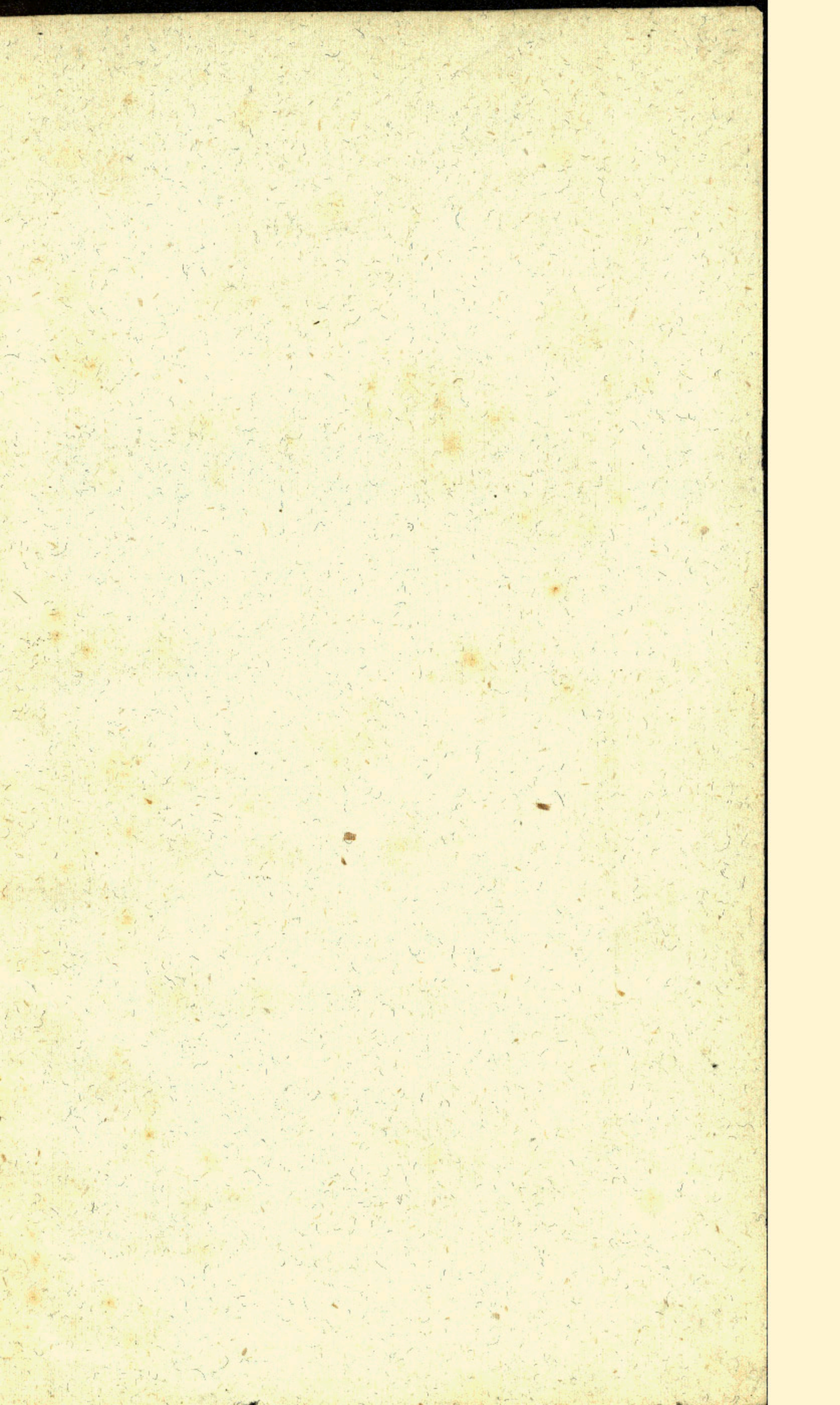
К о н а ц ѣ .

ИЗ КЪБИГА
БРАТѢ ЈОВАНОВИЦА
У ЦАНЧЕВУ

Handwritten signature or initials in blue ink, possibly reading "C. J. [unclear]".

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19 СРП 159. 1